

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

ОГОНЬ МЕЖДУ

НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

СЕРИЯ ЭЛЕМЕНТЫ. КНИГА 2

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

Когда-то был парень, и я любила его. Логан Фрэнсис Сильверстоун был моей полной противоположностью. Я танцевала, а он просто стоял. Он молчал, а у меня никогда не закрывался рот. Он улыбался через силу, а я отказывалась хмуриться. В ту ночь, увидев скрывающуюся в нем тьму, я оказалась не в силах отвести взгляд. Мы оба были сломлены, но каким-то образом удерживались, чтобы не рассыпаться на осколки. Мы сошлись по ошибке, но, тем не менее, это было правильно. Мы были звездами, сияющими в ночном небе, жаждали исполнения желаний и молились о лучшем будущем. Так было до того дня, пока я не потеряла его. Одно поспешно принятое решение изменило нас навсегда. Когда-то был парень, и я любила его. И в течение нескольких вдохов, шепотом сказанных слов и нескольких минут мне казалось, что он тоже любил меня.

Посвящение

Для тех, у кого есть огонь внутри, для стремящихся сделать завтрашний день лучше.
Для тех, кому важно знать, что о них не судят по совершенным в прошлом ошибкам.

Это для кого-то из вас.

Алисса

Из очереди к кассе на меня смотрел парень в красной толстовке. Я видела его раньше — много раз — включая утро этого понедельника. Каждый день он и его друзья околачивались в проулке за продуктовым магазином, где я работала. Я увидела их, когда мой босс заставил меня разбивать ящики и выбрасывать их на улицу.

Каждый день парень в красной толстовке появлялся вместе со своими друзьями. Они сильно шумели, курили и матерились как сапожники. Он выделялся, потому что другие ребята смеялись и улыбались. Он же казался молчаливым, словно его мысли жили за пределами того, что его окружает. Его губы почти всегда были сомкнуты. Я задавалась вопросом: а знал ли он, что такое улыбка? Кажется, он был человеком, который просто существовал, а не жил.

Иногда мы встречались взглядами, и я всегда отводила глаза.

Мне было тяжело смотреть в его карамельного цвета глаза, потому что они выглядели печальнее, чем у любых ребят его возраста. Заметные синеватые круги под глазами и общий помятый вид, но он все равно был привлекателен. Абсолютно уставший парень. Но ни один парень не должен выглядеть таким измученным и таким великолепным одновременно. Я была почти уверена, что все трудности на его веку пришлось на юность. Можно предположить, что он вел сильнейшую внутреннюю борьбу — сильнее, чем у большинства людей, ходящих по земле, — только по тому, как он стоял: плечи ссутулены, спина как будто никогда не выпрямлялась.

Но не все в нем выглядело так плохо.

Его темные волосы средней длины всегда были идеальными. Всегда. Иногда он вытаскивал небольшую расческу и проводил ею по волосам, словно гризер из 50-х. (Прим.: название «гризеры» (англ. Greasers) или «бриолинщики» произошло из-за их «грязных»

волос: волосы смазывались специальными помадами для волос (бриолином) и укладывались в разнообразные прически. Термин greasers для обозначения членов субкультуры получил широкое распространение спустя десятилетия, в рамках возрождения интереса к массовой культуре 1950-х годов). Одевался он всегда однообразно: в обычную белую либо черную футболку, иногда красную толстовку. Джинсы всегда были черными, как и ботинки, зашнурованные белыми шнурками. Не знаю, почему, но его манера одеваться всегда вызывала у меня мурашки, хотя одежда была простой. А еще мое внимание привлекали его руки. В них постоянно была зажигалка, которую он безостановочно то зажигал, то гасил. Подозреваю, что делал он это совершенно неосознанно. Похоже, пламя, вылетающее из зажигалки, было просто частью его существования.

Равнодушное выражение лица, усталые глаза, идеальная прическа и зажигалка в руке.

Какое имя подошло бы такому парню?

Может быть, Хантер? Оно звучало во многом подходяще для плохого парня — каким он и был, по моим предположениям. Или Гас. Гризер Гас. Грязный Гас. Или Майки — потому что это звучало мило, но было бы полной противоположностью тому, каким он казался на первый взгляд, и это мне доставляло удовольствие.

Но в данный момент его имя не имело значения.

Важно было то, что он стоял напротив меня. Он был более эмоционален, чем там, в проулке, где я видела его. Лицо покраснело, пальцы нервно подрагивали, пока он стоял в очереди к моей кассе в продуктовом магазине. В его глазах ясно читалось сильное замешательство, пока он снова и снова с силой прижимал свою продовольственную карточку к считывающему устройству. Каждый раз был отказ. Недостаточно средств. С каждым разом он становился все мрачнее. Недостаточно средств. Он прикусил нижнюю губу.

— Это бессмысленно, — пробормотал он сам себе.

— Я могу попробовать на своем устройстве, если хочешь. Иногда эти машины дают сбой, — я улыбнулась ему, но не получила ответной улыбки. Его лицо по-прежнему оставалось холодным. Он враждебно сдвинул брови, но, тем не менее, протянул мне свою карточку. Я провела ею по терминалу и нахмурилась. Недостаточно средств.

— Говорит, что на карте не хватает денег.

— Спасибо, Капитан Очевидность, — пробормотал он.

Грубо.

— Это какая-то фигня, — вздохнул он, его грудь поднялась и опустилась. — Мы только вчера получили на нее деньги.

Кто были эти «мы»? Не твое дело, Алисса.

— У тебя есть еще какая-нибудь карта, которую мы могли бы попробовать?

— Если бы у меня была другая карта, неужели ты думаешь, что я бы этого не сделал? — рявкнул он так, что я даже немного подпрыгнула. Хантер. Он должен быть Хантером. Я имею в виду — плохиш Хантер. Или, может быть, Тревис. В одной из книг был Тревис, и он был очень плохим. Тревис был настолько испорченным, что мне пришлось закрыть книгу, дабы удержаться от того, чтобы не покраснеть и не закричать одновременно.

Он вздохнул, оглядел очередь, которая собралась за ним, и затем встретился взглядом со мной.

— Прости. Я не должен был кричать.

— Все нормально, — ответила я.

— Нет. Это не так. Прости. Могу я оставить это на секунду? Мне нужно позвонить маме.

— Да, конечно. Я просто приостановлю заказ сейчас, а потом мы сможем просканировать твои товары снова, когда вопрос решится. Не беспокойся.

Он почти улыбнулся, и я практически пропала. Не думаю, что он знал, как это делается. Возможно, это просто судорога в губах, но, когда они слегка изгибаются, он выглядит потрясающе. По всей вероятности, он не часто тренировался в улыбках.

Он шагнул в сторону и набрал номер своей матери, а я изо всех сил старалась не подслушивать его разговор. Обслуживала следующих покупателей, но мои любопытные глаза и уши были прикованы к нему.

— Ма, я просто говорю, что чувствую себя долбаным идиотом. Я прикладываю карту и получаю отказ.

— Я знаю пин-код. Я ввел его.

— Ты пользовалась карточкой вчера? — спросил он. — Для чего? Что ты купила?

Он отодвинул телефон в сторону, когда мама отвечала ему, и закатил глаза, прежде чем приложить трубку обратно к уху.

— Что значит, ты купила тридцать две упаковки «Кока-Колы»? — закричал он. — Какого хрена мы будем делать с тридцатью двумя упаковками «Кока-Колы»? — все в магазине повернулись к нему. Он поймал мой взгляд, и замешательство вернулось к нему. Я улыбнулась. Он нахмурился. Душераздирающе красив. Он медленно повернулся ко мне спиной и вернулся к своему разговору. — И как мы должны питаться в течение следующего месяца?

— Да, мне заплатят завтра, но этого не будет достаточно, нет. Я не хочу снова просить у Келлана деньги. Ма, не перебивай меня. Слушай. Я должен оплатить аренду. Теперь я никак не буду в состоянии... — пауза. — Ма, заткнись, хорошо?! Ты потратила все деньги, отложенные на еду, на «Кока-Колу»!

Короткая пауза. Безумно гневная жестикуляция.

— Нет! Нет, мне плевать, была это диетическая «кола» или «кола-зеро»! — он вздохнул, проводя пальцами по волосам. Опустив телефон вниз на несколько секунд, он закрыл глаза и сделал пару глубоких вдохов. Потом снова поднес его к уху. — Все нормально. Я разберусь с этим. Не волнуйся, ладно? Я справлюсь. Я кладу трубку. Нет, я не злюсь, ма. Да, я уверен. Я просто отключаюсь. Ага, я знаю. Все нормально. Я не злюсь, ладно? Прости, что накричал. Прости. Я не злюсь, — он, насколько мог, понизил голос, но я не могла перестать прислушиваться. — Прости.

Когда он повернулся ко мне, я закончила обслуживать последнего покупателя на моей кассе. Он пожал плечом и подошел ближе, потирая заднюю часть шеи.

— Не думаю, что смогу оплатить это сегодня. Прости. Я могу разложить все обратно на полки. Прости. Прости, — он продолжил извиняться.

Мои внутренности стянулись в узел.

— Все нормально. Правда. Я все разложу. В любом случае, у меня пока нет работы. Я разложу все по местам.

Он снова нахмурился. Мне хотелось бы, чтобы он перестал так делать.

— Хорошо. Прости, — еще хотелось бы, чтобы он перестал извиняться.

Когда он ушел, я заглянула в его пакеты. Я изучала их содержимое с болью в сердце. Все вместе тянуло в общей сложности на 11 долларов, и он даже этого не смог себе позволить.

Лапша быстрого приготовления, крупы, молоко, арахисовое масло и буханка хлеба — продукты, которые я никогда не купила бы дважды.

Вы никогда не поймете, насколько хорошо живете, пока не увидите, как плохо может быть кому-то другому.

— Эй! — закричала я, догоняя его на парковке. — Ты забыл это!

Он медленно повернулся и непонимающе прищурился.

— Твои сумки, — объяснила я, передавая их ему. — Ты забыл свои сумки.

— Тебя могут уволить.

— За что?

— За кражу продуктов, — сказал он.

Я поколебалась секунду, немного смущенная тем, что его первым предположением была кража.

— Я не крала их. Я заплатила.

Его взгляд был полон недоумения.

— Зачем ты это сделала? Ты даже не знаешь меня.

— Я знаю, что ты стараешься заботиться о своей маме.

Он сжал переносицу и покачал головой.

— Я тебе все верну.

— Нет, не беспокойся об этом, — я покачала головой. — Ничего страшного.

Он прикусил нижнюю губу и провел рукой по глазам.

— Я тебе все верну. Но... спасибо тебе. Спасибо тебе... мм... — его взгляд упал на мою грудь, и на секунду я почувствовала себя некомфортно, пока не поняла, что он пытался прочесть мое имя на бейдже. — Спасибо, Алисса.

— Не за что, — сказала я.

Он повернулся и пошел своей дорогой.

— А что насчет тебя?! — закричала я ему вслед, икнув один или два раза — а может быть, пятьдесят.

— Что насчет меня? — спросил он, не оборачиваясь ко мне и продолжая идти.

— Как тебя зовут?

Хантер?

Гас?

Тревис?

Майки?!

Он, определенно, мог быть Майки.

— Логан, — сказал он и продолжил идти, ни разу не обернувшись. Я закусила воротник своей рубашки и пожевала его — это была плохая привычка, за которую моя мама всегда кричала на меня, но ее здесь не было, а в моем животе запорхали крошечные бабочки.

Логан.

Он похож на Логана, сейчас я поняла это.

***

Он вернулся через несколько дней, чтобы вернуть мне деньги. Потом он стал появляться каждую неделю, чтобы купить хлеба или еще лапши быстрого приготовления, или пачку жвачки. Он всегда вставал к моей кассе. В какой-то момент Логан и я начали разговаривать во время оплаты. Мы узнали, что его сводный брат встречался с моей сестрой, и они были вместе целую вечность. В какой-то момент он почти улыбнулся. А однажды, готова

поклониться, он рассмеялся. Мы в некотором роде подружились, начав с маленького обмена словами, который постепенно перерос в долгие разговоры.

Когда я выходила с работы, он уже сидел на обочине стоянки, ожидая меня, и мы разговаривали еще больше.

Палящее солнце покрывало загаром нашу кожу. Каждую ночь мы проводили под яркими звездами.

На кассе продуктового магазина я встретила своего лучшего друга.

И моя жизнь никогда уже не была прежней.

ЧАСТЬ 1

Его душа была в огне,

И он сжигал любого, кто стоял слишком близко.

Она подошла ближе,

Не страшась пепла, которым им суждено было стать.

Логан

Два года, семь подружек, два парня,

девять расставаний и сильнейшая дружба после

Я смотрел документальный фильм о пирогах.

Два часа моей жизни были просижены перед маленьким телевизором за просмотром истории пирога на DVD. Оказалось, что пирог появился примерно во времена древних египтян. Первый известный истории пирог был создан римлянами. Они делали ржаной хлеб с козьим сыром и медом. Это звучало совершенно отвратительно, но почему-то по окончании фильма единственное, чего я хотел — именно этого чертова пирога.

Я не был большим любителем пирогов — предпочитал торты — но в тот момент все мои мысли были полны мечтами о хрустящей корочке.

У меня было все необходимое, чтобы подняться в нашу квартиру и сделать пирог. Но на моем пути к этому стояла Шей — моя теперь уже экс-подруга — и последние несколько часов я провел, делая ей неоднозначные намеки.

Я херово умею расставаться с девушками. По большей части я писал им простое «Ничего не получится, прости» или совершал пятисекундный телефонный звонок, чтобы порвать с ними, но в этот раз я не мог так поступить, ведь Алисса сказала, что расставание по телефону — это самое худшее, что может совершить человек.

Так что я встретился с Шей лично. Ужасная идея.

Шей, Шей, Шей. Мне хотелось, чтобы сегодня не возникло необходимости в сексе с ней, но он случился. Трижды. После того, как я порвал с ней. Но сейчас уже второй час ночи, и...

Она. Не. Ушла.

А еще не могла перестать болтать.

Поливал холодный дождь, когда мы остановились перед входом в мой дом. Все, чего я хотел, это пойти в спальню и немного расслабиться. Разве я много прошу? Покурить немного дури, начать смотреть новый документальный фильм и испечь пирог. Или пять.

Я хотел побыть один. Никто не любил быть в одиночестве больше, чем я.

Мой телефон звякнул, и я увидел имя Алиссы, появившееся на экране вместе с текстовым сообщением.

Алисса: Доброе дело сделано?

Я усмехнулся про себя, зная, что она имела в виду мое расставание с Шей.

Я: Ага.

Я наблюдал за движущимися эллипсами на экране телефона, пока Алисса набирала ответ.

Алисса: Ты же не спал с ней, так ведь?

Снова эллипсы.

Алисса: О, Боже мой, ты спал с ней?

Еще больше эллипсов.

Алисса: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ НАМЕКИ!

Я не смог удержаться от смеха, потому что она знала меня лучше, чем кто-либо другой. Мы с Алиссой были лучшими друзьями в течение последних двух лет и являлись полными противоположностями друг другу. Ее старшая сестра встречалась с моим братом Келланом, и поначалу Алисса и я были убеждены, что у нас нет ничего общего. Она с удовольствием сидела в церкви, пока я курил марихуану за углом. Она верила в Бога, пока я танцевал с демонами. У нее было будущее, пока я, казалось, был заперт в прошлом.

Но было нечто общее, имеющее смысл для нас двоих. Ее мама с трудом выносила ее, моя мама ненавидела меня. Ее отец был придурком, мой отец был Сатаной.

Когда мы осознали эти мелочи, объединяющие нас, то стали больше времени проводить вместе, с каждым днем сближаясь все больше.

Она была моим лучшим другом, лучом света в темноте моих дерьмовых дней.

Я: Я переспал с ней один раз.

Алисса: Дважды.

Я: Ага, дважды.

Алисса: ТРИ РАЗА, ЛОГАН?! О, БОЖЕ!

— Кому ты пишешь? — заскулила Шей, отвлекая мое внимание от телефона. — Кто может быть более важным, чем наш разговор прямо сейчас?

— Алисса, — решительно сказал я.

— О, Боже. Серьезно? Она просто не может тобой насытиться, не так ли? — пожаловалась Шей. Это не было новостью. Каждая девушка, с которой я встречался за последние пару лет, безумно ревновала меня к моим отношениям с Алиссой. — Держу пари, ты трахаешь ее.

— Ага, это так, — сказал я. Это была первая ложь. Алисса не была доступной, а если и была, то не для меня. У нее были свои требования — требования, под которые я не подходил. К тому же, и у меня были требования к отношениям Алиссы — требования, под которые не мог подойти ни один парень. Она заслуживала целого мира, а большинство людей в Тру-Фолс, штат Висконсин, предлагали только крохи.

— Спорим, что ты бросаешь меня из-за нее.

— Да, так и есть, — это была вторая ложь. Я сделал свой выбор самостоятельно, но Алисса всегда поддерживала меня, несмотря ни на что. Она всегда давала мне советы, но и озвучивала, где я был неправ во всех своих отношениях. Иногда она была болезненно прямолинейной.

— Тем не менее, она никогда не будет с тобой. Она хорошая девочка, а ты — ты кусок

дерьма! — заплакала Шей.

— Ты права, — это была первая правда.

Алисса была хорошей девочкой, а я был парнем, который никогда не имел шанса назвать ее своей. Хотя временами, глядя на ее сумасшедшие светлые кудри, я мысленно представлял, как бы это могло быть: притянуть ее ближе и медленно попробовать ее губы. Возможно, в другом мире я был бы хорош для нее. Может, не будь я испорченным с самого детства, провел бы свою жизнь с ней. Я закончил бы колледж и сделал бы карьеру, проявил бы себя в чем-нибудь. Тогда я мог бы пригласить ее в какой-нибудь модный ресторан и попросить ее заказывать из меню, что угодно, потому что деньги не были бы проблемой.

Я мог бы говорить ей, что ее голубые глаза всегда улыбались, даже когда она хмурилась, и что я любил, как она жевала воротники всех своих футболок, когда ей было скучно или тревожно.

Я мог бы быть кем-то, достойным любви, и, возможно, она бы позволила мне любить ее. Может быть, в другом мире. Но у меня было только здесь и сейчас, где Алисса была моим лучшим другом.

Для меня это и так удача — быть с ней в таком качестве.

— Ты говорил, что любишь меня, — плакала Шей, и слезы катились по ее щекам.

Как долго она уже плачет? Она профессиональная плакальщица, это точно.

Я изучал ее лицо, засунув руки в карманы джинсов. Черт. Она выглядела ужасно: все еще под кайфом, макияж размазан по всему лицу.

— Я не говорил этого, Шей.

— Нет, говорил! Ты говорил это больше, чем один раз! — поклялась она.

— Ты несешь чушь, — я бы покопался в своей памяти, чтобы понять, вылетали ли эти три слова из моего рта в какой-то момент, но точно знал, что этого не было. Я не любил. Она едва ли мне нравилась. Я коснулся пальцами виска. Шей действительно нужно забраться в свою машину и уехать далеко-далеко.

— Я не дура, Логан! Я знаю, что ты сказал это! — в ее словах звучала убежденность и надежда на то, что я любил ее. Что, в целом, было довольно грустно. — Ты сказал это сегодня чуть раньше! Помнишь? Ты сказал, что чертовски любишь меня!

Чуть раньше сегодня?

Ох, дерьмо.

— Шей, я сказал, что люблю тебя трахать. А не что чертовски люблю тебя. (Прим.: Перестановка слов в фразе: I love fucking you. Not that I fucking love you).

— Это то же самое.

— Поверь мне, нет.

Она замахнулась своей сумкой, и я позволил ей ударить меня. Правда, я это заслужил. Она замахнулась снова, и я снова позволил это. Шей сделала еще замах, и я, схватив сумку, дернул ее — и Шей — ко мне. Моя рука опустилась ей на поясницу, и она выгнулась от этого прикосновения. Я прижал ее тело ближе к своему. Она тяжело дышала, а слезы по-прежнему катились по щекам.

— Не плачь, — прошептал я, включая все свое очарование в попытке заставить ее уйти. — Ты слишком красива, чтобы плакать.

— Ты такой мудака, Логан.

— И именно поэтому тебе не следует быть со мной.

— Мы расстались на три часа, и ты стал совершенно другим человеком.

— Это забавно, — пробормотал я. — Потому что, как я заметил в последний раз, это ты стала другой и замутила с Ником.

— О, перестань. Это была ошибка. У нас даже не было секса. Ты единственный парень, с которым я спала за последние полгода.

— Мм, мы встречались восемь месяцев.

— Ты что, великий математик? Это не имеет значения.

С Шей у меня были самые долгие отношения за последние два года. Чаще всего это было, самое большее, месяц, но с Шей у нас получилось восемь месяцев и два дня. Не могу сказать, почему именно, но знаю, что ее жизнь была почти копией моей. Ее мама была далеко не нормальная, а отец сидел в тюрьме. За ней некому было присматривать. Ее сестру мать выгнала из дома после того, как ее обрюхатил какой-то козел.

Может быть, на какое-то время темнота во мне увидела и признала темноту в ней. Это было логично. Но время шло, и я понял, что это: мы просто похожи, но, на самом деле, не принадлежим друг другу. Мы оба слишком запутались. Быть с Шей — это как смотреть в зеркало и видеть все свои шрамы со стороны.

— Шей, давай не будем. Я устал.

— Ладно. Я забыла. Ты ведь мистер Совершенство. Люди совершают плохие поступки в жизни, — пояснила Шей.

— Ты целовалась с моим другом, Шей.

— Мы просто целовались! И я сделала это только потому, что ты изменил мне.

— Даже не знаю, что на это ответить, потому что я никогда не изменял тебе.

— Может быть, не секс, но эмоционально, Логан. Ты никогда не был полностью здесь со мной. Это все вина Алиссы. Она причина того, что ты никогда не принадлежал мне. Она такая глупая суч...

Я закрыл ей рот рукой, останавливая ее.

— Опережу то, что ты собиралась сказать. Не делай этого, — я опустил руку, и Шей затихла. — В первый же день я признался тебе, кто я. Это только твоя вина, раз думала, что сможешь меня изменить.

— Ты никогда не будешь счастлив с кем-то, знаешь? Потому что так повернут на девушке, которую никогда не получишь. Ты закончишь жизнь в тоске, одиночестве и злобе. И вот тогда осознаешь, что ты имел, когда был со мной!

— Ты можешь просто уйти? — вздохнул я, проводя рукой по лицу. Я винил Алиссу в этом.

«Порви с ней лично, Ло. Это единственный способ, которым воспользуется настоящий мужчина. Ты не можешь порвать с кем-то по телефону».

Иногда некоторые ее идеи ужасны.

Шей продолжала плакать.

Боже, эти слезы.

Справляться со слезами я не умел.

Несколько раз шмыгнув носом, Шей посмотрела в пол, после чего с вспыхнувшей уверенностью высоко подняла голову.

— Я думаю, нам пора расстаться.

Я притворился удивленным.

— Расстаться? — мы уже это сделали!

— Я просто чувствую, что мы два человека, идущие в противоположных направлениях.

— Хорошо, — сказал я.

Она прижала пальцы к моим губам с просьбой замолчать, хотя я ничего не говорил.

— Не будь таким эмоциональным. Мне так жаль, Логан. Но это просто не работает.

Я внутренне хихикнул: она старается сделать так, чтобы наше расставание выглядело ее идеей. Сделав шаг назад, я положил руки на шею.

— Ты права. Ты слишком хороша для меня.

Почему ты все еще здесь?

Она подошла ко мне и коснулась кончиками пальцев моих губ.

— Ты встретишь кого-то хорошего. Я знаю это. Я имею в виду, она, естественно, будет похожа на обезьяну, но зато будет постоянной.

Девушка трусцой добежала до своей машины, открыла дверцу и забралась внутрь. Когда машина отъехала, внутри все стянулось в узел, и меня охватило сожаление. Я побежал за ее машиной под проливным дождем, выкрикивая ее имя.

— Шей! Шей! — я размахивал руками в темноте, пробежав, по крайней мере, пять кварталов, прежде чем она остановилась на красный сигнал светофора. Я постучал в водительское окно, и она закричала от испуга.

— Логан! Какого черта ты делаешь?! — воскликнула она, опуская стекло. Ее замешательство превратилось в гордую ухмылку, и она прищурилась. — Ты хочешь вернуться ко мне, не так ли? Я знала это.

— Я... — я фыркнул. Я не был спортсменом — это больше территория моего брата. Я попытался отдышаться, держа руки на краю ее стекла. — Мне... нужно...

— Тебе нужно что? Что, малыш? Что тебе нужно? — спросила она, нежно проводя рукой по моей щеке.

— Пирог.

От удивления она откинулась назад.

— Что?

— Пирог. Ингредиенты для пирога, которые мы покупали. Они на заднем сидении.

— Ты, блядь, издеваешься? — завизжала она. — Ты преследовал меня столько кварталов ради ингредиентов для пирога?!

Я приподнял бровь.

— Эм, да?

Она потянулась назад, схватила сумку и ударила меня ею по груди.

— Ты невероятный! Вот твое глупое дерьмо!

Я ухмыльнулся.

— Спасибо.

Ее машина тронулась, и я не смог удержаться от смеха, когда услышал ее крик.

— Ты должен мне двадцать баксов за этот козий сыр!

Войдя в квартиру, я в ту же секунду достал телефон и отправил сообщение.

Я: В следующий раз, расставаясь с девушкой, я отправлю сообщение.

Алисса: Так плохо?

Я: Кошмарно.

Алисса: У меня чувство вины перед ней. Ты ей действительно нравился.

Я: Она изменяла мне!

Алисса: И все же ты нашел способ переспать с ней трижды.

Я: На чьей ты стороне?

Эллипсы.

Алисса: Она такой монстр! Я так счастлива, что она ушла из твоей жизни. Никто не заслуживает такого психа. Она отвратительна. Я надеюсь, что она будет случайно наступать на мелкие детальки «Лего» всю оставшуюся жизнь.

Это был тот ответ, в котором я нуждался.

Алисса: Люблю тебя, лучший друг.

Я прочел ее слова и попытался проигнорировать тянущую боль в груди. Люблю тебя. Я никогда никому не говорил такого, даже маме и Келлану. Но иногда, когда Алисса Мари Уолтерс говорила, что любит меня, мне хотелось, чтобы я мог ответить тем же.

Но я не любил.

Мне просто нравилось.

По крайней мере, это была та ложь, которую я повторял себе ежедневно, чтобы избежать боли. Большинство людей думали, что любовь — это награда, но я лучше знал. Я видел, как моя мама любила моего отца на протяжении стольких лет, и ничего хорошего из этого не вышло. Любовь не была благословением. Она была проклятием. Стоит лишь впустить ее в свое сердце, и она оставит на нем только ожоги.

Алисса

Я: Привет, пап. Просто хочу убедиться, что ты придешь на мое выступление, я буду играть на фортепиано.

Я: Привет! Ты видел мое последнее сообщение?

Я: Привет, снова я. Просто напиши мне, что ты в порядке. Эрика и я волнуемся.

Я: Пап?

Я:??

***

Я: Ты еще не спишь, Ло?

Отправив сообщение Логану, я смотрела на свой телефон с колотящимся в груди сердцем. Проверила время и тяжело вздохнула.

2:33 ночи.

Я должна была спать, но снова думала о папе. Я отправила ему в общей сложности пятнадцать смс и десять голосовых сообщений за последние два дня, и все еще ничего не получила в ответ.

Я положила телефон себе на грудь, делая глубокие вдохи и выдохи. И тут же ответила, когда он начал вибрировать.

— Тебе следовало спать, — прошептала я в трубку, тайно радуясь, что он ответил. — Почему ты не спишь?

— Что случилось? — спросил Логан, игнорируя мой вопрос.

Небольшое хихиканье сорвалось с моих губ.

— Почему ты думаешь, что что-то случилось?

— Алисса, — сурово сказал он.

— Говнюк все еще не перезвонил мне. Я звонила ему раз двадцать за эту неделю, а он не перезвонил мне.

Говнюком мы называли моего отца после того, как он ушел из нашей семьи. Мы с ним были очень близки — двое музыкантов в семье — и когда он ушел, часть меня ушла вместе с ним. Я редко рассказывала о нем, но даже если бы не произносила ни слова, Логан бы всегда

узнал, что это беспокоило меня.

— Забудь о нем. Он кусок дерьма.

— У меня будет самый большой в карьере летний фортепианный концерт, и я не знаю, смогу ли сделать это без него, — я изо всех сил пыталась держать эмоции в узде. Но этой ночью в своих стараниях не заплакать я проигрывала. Я переживала за него больше, чем мама или Эрика. Может быть, потому, что они никогда на самом деле не понимали, каким он был творцом и исполнителем. У них обеих был очень приземленный склад ума, дающий достаточную стабильность; папа и я были своего рода плывущими духами, танцующими в огне.

Но в последнее время он не звонил. И я очень сильно волновалась.

— Алисса, — начал Логан.

— Ло, — прошептала я дрожащим голосом. Он слышал шмыганье через трубку, и я села ровнее. — Когда я была маленькой, грозы на самом деле сводили меня с ума. И я прибежала в спальню родителей, умоляя их позволить мне спать с ними. Мама никогда не позволяла мне. Она говорила, что я должна понять: гроза не причинит мне боли. Говнюк тоже всегда соглашался с ней. Поэтому я шла назад в свою спальню, заворачивалась в одеяло, слушала раскаты грома и пыталась изо всех сил не видеть молнии. Спустя несколько минут дверь моей спальни открывалась, у него в руках был синтезатор, и он играл рядом с моей кроватью, пока я не засыпала. По большей части я сильная. Со мной все хорошо. Но сегодня гроза, и все эти неотвеченные звонки... Сегодня он сломал меня.

— Не позволяй ему, Алисса. Не позволяй ему выиграть.

— Я просто... — я начала плакать в трубку, распадаясь на части. — Мне просто грустно, вот и все.

— Я иду.

— Что? Нет. Уже поздно.

— Я иду.

— Автобусы перестали ходить в два часа, Логан. Плюс, моя мама закрыла ворота к нашему участку и заперла их. Ты не сможешь попасть в любом случае. У меня все отлично.

Мама была первоклассным юристом, и у нее были деньги — много денег. Мы жили в доме на вершине холма, с огромным забором вокруг нашего участка. Было невозможно попасть сюда после того, как мама закрывалась на ночь.

— Я в порядке, — пообещала я. — Я просто хотела услышать твой голос, который напомнил бы, что мне лучше без Говнюка.

— Потому что так и есть, — объяснил он.

— Ага.

— Нет, Алисса, правда. Ты лучше, чем Говнюк.

Мои рыдания стали сильнее, и мне пришлось прикрыть рот рукой, просто чтобы Логан не услышал, как сильно я плакала. Тело тряслось в кровати, я была совершенно разбита, слезы пропитывали наволочку, мои мысли вызывали еще большую тревогу.

Что, если с ним что-то случилось? Что, если он снова запил? Что если...

— Я приду.

— Нет.

— Алисса, пожалуйста, — Ло звучал так, будто умолял.

— Ты под кайфом? — спросила я.

Он заколебался, что было достаточным ответом для меня. Я всегда могла сказать, когда

он был под кайфом, в основном потому, что он почти всегда был в этом состоянии. Логан знал, что это беспокоило меня, но всегда говорил, что он — белка в колесе, неспособная поменять свой путь.

Во многом мы были очень разными. Но для меня это не имело большого значения. Я довольно много работала, играла на фортепиано и тусовалась с Логаном. У него было гораздо больше опыта в тех вещах, о которых я не имела представления. Он употреблял наркотики, названий которых я даже не знала. Он терялся в этом почти каждую неделю, обычно после стычек с отцом или проблем с матерью, но почему-то всегда находил путь домой, ко мне.

Я изо всех сил пыталась притворяться, что это не беспокоило меня, но иногда так и было.

— Спокойной ночи, лучший друг, — мягко произнесла я.

— Спокойной ночи, лучший друг, — ответил он, вздыхая.

***

Его руки были спрятаны за спиной, и он промок с головы до пят. Его обычно волнистые каштановые волосы прилипли к голове, пряди закрывали глаза. Он был одет в свою любимую красную толстовку и черные джинсы, в которых было больше дырок, чем в любой дизайнерской паре штанов. На лице глупая ухмылка.

— Логан, три тридцать утра, — прошептала я, надеясь не разбудить маму.

— Ты плакала, — сказал он, стоя на дорожке перед дверью. — И гроза не прекращалась.

— Ты пришел сюда пешком? — спросила я.

Он чихнул.

— Не так уж далеко.

— Ты перелез через забор?

Он немного повернулся, показывая мне дыру в своих джинсах.

— Я перелез через забор, плюс... — он убрал руки из-за спины, демонстрируя противень для пирогов, обернутый алюминиевой фольгой. — Я сделал тебе пирог.

— Ты сделал пирог?

— Чуть раньше сегодня я смотрел документальный фильм про пироги. Ты знала, что пироги были еще у древних египтян? Первый задокументированный пирог создали римляне, и это был ржаной...

— Пирог с козьим сыром и медом? — перебила его я.

Его лицо застыло от шока.

— Откуда ты знаешь?!

— Ты вчера мне рассказывал.

Он немного смутился.

— Оу. Точно.

Я засмеялась.

— Ты под кайфом.

Он хмыкнул, кивнув.

— Я под кайфом.

Я улыбнулась.

— От твоего дома до моего сорок пять минут хода, Логан. Тебе не следовало идти так далеко. И ты дрожишь. Пойдем внутрь, — я схватила его за рукав промокшей красной толстовки и потянула в дом, ведя вдоль коридора в ванную, примыкающую к моей спальне.

Закрыв дверь за собой, я усадила его на крышку унитаза. — Снимай толстовку и футболку, — приказала я.

Он озорно ухмыльнулся.

— А ты сначала не предложишь мне выпить?

— Логан Фрэнсис Сильверстоун, — зарычала я. — Не будь странным.

— Алисса Мари Уолтерс. Я всегда странный. Поэтому и нравлюсь тебе.

Он не ошибся.

Ло снял толстовку и футболку, бросив их в душевую кабину. Мой взгляд на мгновение задержался на его груди, и я изо всех сил пыталась игнорировать бабочек в животе, пока оборачивала его тело тремя полотенцами.

— О чем, блин, ты думал?

Его карамельные глаза были нежными, и он наклонился ближе, встречаясь со мной взглядом.

— Ты в порядке?

— Все нормально, — я провела пальцами по его волосам — они такие холодные и мягкие. Он следил за каждым моим движением. Я схватила маленькое полотенце, опустилась на колени перед ним и, покачав головой, начала сушить его волосы. — Тебе следовало остаться дома.

— У тебя красные глаза.

Я слегка хмыкнула.

— Как и твои.

Снаружи раздался раскат грома, и мое сердце ушло в пятки. Логан положил свою руку на мою в успокаивающем жесте. Из меня вырвался тихий всхлип. Я уставилась на его пальцы, лежащие на моих, и его взгляд опустился на то же место. Прочистив горло, я отступила от него.

— Съедем пирог сейчас?

— Да, съедем сейчас.

Мы тихо направились в кухню, надеясь не разбудить мою маму, но я была почти уверена, что она не проснулась бы из-за того количества снотворного, которое принимала каждый вечер. Логан запрыгнул на столешницу — без футболки и в мокрых джинсах — держа свой пирог.

— Тарелки? — предложила я.

— Только вилку, — ответил он.

Схватив вилку, я запрыгнула на столешницу рядом с ним. Он взял вилку, наколот на нее приличный кусок пирога и протянул его мне. Закрыв глаза, я с готовностью откусила и влюбилась.

Боже.

Он был лучшим поваром. Я не могла этого утверждать, но сомневалась, что многие люди могут приготовить пирог с козьим сыром и медом. Логан не только приготовил его, он дал ему жизнь. Пирог был сливочный, свежий, божественно вкусный.

Я закрыла глаза и открыла рот, ожидая, когда он даст мне еще откусить.

— Ммм, — простонала я легонько.

— Ты стонешь от моего пирога?

— Я определенно стону от твоего пирога.

— Открой рот. Я хочу снова услышать, как ты делаешь это.

Я вздернула бровь.

— Ты опять становишься странным.

Он улыбнулся. Я любила эту улыбку. Ему так часто в своей жизни приходится хмуриться, поэтому я научилась ценить каждую его улыбку. Логан захватил еще кусок пирога и поднес его к моим губам. Он начал воспроизводить шум самолета, двигая вилкой так, как если бы она летела по воздуху. Я изо всех сил постаралась не рассмеяться, но не смогла. Я открыла рот, и самолет совершил посадку.

— Ммм, — простонала я.

— Ты отлично стонешь.

— Если бы я получала доллар за каждый раз, когда это слышала, — поддразнила я его.

Он прищурился.

— Ты бы получила ноль долларов и ноль центов, — съязвил он в ответ.

— Ты козел.

— Чтобы было ясно: если какой-нибудь парень скажет, что ты отлично стонешь, и это буду не я, я шутя его убью.

Он всегда говорил, что убьет любого парня, который посмотрит в мою сторону, и, чаще всего, мои отношения не складывались, видимо, как раз из-за этого факта — они все смертельно боялись Логана Фрэнсиса Сильверстоуна. Я не понимала их страха. Для меня он был просто большим плюшевым мишкой.

— Это лучшее из всего, что я съела за день. Это так вкусно, что я хочу эту вилку поставить в рамочку.

— Настолько хорошо? — он ухмыльнулся, и на его лице отразилась огромная гордость.

— Настолько хорошо, — сказала я. — Тебе следует серьезно подумать о поступлении в кулинарный колледж — мы уже говорили об этом раньше. Ты стал бы замечательным поваром.

Слегка нахмурившись, он фыркнул.

— Колледж не для меня.

— Хотя мог бы быть.

— Сменим тему, — сказал он, шмыгнув носом. Я не настаивала, зная, что этот вопрос раздражал его. Он считал, что недостаточно умен для поступления в любую школу, но это неправда. Логан был одним из самых умных людей, которых я знала. Если бы только он увидел себя таким, каким вижу его я, его жизнь изменилась бы навсегда.

Вырвав вилку у него из руки, я засунула в рот еще больше пирога и громко застонала, чтобы разрядить обстановку. Логан снова улыбнулся. Хорошо.

— Я, правда, так счастлива, что ты принес это, Ло. На самом деле я почти не ела сегодня. Моя мама сказала, что мне нужно сбросить килограммов десять, прежде чем я пойду в колледж осенью, потому что все первокурсники набирают десять-двенадцать.

— Я думал, что обычно набирают пять-семь килограммов.

— Мама сказала, что раз я и так полная, то наберу куда больше, чем обычный студент. Ну, она меня так любит.

Он драматично закатил глаза.

— Как мило.

— Я не должна есть после восьми.

— К счастью, уже больше четырех утра, так что это новый день! Мы должны съесть весь пирог до восьми!

Я хихикнула, быстро прикрыв его рот руками, чтобы удержать его от следующего крика. Я почувствовала, как его губы легко поцеловали мою ладонь, и мое сердце пропустило удар. Я медленно убрала руку, чувствуя появление бабочек, и откашлялась.

— Это тяжелая работа, но кто-то должен сделать ее.

Так мы и сделали, съев весь пирог. Когда я пошла к раковине, чтобы вымыть вилку, он схватил меня за руку.

— Нет, мы не можем вымыть ее. Мы должны поставить ее в рамочку, помнишь?

Когда его рука коснулась моей, сердце пропустило удар еще раз.

Наши глаза встретились, и он шагнул ближе.

— И просто, чтобы ты знала, ты прекрасна такая, какая есть, Али. На хер мнение твоей матери. Я считаю тебя красивой. Не только внешне — внешняя красота со временем исчезает — я имею в виду, во всех проявлениях. Ты просто чертовски красивый человек, так что на хер чужое мнение. Ты знаешь, как я отношусь к людям.

Я кивнула, зная его жизненное кредо.

— На хер людей, заведи питомца.

— Вот это правильно, — ухмыльнулся он, отпуская мою руку. Мне стало не хватать его прикосновения еще до того, как он убрал руку. Логан начал зевать, и это отвлекло меня от моего непредсказуемого сердцебиения.

— Устал? — спросила я.

— Я бы поспал.

— Тебе придется уйти до того, как проснется моя мама.

— Разве я не всегда так делаю?

Мы пошли в мою спальню. Я дала ему пару штанов и футболку, которые стянула у него пару недель назад. После того, как он переоделся, мы заползли в мою кровать и легли бок о бок. Я никогда не спала в одной кровати ни с одним парнем, кроме Логана. Иногда я просыпалась, лежа головой на его груди, и, прежде чем отстраниться, слушала его сердцебиение. Он сильно храпел, дыша ртом. Когда он остался в первый раз, я не сомкнула глаз. Но со временем его звуки начали напоминать мне дом. И вот что получается: дом — это не конкретное место. Дом — это ощущение того, о ком ты больше всех заботишься, ощущение мира, которое успокаивает огонь в твоей душе.

— Все еще уставший? — спросила я, когда мы лежали в темноте, но мой разум все еще бодрствовал.

— Ага, но мы можем поговорить.

— Я просто задавалась вопросом. Ты никогда не рассказывал мне, откуда у тебя такая любовь к документальным фильмам.

Он провел пальцами по волосам, прежде чем закинуть руки за голову и посмотреть в потолок.

— Однажды летом я оставался у своего дедушки, незадолго до его смерти. У него был фильм про галактику, который пробудил во мне желание узнать больше обо... всем. Если бы я мог вспомнить название фильма, то, не задумываясь, купил бы его. То ли «Черная дыра»... то ли «Черная звезда»... — он нахмурился. — Я не знаю. Все равно. Мы с ним стали смотреть все больше и больше фильмов вместе. Это стало нашей фишкой. Это было лучшее лето в моей жизни, — казалось, его накрыла волна печали, и он посмотрел вниз. — После его смерти я просто продолжил нашу традицию. Возможно, это единственная традиция, которая у меня когда-либо была.

— Ты много знаешь о звездах?

— Многое. Если бы в этом городе было достаточно места, я бы показал тебе звезды без всего этого светового загрязнения, а еще и некоторые созвездия. Но, к сожалению, нет.

— Это очень плохо. Мне бы понравилось. Ну, я так думаю. Тебе следует сделать документальный фильм о своей жизни.

Он засмеялся.

— Никто не захочет смотреть его.

Я повернула голову в его сторону.

— Я захочу.

Он подарил мне полуулыбку и обнял, притягивая к себе. Его тепло всегда посылало искры по моему телу.

— Ло? — прошептала я, практически засыпая и тайно влюбляясь в своего лучшего друга.

— А?

Я открыла рот, чтобы сказать, но вместо этого получился лишь легкий вздох. Я опустила голову ему на грудь и слушала удары его сердца, считая каждый из них. Один... Два... Сорок пять...

Спустя несколько минут течение моих мыслей замедлилось. Спустя несколько минут я забыла, почему мне было так грустно. Спустя несколько минут я заснула.

Логан

В нашей с мамой квартире не было кабельного — это было отлично, и я особо не возражал. Когда я был ребенком, у нас было кабельное, но из-за моего отца оно того не стоило. Он оплачивал счета за него, и его бесило, что я сидел перед телеком какую-то часть дня и смотрел мультики. Слово он ненавидел то, что несколько минут в день я был счастлив. А потом в один прекрасный день он пришел в наш дом, забрал телевизор и отключил услугу.

В тот же день он ушел из нашей квартиры.

Это тоже был один из лучших дней в моей жизни.

Спустя какое-то время я нашел телевизор в мусорке. Это был маленький девятнадцатидюймовый телевизор с DVD-плеером, так что я принес из библиотеки кучу документальных фильмов и смотрел их дома. Я был человеком, который слишком много знал обо всем: бейсболе, тропических птицах, секретных военных базах — и все из документальных фильмов. Но в то же самое время я не знал абсолютно ничего.

Иногда мама смотрела их со мной, но чаще всего это были одиночные сеансы.

Мама любила меня, но я не сильно ей нравился.

Ну, это не совсем правда.

Трезвая мама любила меня, словно лучшего друга.

Накачанная наркотиками мама была монстром, и он стал единственным, кто жил в нашем доме в последнее время.

Иногда я скучал по трезвой маме. Иногда, закрыв глаза, я вспоминал звук ее смеха и изгиб ее губ, когда она была счастлива.

Перестань, Логан.

Я ненавидел свой разум за эти воспоминания. Они резали мою душу кинжалами, а позитивных, дающих сил держаться, почти не было.

Хотя мне было все равно, потому что я держал свой разум под кайфом — достаточно для того, чтобы забыть о той дерьмовой жизни, которой я жил. Если я имел возможность запереться в своей комнате с запасом фильмов и каким-нибудь хорошим дерьмом, чтобы покурить, то почти мог забыть о том, что несколько недель назад моя мама стояла на углу, пытаясь продать свое тело за несколько дорожек кокса.

Это был звонок от моего друга Джейкоба, на который я хотел бы никогда не отвечать.

«Чувак. Я только что видел твою маму на углу Джефферсон и Уэллс-стрит. Я думаю, что она мм... — Джейкоб остановился. — Я думаю, что тебе следует прийти сюда».

Во вторник утром я лежал на кровати, пялясь в потолок, пока фоном шел документальный фильм о китайских древностях, когда она выкрикнула мое имя:

— Логан! Логан! Логан, иди сюда!

Я продолжал лежать, надеясь, что она перестанет меня звать, но этого не произошло. Поднявшись с матраса, я вышел из спальни и нашел маму сидящей за столом в столовой. Наша квартира была крошечной, но даже несмотря на это у нас не было достаточно мебели, чтобы заполнить ее. Сломанный диван, грязный кофейный столик с пятнами и обеденный стол в окружении трех разных стульев.

— Чего тебе? — спросил я.

— Мне нужно, чтобы ты помыл окна снаружи, Логан, — сказала мама, наливая себе молока и закидывая пять «Чириоз» в треснутую тарелку. (Прим.: Cheerios — торговая марка сухих завтраков из овсяной муки). Она заявила, что села на новую диету, чтобы не потолстеть. Не было ни единого шанса, чтобы она весила больше пятидесяти четырех килограммов, и, будучи ростом 175 сантиметров, по моим представлениям была почти скелетом.

Мама выглядела обессиленной. Она хотя бы спала прошлой ночью?

Этим утром ее волосы были в беспорядке, но не в большем беспорядке, чем ее существование. Мама всегда выглядела разбитой, и я не мог не думать о том времени, когда она такой не была. Она всегда красила свои ногти в воскресенье утром и всегда сдирала с них лак к вечеру того же дня, оставляя маленькие цветные точки, сохраняющиеся на ее ногтях всю неделю — до следующего воскресного утра, когда она повторяла это свое действие. Ее одежда всегда была грязной, но она брызгала ее освежителем в четыре утра перед тем, как погладить. Она верила, что освежитель — хорошая замена стирке нашей одежды в местной прачечной.

Я был не согласен с этой техникой и утаскивал ее одежду, когда только мог, чтобы постирать. Большинство людей, возможно, проходили мимо таких мелочей, но для меня наличие чистых трусов на неделю было важно.

— Скорее всего, дождь зарядил на весь день. Я вымою их завтра, — ответил я. Хотя я бы не стал делать этого. Она скоро забудет об этом. К тому же, мыть окна нашей квартиры на третьем этаже без балкона казалось немного смешным. Особенно во время дождя.

Я открыл дверь холодильника, чтобы посмотреть на пустующие полки. Они были пусты уже несколько дней.

Мои пальцы удерживали ручку холодильника. Я открыл и закрыл его, словно каким-то магическим способом там могла появиться еда, чтобы наполнить мой пустой желудок. Прямо тогда, словно по волшебству, открылась дверь, и мой брат Келлан вошел, держа в руках сумки с продуктами и стряхивая капли дождя со своей куртки.

— Голоден? — спросил он, подталкивая локтем мою руку. Может, мама ела

исключительно «Чириоз» только потому, что кроме этого у нас ничего не было. Келлан был единственным человеком, которому я мог доверять, кроме Алиссы. Мы выглядели почти близнецами, за исключением того, что он был сильнее, красивее и увереннее. У него была классическая короткая стрижка, дизайнерская одежда, и не было синяков под глазами. Единственные синяки, появившиеся на его коже, были получены на футбольных играх в колледже — а они случались нечасто.

Ему повезло: его жизнь была лучше просто потому, что его отец был лучше. Он был хирургом. Мой отец, скорее, был уличным фармацевтом, делающим наркоту для соседских детей и для моей матери.

ДНК — такая дерьмовая штука. С ней ты можешь выиграть, а можешь проиграть.

— Блин, — сказал он, заглядывая в холодильник. — Вам нужно больше, чем я купил.

— Как ты узнал, что нам нужна еда? — спросил я, помогая ему разбирать сумки.

— Я позвонила ему, — сказала мама, съедая один из «Чириоз» и прихлебывая молоко. — Ты не очень-то собираешься кормить нас.

Я срал руки в кулаки и прижал их к бокам. Ноздри раздувались, но я пытался сдержать гнев от ее комментария. Мне было ненавистно, что Келлан приходит так часто и спасает нас от самих себя. Он заслуживал быть далеко-далеко от такого образа жизни.

— Я куплю еще чего-нибудь и занесу после вечерних занятий.

— Ты живешь в часе езды отсюда. Не нужно возвращаться.

Он проигнорировал меня.

— Еще просьбы? — спросил он.

— Еды было бы неплохо, — пробурчал я, вторя своему желудку.

Он потянулся к своему рюкзаку и выудил оттуда два коричневых бумажных пакета.

— Еда.

— Ты готовил для нас?

— Ну, что-то типа того, — он взял пакеты и бросил их на столешницу. — Я помню, когда ты оставался со мной ненадолго, мы смотрели много кулинарных шоу, где они просто дают тебе случайные ингредиенты, и ты должен приготовить еду. Алисса сказала, что ты подумываешь стать шеф-поваром.

— Алисса слишком много болтает.

— Она без ума от тебя.

Я не спорил с этим.

— Так, — он ухмыльнулся, бросая в меня картофелину. — У меня есть немного времени до того, как пойти на работу. Приготовь что-нибудь, шеф!

Я так и сделал. Мы с ним ели мою фантазию в виде поджаренной ветчины с тремя видами сыра под чесночным соусом айоли. На гарнир я приготовил домашние драники со специями, беконом и кетчупом.

— Как оно? — спросил я, не отрывая взгляд от Келлана. — Тебе нравится? — без задней мысли я положил половину сэндвича перед мамой. Она покачала головой.

— Диета, — пробормотала она, доедая последний «Чириоз».

— Черт, Логан, — вздохнул Келлан, как-то не заметив мамин комментарий. Я хотел, чтобы тоже мог сделать это. — Это потрясающе.

Я усмехнулся, засветившись от гордости.

— Правда?

— Я откусил сэндвич и почти умер от того, насколько он хорош. Если бы я поверил в

рай, то это было бы исключительно благодаря твоему сэндвичу.

Моя улыбка стала шире.

— Правда?! Я превзошел себя.

— Офигенно вкусно.

Я пожал плечами с самодовольным выражением на лице.

— Я вроде как крутой, — я не мог нормально поблагодарить Келлана — это был самый радостный момент в моей жизни за последнее время. Может быть, однажды я смогу пойти в колледж... Может быть, Алисса права.

— Мне пора идти. Ты уверен, что не хочешь куда-нибудь съехать? — спросил Келлан.

Мне хотелось съехать из квартиры — в этом я был уверен. Но не был уверен в том, что мой отец остановится, и я не хотел, чтобы он оставался наедине с мамой. После его визитов ее кожа была намного более фиолетовой, чем до его прихода.

Им владел совершенно особенный демон, толкающий мужчину поднять руку на женщину.

— Нет. Я в порядке. В любом случае, сегодня позже мне работать на заправке.

— Разве она не в часе ходьбы отсюда?

— Нет. В сорока пяти минутах. Все нормально.

— Хочешь дам денег на проезд?

— Я могу дойти.

Он покопался в своем бумажнике и положил деньги на стол.

— Послушай, — он наклонился ближе ко мне и прошептал, — если тебе понадобится остаться в доме моего отца, ведь это ближе к твоей работе...

— Твой отец ненавидит меня, — прервал я.

— Это не так.

Я бросил на него недоверчивый взгляд.

— Ладно. Ты, может, и не самый любимый его человек, но, если быть честным, ты украл у него три сотни баксов из бумажника.

— Мне нужно было заплатить аренду.

— Да, но, Логан, кража не должна была быть твоей первой мыслью.

— Тогда где их было взять? — спросил я, все больше расстраиваясь из-за того, что понимал его правоту.

— Я не знаю. Может быть, попросить помощи?

— Мне не нужна ничья помощь. Никогда не просил и никогда не буду, — моя гордость всегда была такой непоколебимой. Я понимал, почему кто-то назвал ее смертным грехом.

Келлан нахмурился, понимая, что мне необходимо сбежать отсюда. Нахождение в этой квартире так долго — прямой путь к сумасшествию.

— Ладно, — он подошел к маме и прижал губы к ее лбу. — Люблю тебя, ма.

Она вроде улыбнулась.

— Пока, Келлан.

Проходя мимо, он положил руку мне на плечо и мягко сказал:

— Она еще похудела с того дня, когда я в последний раз видел ее.

— Ага.

— Это пугает меня.

— Да, меня тоже, — я видел, что тревога за ее вес давит на него. — Но ты не беспокойся. Я заставлю ее что-нибудь съесть.

Его беспокойство не ушло.

— Ты тоже выглядишь похudevшим.

— Это только потому, что у меня быстрый метаболизм, — пошутил я. Он не рассмеялся. Я похлопал его по спине. — Серьезно, Кел. Я в порядке. И я попытаюсь заставить ее поесть. Я обещаю попробовать, хорошо?

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо. Увидимся позже. Если ты не вернешься с работы к тому времени, когда я закончу, то увидимся на следующей неделе, — Келлан помахал на прощание, и, прежде чем он сделал шаг из квартиры, я позвал его по имени.

— Да? — спросил он. Я пожал левым плечом. Он пожал правым.

Так мы всегда говорили «Я люблю тебя» друг другу. Он так много значил для меня. Человек, которым я мечтал однажды стать. И к тому же, мы были мужчинами. А мужчины не говорят друг другу «Я люблю тебя». Правда, я никому не говорил этих слов.

Прочистив горло, я кивнул один раз.

— Спасибо еще раз. За... — я пожал своим левым плечом... — все.

Он подарил мне мягкую улыбку и пожал правым.

— Всегда, — с этими словами он ушел.

Я перевел взгляд на маму, которая говорила с миской молока. Представляла себе.

— Келлан — идеальный сын, — пробормотала она молоку, прежде чем повернуть голову в мою сторону. — Он гораздо лучше, чем ты.

Где же ты, трезвая мама?

— Ага, — сказал я, вставая, чтобы забрать еду в свою спальню. — Хорошо, мам.

— Это правда. Он красивый и умный, и заботится обо мне. Ты не делаешь ни черта.

— Ты права. Я ни черта не делаю для тебя, — пробормотал я, уходя, не желая этим утром иметь дело с ее безумными мыслями.

Направляясь к выходу, я шарахнулся от летящей миски, просвистевшей мимо моего левого уха и разбившейся о стену передо мной. Молоко и осколки стекла брызнули на меня. Я обернулся к маме — на ее лице была хитрая улыбка.

— Мне нужно, чтобы ты помыл эти окна сегодня, Логан. Прямо сейчас. У меня свидание, меня заберут отсюда, а это место отвратительно! — закричала она. — И убери этот беспорядок.

Кровь во мне закипела, потому что моя мама и была этим беспорядком. Как кто-то может быть таким оторванным от жизни? И если он бы так оторвался, есть ли у него шанс вернуться назад? Я так сильно по тебе скучаю, ма...

— Я не буду это убирать.

— Нет, будешь.

— С кем ты идешь на свидание, мам?

Она села прямо, словно была какой-то королевой.

— Не твое дело.

— Правда? Потому что я уверен: последний человек, который водил тебя на свидание, был тот мешок с дерьмом, который снял тебя на углу. А чуть раньше это был мой паразит-папаша, и ты вернулась домой с двумя сломанными ребрами.

— Не смей так говорить о нем. Он хорошо относится к нам. Кто, ты думаешь, платит основную часть нашей аренды? Потому что это совершенно точно не ты.

Недавний выпускник средней школы, мне почти восемнадцать, не в состоянии платить

аренду — этот неудачник — я.

— Я плачу половину — это больше, чем ты можешь просить, а он не кто иной, как кусок дерьма.

Она ударила руками по столу, раздраженная моими словами. Ее тело задрожало, она стала более беспокойной.

— Он больше мужчина, чем ты когда-нибудь сможешь стать!

— Да? — спросил я, оборачиваясь и начиная обыскивать ее карманы, точно зная, что должен найти. — Он больше мужчина? И почему это? — уточнил я, находя в ее заднем кармане маленький пакетик кокаина. Я потряс им перед ней, наблюдая за паникой, разливающейся по ее лицу.

— Прекрати! — закричала она, пытаясь отобрать его у меня.

— Нет, я заберу это. Он дает его тебе, и это делает его лучшим человеком, чем я смогу когда-либо стать. Он бьет тебя, потому что он лучше. Он плюет тебе в лицо и называет дерьмом, потому что он лучше, чем я. Правильно?

Она заплакала, но не из-за моих слов — я был уверен, что она едва ли услышала их — а из-за того, что ее белый дружок-порошок был в опасности.

— Просто отдай его мне, Ло! Прекрати!

Ее глаза были пустыми, и это выглядело так, словно я боролся с привидением. С тяжелым вздохом я бросил пакетик на стол и наблюдал, как она вытерла нос, прежде чем открыла упаковку, нашла свое лезвие и сделала пару дорожек кокса на обеденном столе.

— Ты хаос. Ты проклятый хаос, и никогда не станешь лучше, — сказал я, пока она нюхала порошок.

— Говорит мальчик, который, скорее всего, пойдет в свою спальню, закроет дверь и затынет своим собственным лекарством, которое дал тебе папочка. Он большой плохой волк, но Красная Шапочка — мальчик в капюшоне — продолжает ему звонить, чтобы получить свое лекарство. Думаешь, ты чем-то лучше, чем я или он?

— Да, — сказал я. Я употреблял, но не много. У меня все под контролем. Я не был одичавшим.

Я был лучше, чем мои родители.

Должен быть.

— Это не так. У тебя в душе самое худшее от нас обоих. Келлан хороший, он всегда будет в порядке. Но ты? — она сделала еще две линии кокса. — Я удивлюсь, если ты не умрешь в двадцать пять.

Мое сердце.

Оно перестало биться.

Шок пронзил меня, когда слова сорвались с ее губ. Она даже не вздрогнула, когда произнесла их, а я почувствовал, как часть меня умерла. Я хотел стать совершенно противоположным тому, что она думала обо мне. Я хотел быть сильным, быть уверенным, быть достойным существования.

Но я по-прежнему был белкой в колесе.

Бегущим по кругу и абсолютно в никуда.

Я пошел в свою спальню, захлопнул дверь и потерялся в мире своих собственных демонов. Я задавался вопросом, что произошло бы, если бы я не поздоровался со своим отцом много лет назад. Я задавался вопросом, что произошло бы, если бы мы никогда не встретились.

Логан, семь лет

Я встретил своего отца на крыльце чужого дома. Мама взяла меня с собой в какой-то дом той ночью и велела подождать ее снаружи. Она сказала, что забежит на минутку, а потом мы пойдем домой, но я понял, что веселье у нее и ее друзей затянулось дольше, чем они рассчитывали.

Крыльцо было практически разрушенным, а моя красная толстовка не очень подходила для зимнего холода, но я не жаловался. Мама всегда ненавидела, когда я жаловался. Она говорила, что так я выглядел слабаком.

На крыльце была сломанная металлическая скамейка, напротив которой я сидел, притянув колени к груди. Время шло. Вокруг снег, ни разу не тронутый лопатой.

Давай же, мам.

В ту ночь было так холодно. Я мог видеть свое дыхание, и поэтому, чтобы развлечь себя, стал выдыхать горячий пар изо рта.

В течение ночи в дом входили и выходили люди, но едва ли кто-то из них замечал меня, сидящего на крыльце. Я дотянулся до заднего кармана и вытащил маленький блокнот и ручку, которые всегда носил с собой, и начал рисовать. Когда мамы не было рядом, я часто занимал себя рисованием.

В ту ночь я рисовал много: до тех пор, пока не начал зевать. В конце концов, я уснул, свернувшись на скамейке, подтянув ноги внутрь своей красной толстовки. Пока я спал, холод не чувствовался, и это было замечательно.

— Эй! — сказал суровый голос, вырывая меня из сна. В тот момент, когда глаза окончательно открылись, я вспомнил про холод. Мое тело начало дрожать, но я не садился. — Эй, ребенок! Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — спросил голос. — Вставай.

Я сел и потер глаза, зевая.

— Моя мама внутри. Я просто жду, — мои глаза сфокусировались на человеке, говорившем со мной, и я испуганно вытаращился. Он выглядел злым, у него был большой шрам, идущий через левую сторону его лица. Черные с проседью волосы спутаны, глаза казались похожими на мои. Карие и скучные.

— Да? И как долго ты ждешь? — прошипел он, между его губ торчало что-то вроде сигареты.

Мой взгляд поднялся к потемневшему небу. Когда мы с мамой пришли, было темно. Я не ответил мужчине. Он недовольно вздохнул и сел рядом со мной. Я отодвинулся на другой край скамейки, как можно дальше от него.

— Расслабься, ребенок. Никто не обидит тебя. Твоя мама наркоманка? — спросил он. Я не знал, что это означало, поэтому пожал плечами. Он хмыкнул. — Если она в этом доме, значит, наркоманка. Как ее зовут?

— Джули, — прошептал я.

— Джули кто?

— Джули Сильверстоун.

Его губы слегка раскрылись, и он поднял голову, глядя на меня.

— Твоя мама Джули Сильверстоун?

Я кивнул.

— И она оставила тебя здесь?

Я снова кивнул.

— Вот сука, — пробормотал он, вставая со скамейки и сжимая руки в кулаки. Он подошел к передней двери, но, открыв дверную сетку, остановился. Вытащив сигарету изо рта, он протянул ее мне.

— Ты куришь травку? — спросил он.

Это была совсем не сигарета. Мне следовало понять по запаху.

— Нет.

Он нахмурился..

— Ты сказал Джули Сильверстоун, так? — я кивнул в третий раз. Он вложил косяк мне в руки. — Покури пока травки. Это согреет тебя. Я вернусь с твоей сучкой-матерью.

— Она не... — дверь захлопнулась раньше, чем он смог услышать, как я закончил предложение, — ...сучка.

Я зажал косяк между пальцами и задрожал от холода.

Это согреет тебя.

Я замерзал.

Поэтому сделал затяжку и подавился собственным кашлем.

Я долго и сильно кашлял, после чего затушил косяк о землю. Мне было не понятно, почему кто-то делал это — почему кто-то курил. В этот момент я пообещал себе никогда не курить снова.

Когда мужчина вышел, он волочил за собой маму. Она была заспанной и потной.

— Перестань дергать меня, Рики! — закричала она на мужчину.

— Заткнись, блядь, Джули. Ты оставила своего чертова ребенка снаружи на всю ночь! Ты, чертова наркоманка!

У меня сжались кулаки, и я прижал их к груди. Как он смеет так говорить с мамой! Он не знал ее. Она была моим лучшим другом — единственным, кроме моего брата Келлана. И у этого парня нет права так говорить с мамой. Келлан бы очень разозлился, если бы услышал это. Хорошо, что его не было здесь — он со своим отцом отправился на подледную рыбалку.

Я не представлял, как можно рыбачить, когда вокруг лед, но Келлан рассказал мне все об этом на прошлой неделе. Мама сказала, что подледная рыбалка для чудаков и неудачников.

— Я говорила тебе, Рики! Я больше не принимаю. Я-я клянусь, — заикалась она. — Я просто забежала проведать Бекки.

— Брехня, — ответил он, таща ее вниз по ступеням. — Пойдем, ребенок.

— Куда мы идем, мам? — спросил я, следуя за ней и задаваясь вопросом, что произойдет дальше.

— Я отвезу вас домой, — ответил мужчина. Он посадил маму на пассажирское сидение, где она закрыла глаза и снова вырубилась. Потом открыл для меня заднюю дверь, хлопнув ее после того, как я заполз внутрь. — Где вы живете? — спросил он, усаживаясь на водительское сиденье и отъезжая от бордюра.

Его машина была блестящая и красивая, лучшая из всех, что я когда-либо видел. Мы с мамой всегда ездили на автобусе, так что в его машине я почувствовал себя по-королевски.

Маму начал сотрясать кашель, словно она изо всех сил пыталась прочистить горло.

— Видишь, вот поэтому мне нужно было увидеть Бекки. Мой домовладелец — мудака, он сказал, что я не платила последние два месяца! Но я платила, Рики! Я платила этому ублюдку, а он сделал вид, что нет. Так что я пришла к Бекки, чтобы занять немного денег.

— С каких пор у Бекки есть деньги? — спросил он.

— У нее нет. Я думаю, что у нее нет денег. Но я должна была увидеть ее. Потому что домовладелец сказал, что я не могу вернуться, если у меня не будет денег. Так что я не уверена, куда нам следует идти. Ты должен отпустить меня, я очень быстро схожу к Бекки, — пробормотала она, открывая пассажирскую дверь во время движения.

— Ма!

— Джули!

Рики и я закричали в одно и то же время. Я дотянулся до ее футболки с заднего сиденья, а он тянул ее за рукав, дергая в своем направлении и закрывая ее дверь.

— Ты с ума сошла?! — заорал он, его ноздри раздувались. — Черт возьми. Я оплачу твой счет завтра, но сегодня вы останетесь у меня.

— Ты сделаешь это, Рики? Боже, мы будем за это благодарны. Не так ли, Ло? Я верну тебе, я верну все до цента.

Я кивнул, чувствуя, наконец, воздействие тепла в салоне машины.

Тепло.

— А еще я куплю ребенку немного еды. Сомневаюсь, что ты кормила его, — он потянулся к карману и вытащил пачку сигарет и зажигалку в форме гавайской танцовщицы. Когда он зажег ее, танцовщица задвигалась из стороны в сторону. Я был загипнотизирован движением, не в силах отвести от нее взгляд. Даже закончив прикуривать сигарету, он без остановки зажигал и гасил зажигалку.

Когда мы добрались до квартиры Рики, я был потрясен тем, как много вещей у него было. Два дивана и громадное кресло, картины, огромный телевизор с кабельными каналами и холодильник, наполненный таким количеством еды, которого хватило бы накормить мир. После того, как я поел, он положил меня на один из диванов, и я начал погружаться в сон, слушая, как он и мама шептались в коридоре неподалеку.

— У него твои глаза, — пробормотала она.

— Да, я знаю, — его голос был наполнен злобой, но я не понимал, почему. Я услышал его приближающиеся шаги и, открыв глаза, увидел, что он наклоняется ко мне. Он сжал руки вместе и сузил глаза.

— Ты мой ребенок, а?

Я не ответил.

Что я должен был сказать?

Уголки его рта приподнялись в хитрой усмешке, и он, прикурив сигарету, выдохнул дым мне в лицо.

— Не волнуйся, Логан. Я позабочусь о тебе и твоей маме. Обещаю.

***

В четыре утра, когда меня, наконец, отпустило, я лежал в кровати, глядя в потолок.

Я: Ты не спишь?

Я смотрел на свой телефон, ожидая, когда появятся эллипсы, но их не было. Когда телефон зазвонил, я сделал вдох.

— Я разбудил тебя, — прошептал я в трубку.

— Немного, — ответила Алисса. — Что случилось?

— Ничего, — соврал я. — Все в порядке.

Ты умрешь в двадцать пять.

— Это твоя мама или отец?

Она всегда знала.

— Мама.

— Она была под кайфом или нет?

— Под кайфом.

— Ты поверил в то, что она сказала или нет? — я заколебался и начал щелкать зажигалкой. — Ох, Ло.

— Прости, что разбудил тебя. Я могу отключиться. Возвращайся ко сну.

— Я не устала, — зевнула она. — Оставайся со мной до тех пор, пока не сможешь уснуть, хорошо?

— Хорошо.

— Ты в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун.

— Я в порядке, Алисса Мари Уолтерс.

Несмотря на то, что это ощущалось ложью, ее голос — единственное, что почти всегда заставляло меня верить.

Логан

На самом деле, я никогда не праздновал свой день рождения до тех пор, пока два года назад не встретил Алиссу. Келлан всегда водил меня на ужин, и я любил это. Он очень старался напоминать мне, что я был не одинок в этом мире, но Алисса каждый год в мой день рождения шла еще дальше. Два года назад мы ездили в Чикаго, чтобы посмотреть документальный фильм о Чарли Чаплине в старом театре, потом она повела меня в модный ресторан, для которого я не был одет. Для ее стиля жизни модные рестораны были нормой, но для меня даже простой обед был не всегда доступен. Когда она заметила мое смущение, мы ушли и гуляли по улицам Чикаго, поедая хот-доги и стоя перед гигантской фасолькой. (Прим.: Клауд Гейт Чикаго / Cloud Gate («Облачные врата») — большая скульптура для общественного обозрения, которая была впервые представлена на открытии Миллениум-парка в 2004 году. Вскоре она стала одной из самых фотографируемых достопримечательностей города, «зеркальной фасолькой» и сейчас является наиболее известным символом Чикаго).

Это был первый лучший день в моей жизни.

Год назад был фестиваль фильмов в верхнем Висконсине, и она оплатила для нас домик, где мы остановились. Мы все выходные вместе смотрели каждый фильм, а потом сидели допоздна, обсуждая, какие фильмы нас вдохновили, а какие были сняты людьми, которые, кажется, перебрали «кислоты».

Это был второй лучший день в моей жизни.

Но сегодня все было по-другому. Сегодня мой восемнадцатый день рождения, уже больше одиннадцати вечера, и Алисса впервые мне не позвонила.

Я сидел в своей спальне, смотря на DVD фильм про Джеки Робинсон и слушая, как мама, спотыкаясь, бродит по квартире. Возле меня лежала куча счетов, и я чувствовал, как внутренности стягиваются в тугий узел от страха не заплатить аренду. Если мы не сможем оплатить аренду, отец больше не позволит нам жить здесь. И если я попрошу у него помощи, уверен, что платить придется маме.

Я залез под кровать и вытащил конверт, проверяя деньги, которые копил. От слов на конверте меня затошнило.

Сбережения на колледж.

Что за шутка.

Я пересчитал деньги. Пятьсот пятьдесят два доллара. Я копил их последние два года — с тех пор, как Алисса убедила меня, что когда-нибудь у меня это получится. Я потратил много времени, думая, что в один прекрасный день я накоплю достаточно, поступлю в колледж, построю хорошую карьеру и куплю дом для нас с мамой.

И нам никогда ни в чем не придется полагаться на отца — дом был бы наш и только наш. А еще он был бы чистым. Никаких наркотиков, только счастье. Мама плакала бы только от счастья, а не потому, что он бил ее.

Вернулась бы трезвая мама — та, которая всегда подтыкала мне одеяло, когда я был маленьким. Та, которая всегда пела и танцевала. Та, которая всегда улыбалась мне.

Прошло так много времени с тех пор, как я видел ее такой, но часть меня цеплялась за надежду, что однажды она вернется. Она должна вернуться ко мне.

Я вздохнул, достав немного денег из сбережений на колледж, чтобы оплатить счет за электричество.

Триста двадцать три доллара остались.

И только из-за этого мечта стала казаться немного дальше.

Взяв карандаш, я начал рисовать на счете за электричество. Рисование и просмотр документальных фильмов были моими главными способами сбежать от реальности. А еще странная кудрявая девчонка, которая улыбалась и много говорила, появлялась в моей голове. Алисса занимала мои мысли больше, чем должна была. И это было странно, потому что обычно мне было наплевать на людей и на то, что они думали обо мне.

Забота о других людях легко сведет меня с ума, а мой разум и так уже достаточно разрушен любовью к ненормальной матери.

— Нет! — услышал я крик из гостиной. — Нет, Рики, я не это имела в виду, — заплакала она.

Мой живот скрутило.

Отец был здесь.

Я оттолкнулся от матраса и поспешил туда. Отец был крепким и сильным, у него было больше седых волос, чем черных, он больше хмурился, чем улыбался, больше ненавидел, чем любил. Он всегда одевался в костюмы. Действительно дорого выглядящие костюмы, с галстуками и туфлями из крокодиловой кожи. Каждый из соседей знал, что, проходя мимо него, нужно держать голову опущенной, потому что даже взглянуть ему в глаза могло быть опасно. На улицах его боялись больше всех, а я ненавидел его до глубины души. Я ненавидел в нем все, но больше всего то, что у меня были его глаза.

Всякий раз, глядя на него, я видел частичку себя.

Мама дрожала в углу, держась за щеку, на которой был отпечаток его ладони. Я наблюдал, как он подходил, чтобы ударить ее снова, и шагнул в его направлении, принимая удар на свое лицо.

— Оставь ее, — сказал я, пытаюсь вести себя так, будто пощечина не горела.

— Тебя это не касается, Логан, — сказал он. — Убирайся. Твоя мать должна мне денег.

— У меня будут они, клянусь. Мне просто нужно время. На этой неделе у меня собеседование в продуктовом магазине, который находится вниз по улице, — солгала она. Мама не работала годами, но каким-то образом всегда бывала на каких-то загадочных собеседованиях, за которыми ничего не следовало.

— Я думал, что она уже вернула тебе деньги, — сказал я. — Она отдавала тебе двести долларов в прошлые выходные.

— И она взяла триста баксов два дня назад.

— Почему ты даешь ей деньги? Ты же знаешь, что она не сможет вернуть их.

Он схватил меня за руку, впиваясь пальцами в кожу, заставив меня вздрогнуть. Мое тело дернулось, когда он потянул меня в другую часть комнаты и навис надо мной.

— Кем ты, блядь, себя возомнил, чтобы так со мной разговаривать, а?

— Я просто думал...

Он отвесил мне тяжелый подзатыльник.

— А ты не думай. Это разговор между мной и твоей матерью. Не вмешивайся, — он снова ударил меня, сильнее. Его кулак встретился с моим глазом, и я застонал от боли. Отец снова направился в ее сторону, а я, как идиот, шагнул и снова встал перед ним.

— Ты хочешь умереть, Логан?

— Я дам деньги, — сказал я, пытаюсь выпрямиться и казаться выше, хотя он, находясь рядом, всегда заставлял меня чувствовать себя крошечным. — Секунду, — я поспешил в спальню, залез под матрас и вытащил сбережения на колледж. Пока отсчитывал деньги, чувствовал, как заплывал мой глаз.

Двадцать три доллара осталось.

— Вот, — сказал я, засовывая деньги отцу в руку. Он прищурился, прежде чем начал пересчитывать их. Он что-то бормотал себе под нос, но мне было все равно. Пускай только уйдет — этого будет для меня достаточно.

Он засунул деньги в задний карман.

— Вы оба должны знать, как вам повезло, что у вас есть я. Но не думайте, что я продолжу платить аренду, как раньше.

«Мы не нуждаемся в тебе», — хотел сказать я. — «Уходи и никогда не возвращайся», — мечтал я закричать. Но держал рот на замке.

Он направился к маме, и я видел, как она вздрогнула, когда он погладил ее по щеке.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, да, Джули? — спросил он.

Она медленно кивнула.

— Я знаю.

— И что я просто хочу для нас счастья. Не так ли?

Она кивнула медленнее.

— Да.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, а я захотел, чтобы он сгорел в огне. Я хотел смотреть, как он горел бы и кричал от боли за то, что использовал маму, так сильно унижал и плевал в ее душу.

Но еще мне хотелось накричать на маму, потому что она, определенно, отвечала на его поцелуи. Когда они отстранились, она смотрела на него так, словно он был ее Богом, хотя в действительности он был Сатаной в дорогом костюме.

— Логан, — сказал он, подойдя к двери, чтобы уйти. — Если тебе нужна настоящая работа — настоящая мужская работа — я уверен, что всегда смогу принять тебя в семейный бизнес. Эти копейки никуда тебя не приведут.

— Меня это не интересует.

Мой ответ растянул зловещую улыбку на своих губах. Каждый раз я давал ему один и тот же ответ, но каждый раз он улыбался, как будто знал какой-то секрет и держал меня в неведении. Когда он покинул квартиру, я тяжело вздохнул.

— Что с тобой такое?! — закричала мама, бросаясь на меня и толкая в грудь. В

растерянности я схватил ее худые запястья. Она продолжала кричать. — Ты пытаешься все для меня испортить?

— Я просто остановил его, когда он бил тебя!

— Ты не знаешь, о чем говоришь. На самом деле он не собирался сделать мне больно.

— Ты сумасшедшая. Он сделал тебе больно.

— Отпусти меня, — заскулила она, пытаюсь освободить руки из моего захвата. Я отпустил ее. Через секунду она подняла руку и ударила меня — сильно. — Больше никогда не вмешивайся в мою жизнь. Ты слышал меня?

— Да, — пробормотал я.

Строго глядя, она ткнула пальцем мне в лицо.

— Ты. Слышал. Меня?! — снова спросила она.

— Да! — заорал я. — Я слышал тебя.

Но я врал прямо ей в лицо, потому что, если бы опять увидел руки отца рядом с ней, то снова заступился бы. Я бы дрался за нее. Я был бы ее голосом, даже если это значило бы потерять свой собственный. Потому что знал — он делал ее немой. Он гасил ее внутренний огонь.

Мам, вернись ко мне.

Когда я потерял ее? Она ушла навсегда?

Если бы у меня была машина времени, я вернул бы все назад и исправил совершенные ею ошибки, заставившие пойти по этому пути. Я бы направил ее влево вместо того, чтобы идти направо. Я бы умолял ее никогда не начинать курить. Я бы напомнил ей, что она красивая, даже если мужчины говорили другое. Я бы вылечил ее сердце, которое было так больно разбито.

Я направился в свою спальню и попытался стереть воспоминания об отце, но всякий раз, когда он приходил, они возвращались. Вся моя ненависть, весь мой гнев, вся моя боль. Все это затапливало мой мозг, наполняя голову таким шумом, что мне нужно было заткнуть это.

Ты умрешь в двадцать пять.

В сердце поселилась паника, глаз пульсировал от боли, и я был в секундах от того, чтобы позволить демонам вернуться. Они издевались надо мной, они делали мне больно, они медленно отравляли мой мозг. Я смотрел на тумбочку, где каждую ночь лежал мой шприц, чувствуя, как он шепчет мое имя и просит накормить демонов, чтобы они ушли.

Я хотел победить этой ночью. Я хотел быть сильным, но я им не был. Я никогда не был достаточно сильным, и никогда не стану.

Просто сдайся.

Ты умрешь в двадцать пять.

Я вдохнул, мои руки тряслись. Я выдохнул, мое сердце разбивалось. Я вдохнул и сделал единственное, что знал, как делать.

Я открыл ящик — в секундах от того, чтобы впустить темноту внутрь, в секундах от того, чтобы погасить свет — но вдруг зазвонил телефон.

Алисса: Что ты делаешь?

Она написала мне именно тогда, когда я нуждался в ней, хотя я и был обижен, ведь она прождала до одиннадцати, чтобы написать мне. Единственный человек, которого я слышал в свой день рождения, был Келлан, сводивший меня на ужин. Все мои подарки — это синяк под глазом от отца и разочарование от матери.

Однако Алисса была единственной, на кого я рассчитывал. Она была моим лучшим другом, но не сказала ни слова за весь день.

Я: Лежу в кровати.

Алисса: Ладно.

Эллипсы.

Алисса: Спускайся.

Немного приподнявшись, я перечитал ее сообщение. В спешке натянул кроссовки, солнечные очки, свою красную толстовку и поспешил выйти из квартиры. Алисса припарковалась прямо перед домом и улыбалась мне. Я посмотрел на людей на улице — курящих и пьющих.

Боже. Я ненавижу, когда она приезжает сюда. Особенно ночью.

Я залез на пассажирское сиденье ее машины и сразу же заблокировал двери.

— Что ты делаешь, Алисса?

— Почему ты в очках? — спросила она.

— Просто так.

Она потянулась ко мне и сняла их.

— Ох, Логан... — прошептала она, легонько трогая мой синий глаз.

Я ухмыльнулся и отпрянул.

— Ты думаешь, это плохо? Видела бы ты другого парня.

Она не засмеялась.

— Твой отец?

— Ага. Хотя это нормально.

— Нет, не нормально. Я никогда никого так сильно не ненавидела в своей жизни. Твоя мама в порядке?

— Она далека от этого, но с ней все хорошо, — я увидел, что глаза Алиссы наполняются слезами, и быстро остановил ее. — Все в порядке. Честное слово. Давай просто поедem туда, куда собирались, чтобы я мог забыться ненадолго.

— Хорошо.

— И, Алисса?

— Да, Логан?

Пальцами я вытер ее слезы и позволил своему прикосновению задержаться на ее щеке.

— Улыбнись.

Она подарила мне огромную, дурацкую, фальшивую улыбку. Мне этого было вполне достаточно.

Она завела машину, и мы долго-долго ехали. Всю дорогу мы молчали, и я понятия не имел, что она задумала. Когда машина остановилась на обочине заброшенной дороги, мое замешательство возросло.

— Серьезно. Что мы делаем?

— Давай, — сказала она, быстро вылезая из машины и убегая вдоль дороги. Эта девушка собиралась убить меня — и под смертью я имел в виду жизнь. С тех пор, как она вошла в мою жизнь, я каким-то образом каждый день находил свободу от своих ограничений.

Я последовал за ней, потому что всякий раз, когда она отбегала, я задавался вопросом, куда она собиралась.

Алисса стояла перед лестницей, прислоненной к рекламному щиту.

— Тадам! — закричала она, пританцовывая от волнения.

— Ммм?

— Это твой подарок на день рождения, глупый!

— Мой подарок... лестница на рекламный щит?

Она закатила глаза и драматично вздохнула.

— Следуй за мной, — сказала она, взбираясь по лестнице вверх. Я сделал, как она сказала. Мы забирались по самой высокой лестнице, которую я когда-либо видел. Огромный щит, на который мы залезли, гласил: «2 бургера за 5 долларов в закусочной «Голодный Гарри». Я понял, что Алисса немного боялась высоты, потому что изо всех сил старалась не смотреть вниз. Вокруг рекламного щита были перила, чтобы удержать нас от свободного падения, но все равно казалось, что здесь слишком высоко для нее.

— Ты немного боишься? — спросил я, изучая вид внизу.

— Мм, может быть? Я думаю, что высота — это одна из тех вещей, о страхе которой ты не знаешь до тех пор... пока не поднимешься. Все равно, — она медленно обошла рекламный щит и вытащила корзину для пикника и завернутые подарки. — Иди сюда. Сперва открой подарки.

Я сделал, как она сказала, и, увидев подарки, почти сломался.

— Я не была уверена в том, какой именно фильм ты смотрел со своим дедушкой, так что взяла все DVD, которые смогла найти, — объяснила она. Я держал больше двенадцати DVD про галактики, и в этой куче был тот самый документальный фильм, который мы смотрели с дедушкой.

— Боже, — пробормотал я, сжимая переносицу.

— И, — она махнула в небо, — это лучший вид, который я смогла найти, чтобы рассматривать звезды ночью. Я колесила по городу несколько дней, пытаюсь найти место. Знаю, что, возможно, это глупо, но я подумала, что тебе этот вид доставит удовольствие, — она нахмурилась. — Это глупо, не так ли? Мне следовало придумать что-то получше. В прошлые два года было лучше, и я просто подумала, что это было бы...

Я схватил ее за руку.

Она затихла.

— Спасибо тебе, — прошептал я, прикоснувшись свободной рукой к глазам. Я коротко всхлипнул и кивнул. — Спасибо.

— Тебе нравится это?

— Мне нравится это.

Я влюбляюсь в тебя...

Тряхнув головой, я попытался выбросить эту мысль из головы.

Я не мог любить ее. Любовь означала боль. А эта девушка была одной из двух хороших вещей в моей жизни.

Я вернул взгляд к небу.

— Если ты посмотришь туда, то сможешь увидеть созвездие Скорпиона. Каждый месяц некоторые созвездия видны лучше, чем другие. Оно начинается с нижней звезды, извивается кверху и затем разделяется на пять точек, становясь похожим на одуванчик. Антарес — самая яркая звезда в созвездии. Дедушка рассказывал мне, что она — сердце Скорпиона. Ты видишь ее? — спросил я, указывая. Она кивнула. — Миф рассказывает о том, что Орион, охотник, хвастался, что может убить любое животное на планете. Он был побежден скорпионом, а Зевс увидел эту битву. Поэтому он навечно поднял скорпиона на ночное небо.

— Он прекрасен.

— Ага, — прошептал я, глядя на нее, а затем переводя взгляд вверх. — Так и есть.

— Это тоже прекрасно, — сказала она.

— Что прекрасно?

Ее губы дрогнули, но она продолжала смотреть на звезды.

— То, как ты на меня смотришь, когда думаешь, что я не вижу.

Мое сердце пропустило один удар.

Она заметила, как я смотрел?

— Ты смотришь в мою сторону?

Она медленно кивнула.

— А потом, когда мы не вместе, я закрываю глаза и мысленно представляю тебя. В эти моменты я не чувствую одиночества.

Я влюбляюсь в тебя.

Я хотел открыть рот и сказать ей эти слова. Я хотел впустить ее в свою душу и рассказать о том, как я мечтал о ней. А потом вспомнил, кто она и кто я, и почему я не мог сказать ей этих слов.

Неловкая тишина стояла до тех пор, пока Алисса не спасла положение.

— О! Еще я сделала поздний-поздний ужин для нас, — воскликнула она, потянувшись к корзинке для пикника. — Сейчас я не стараюсь тебя оскорбить тем, что моя еда лучше твоей. Знаю, что ты привык быть лучшим поваром в городе, но, думаю, что в этот раз смогла превзойти тебя.

Она залезла в корзинку и вытащила контейнер с арахисовым маслом и сэндвичи с джемом. Я рассмеялся.

— Не может быть! Ты сделала это?

— С нуля. За исключением арахисового масла, джема и хлеба. Это все из магазина.

Это мой лучший друг, ребята.

Я откусил сэндвич.

— Джем из ягодного ассорти?

— Джем из ягодного ассорти.

— Разве ты не прелесть?

Она улыбнулась. И я почти умер.

— На десерт у меня есть малина и это, — она вытащила пачку «Орео». — Я подготовилась ко всему, не так ли? Вот, — она взяла печенье, разделила его, положила внутрь малину и снова сложила вместе. Потом она начала водить им, будто это самолет, перед моим ртом. Я широко открыл его, немного откусил и застонал.

Она вздернула бровь от удовлетворения.

— Ты стонешь от моих печений?

— Я определенно стону от твоих печений.

Она покачнулась и драматично вздохнула.

— Если бы мне давали доллар за каждый раз, когда парень мне это говорил.

— У тебя был бы один доллар и ноль центов.

Она толкнула меня, и я — больше для нее — сделал вид, что падаю. Я не мог решить, чего мне хотелось больше: ее губ на моих или ее слов. Идея объединить их привлекала меня больше, чем я думал.

Слова, ограничься словами.

— Какая у тебя самая большая мечта? — спросил я, отправляя немного малины в рот.

— Самая большая мечта?

— Ага. Кем бы ты хотела быть или что делать в будущем?

Она закусила нижнюю губу.

— Я хочу играть на фортепиано и заставлять людей улыбаться. Делать людей счастливыми. Знаю, что для многих, типа моей мамы, это мелко. И знаю, что эта цель для многих выглядит глупой, но это то, чего я хочу. Я хочу, чтобы моя музыка вдохновляла людей.

— Ты можешь сделать это, Алисса. Ты уже делаешь это, — я верил в ее мечту больше, чем мог выразить словами. Всякий раз, слушая ее игру на пианино, я чувствовал, как все страшные осколки моей жизни словно таяли. Звуки ее музыки дарили мне мгновения покоя и умиротворения.

— А у тебя? — спросила она, положив малину между моих губ. На самом деле я находился не в той жизненной ситуации, чтобы иметь возможность мечтать, но рядом с Алиссой все казалось немного более возможным.

— Я хочу стать шеф-поваром. Хочу, чтобы люди, придя в плохом настроении, уходили счастливые от того, что я положил в их тарелки. Я хочу, чтобы моя еда доставляла людям приятное, и они на несколько минут забывали бы обо всем том дерьме, которое происходит в их реальных жизнях.

— Мне нравится это. Нам следует открыть ресторан, поставить в нем пианино и назвать его «АлиЛо».

— Или «ЛоАли», — усмехнулся я.

— «АлиЛо» звучит гораздо, гораздо лучше. К тому же, это была моя идея.

— Ну, давай сделаем это. Давай откроем «АлиЛо», приготовим замечательную еду, сыграем замечательную музыку и будем жить долго и счастливо.

— Конец?

— Конец.

— Мизинец? — спросила она, протягивая свой палец мне. Я обернул ее мизинец своим.

— Мизинец, — наши руки переплелись.

— А какая еще у тебя есть мечта? — спросила она.

Я раздумывал, сказать ли ей, потому что это выглядело немного глупо. Но, если и был в моей жизни кто-то, кому я доверял и кто не осудит меня, то это была она.

— Я хочу быть отцом. Знаю, что это звучит глупо, но я правда хочу. Всю свою жизнь я рос с родителями, которые не знали, что значит любить. Но если бы я был отцом, то любил бы своих детей больше, чем можно выразить словами. Я бы ходил смотреть их игры в бейсбол, их танцевальные выступления, и любил бы беззаветно, независимо от того, кем бы они захотели стать — юристами или мусорщиками. Я был бы лучше, чем мои родители.

— Я знаю, что был бы, Ло. Ты был бы отличным отцом.

Не знаю, почему, но от ее слов мои глаза увлажнились.

Мы немного постояли, не говоря ни слова, а просто смотря вверх.

Здесь царило такое умиротворение. Я не мог представить, где еще захотел бы быть. Мы не переставали держаться за руки. Ей нравилось держать мою руку? Ее сердце делало кувырок каждые несколько секунд? Она тоже как будто влюблялась в меня? Я сжал ее руку крепче и не был уверен, что буду способен отпустить.

— Какой у тебя самый большой страх? — тихо проговорила она.

Я вытащил свою зажигалку и свободной рукой начал щелкать ею.

— Самый большой страх? Не знаю. Что вдруг что-то случится с несколькими людьми, которые мне дороги. Келлан. Ты. Моя мама. А у тебя?

— Потерять отца. Знаю, это звучит глупо, но каждый раз, когда звенит дверной звонок, я надеюсь, что это он. Каждый раз, когда звонит телефон, мое сердце замирает в надежде, что это звонит он. Да, в последние несколько месяцев он, вроде как, пропал, но я знаю, что он вернется. Он всегда возвращается. Но сама идея потерять его навсегда разбивает мне сердце.

Мы слушали темноту друг друга и показывали друг другу свет.

— Расскажи мне самое любимое воспоминание о своей маме, — сказала она.

— Ммм... — я пожевал нижнюю губу. — Когда мне было семь, я ходил в школу каждый день. Однажды я вернулся домой и услышал музыку, доносящуюся с переднего крыльца в нашем старом доме. Из маминого старого магнитофона звучали старые хиты: The Temptation, Journey, Michael Jackson — вся классика. Мама сказала, что взяла диск у соседа, и ей захотелось потанцевать. И она танцевала прямо на дороге, отходя на тротуар только тогда, когда проезжала машина. Она выглядела такой красивой в тот день, и заставила меня танцевать с ней весь вечер, пока не взошла луна. Келлан тоже пришел. Он приехал на байке, чтобы оставить обед для мамы и меня. Когда он пришел, мы танцевали втроем. Оглядываясь назад, я догадываюсь, что она была под чем-то, но не могу быть уверенным. Я просто помню смех, кружение и танцы с ней и Келланом. Самое любимое для меня — это звук ее смеха, потому что он был таким громким и свободным. Это мое любимое семейное воспоминание. Это воспоминание, к которому я возвращаюсь, когда мне кажется, что она заходит слишком далеко.

— Это то хорошее, за что нужно держаться, Ло.

— Ага, — я подарил ей натянутую улыбку. На самом деле, я никогда никому не позволял узнать, как сильно мне не хватает мамы, но знал, что Алисса поймет, потому что ей тоже не хватало отца. — Какое самое любимое воспоминание о твоём отце?

— Ты помнишь проигрыватель для виниловых пластинок в моей комнате?

— Ага.

— Он подарил его мне на Рождество, и мы завели традицию, что каждый вечер слушаем и поем песню, прежде чем я пойду в кровать. Потом, утром, мы просыпались и тоже пели песню. Современную музыку, старую — что угодно. Это была наша фишка. Иногда моя сестра Эрика присоединялась и пела с нами, иногда мама кричала на нас, чтобы убавили звук, но мы всегда смеялись и улыбались.

— Так вот почему ночью, когда я прихожу увидеть тебя, всегда играет музыка?

— Ага. Это забавно, но я ставлю те же самые песни, что и тогда, но теперь тексты воспринимаются совсем по-другому.

Мы проговорили всю ночь.

Я кормил ее малиной, пока она кормила меня своими мечтами.

Она кормила меня малиной, пока я кормил ее своими страхами.

Мы смотрели в ночное небо, какое-то время чувствуя себя свободными и в безопасности.

— Ты когда-нибудь думала о том, как безумны люди? — спросил я. — В Галактике Млечного Пути триста миллиардов звезд. Триста миллиардов светящихся точек, напоминающих нам о том, что они есть во Вселенной. Триста миллиардов огней, которые выглядят такими маленькими. Хотя на самом деле они намного больше, чем ты можешь

даже представить. Все они разные галактики, все они разные миры, которые мы никогда-никогда не исследуем. В этом мире так много удивительного, но вместо того, чтобы наплевать на все и наконец-то понять, что мы мелкие песчинки на маленькой Земле, нам нравится считать себя хозяевами Вселенной. Нам нравится чувствовать себя великими. И каждый считает, что его путь самый верный, а его боль самая большая, хотя на самом деле каждый из нас не больше, чем крошечная горящая точка на гигантском небе. Крошечная точка, исчезновения которой никто не заметит. Крошечная точка, которую очень быстро заменит другая точка, и она тоже будет считать себя более важной, чем есть на самом деле. Я просто хочу, чтобы люди хотя бы иногда прекращали переживать о глупых приземленных вещах, таких как расовая принадлежность, сексуальная ориентация и реалити-шоу. Хочу, чтобы они вспоминали, какие они маленькие, и находили пять минут в день, чтобы посмотреть на небо и перевести дух.

— Логан?

— Да?

— Я люблю твой ум.

— Алисса?

— Да?

Я влюбляюсь в тебя...

— Спасибо за эту ночь. Ты понятия не имеешь, как сильно мне это было нужно. Ты понятия не имеешь, как сильно я нуждался в тебе, — я легонько стиснул ее руку. — Ты мой самый сильный кайф.

Логан

— Ло! Ло! Ло! — кричала Алисса, когда, неделю спустя, бежала ко мне под проливным дождем. Я был на самой высокой ступеньке лестницы, намывая снаружи окна третьего этажа. Естественно, мама заставила меня мыть окна, когда снаружи шел проливной дождь. Голос Алисы напугал меня, отчего я уронил ведро с водой (преимущественно дождевой) на землю.

— Боже, Алисса! — закричал я ей.

Она держала над головой ярко-желтый зонтик в горошек и хмуро смотрела на меня.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Мою окна.

— Но идет дождь.

«Не может быть, Шерлок», — подумал я про себя. Но потом понял, что Алисса не виновата в том, что я мыл окна, и не заслужила плохого отношения. Я спустился с лестницы и посмотрел на своего лучшего друга. Сделав большой шаг ко мне, она подняла зонтик над нами обоими.

— Твоя мама заставила тебя? — спросила она, глядя на меня такими грустными глазами, каких я никогда раньше не видел.

Я не ответил.

— Что ты делаешь здесь? — спросил я, немного разозлившись. Она не должна находиться здесь. Я жил в дерьмовом районе, и тут было небезопасно для любого человека, а особенно для Алиссы. Ниже по улице была баскетбольная площадка, где чаще продавали наркоту, чем играли. Отдельные личности, стоящие на углу улицы с утра до вечера, готовы обчистить каждого в погоне за лишним долларом. Здесь вдоль дороги шлялись обдолбанные

наркотой проститутки. Здесь слышались перестрелки, но, к счастью, я их только слышал, но никогда не видел.

Я ненавидел это место. Эти улицы. Этих людей.

И я ненавидел, что Алисса иногда появлялась здесь.

Она несколько раз моргнула, словно вспоминая причину своего прихода.

— А, да! — сказала она, и ее хмурый вид перешел в полноценную улыбку. — Говнюк позвонил мне! Я хотела, чтобы он пришел на мое фортепианное выступление, но он не перезвонил мне, помнишь? До сегодняшнего дня! А только что позвонил и сказал, что сможет приехать! — завизжала она.

Я моргнул, не двигаясь.

Говнюк был известен тем, что давал Алиссе обещания, а в последнюю минуту отказывался от них.

— Не делай этого, — сказала она, указывая на меня пальцем.

— Не делать чего?

— Не смотри на меня «Оставь свои надежды, Алисса» взглядом. Это не я позвонила ему, Логан. Он позвонил мне. Он хочет быть там, — она не могла перестать улыбаться. От этого мне на самом деле стало грустно за нее. Я никогда за всю свою жизнь не видел никого, кто бы так нуждался в ощущении себя нужным.

Ты нужна, Алисса Мари Уолтерс. Клянусь.

— Я не смотрел на тебя так, — соврал я. Хотя именно так и смотрел на нее.

— Ладно. Давай составим список плюсов и минусов ситуации, — предложила она.

До того, как в прошлом июне мы с Алиссой окончили школу, в классе истории учитель заставил нас составить список плюсов и минусов всех войн, которые когда-либо случались. Это так чертовски раздражало, к тому же у нашего учителя был самый монотонный в мире голос. Но с тех пор мы с Алиссой начали оставлять такие списки для всего подряд, обязательно говоря монотонным голосом.

— Плюс номер один, — сказала она, ее голос стал смертельно скучным. — Он появится.

— Минус номер один, он не появится, — ответил я.

Она сморщила носик от раздражения.

— Плюс номер два, он появится с цветами. Он позвонил и спросил, какие мои любимые цветы. Никто не станет делать этого, если не хочет принести кому-то цветы!

Маргаритки. Говнюку следовало знать, какие цветы она любит.

— Минус номер два, он позвонит и отменит все в последнюю минуту.

— Плюс номер три, — сказала она, положив руку себе на бедро. — Он появится и скажет мне, какая я замечательная. И как он мной гордится. И как сильно он скучал по мне и любит меня, — я собрался открыть рот, но она шикнула на меня, отбросив свой монотонный голос. — Слушай, Ло. Нет больше минусов. Я хочу, чтобы ты увидел это и порадовался за меня, ладно? Даже если это фальшивая радость! — она продолжала улыбаться, голос был высоким от волнения, но ее глаза и то, что она опять икнула, говорили о том, как Алисса себя на самом деле чувствовала. Она нервничала, боялась, что он снова ее предаст.

Поэтому ради нее я натянул улыбку, не желая, чтобы она нервничала или боялась. Я хотел, чтобы она действительно чувствовала себя счастливой, как того заслуживала.

— Это здорово, Алисса, — сказал я, легко подталкивая ее под руку. — Он придет!

Глубоко вздохнув, она кивнула.

— Он точно собирается быть там.

— Конечно, — сказал я с фальшивой уверенностью. — Потому что, если кто-то и достоин его появления, то это Алисса-Черт-Возьми-Уолтерс!

Ее щеки покраснели, и она кивнула.

— Это я! Алисса-Черт-Возьми-Уолтерс!

Она расстегнула задний карман и вытащила билет, сложенный в закрытом пластиковом конверте на молнии.

— Ладно. Мне нужна твоя помощь. Я боюсь, мама обнаружит, что я пытаюсь общаться с отцом. Не хочу, чтобы он появлялся где-то возле нашего дома. Поэтому я сказала папе, что он может забрать билет у тебя здесь, — Алисса посмотрел на меня с надеждой в глазах, что ее план сработает. Для меня не осталось незамеченным, что сейчас она назвала его папой вместо Говнюка. И от этого мне снова стало грустно.

Я действительно чертовски надеялся, что он появится.

— Я сделаю это, — сказал я. Ее глаза наполнились слезами, и, передав мне зонт, она быстро вытерла их.

— Ты самый лучший друг, который может быть у девушки, — она наклонилась ко мне и расцеловала в щеки в общей сложности шесть раз.

И я предпочел не замечать, что мое сердце тоже перевернулось шесть раз.

Она не заметила этого, не так ли? Она не замечала, что каждый раз, стоя рядом, разжигала огонь в моем сердце.

Алисса

— Как твоя репетиция? — спросила мама, когда я вернулась домой от Логана.

Вместо того чтобы пойти на репетицию, я поехала к нему и умоляла его передать билет папе. Я не могла сказать об этом маме — она бы не поняла. Она сидела в своем кабинете за компьютером, делая то, что умела лучше всего, — работала. Перед ней был бокал с вином, бутылка стояла рядом. Прежде чем я смогла ответить, она, не глядя на меня, сказала:

— Забрось всю свою грязную одежду в корзину для белья в ванной. Потом, если сможешь, постирай и загрузи в сушилку.

— Хорошо, — сказала я.

— И я сделала лазанью. Если хочешь, поставь в микроволновку на сорок пять минут или час.

— Хорошо.

— И пожалуйста, Алисса, — она перестала печатать и повернулась ко мне, теребя переносицу. — Не могла бы ты перестать оставлять свою обувь в холле? Если честно, нужно всего два шага влево, чтобы поставить ее в шкаф.

Я посмотрела в коридор на свои брошенные посередине конверсы.

— Я поставила их в шкаф.

Она хмуро посмотрела на меня, во взгляде читалось: «чушь».

— Поставь их в шкаф, пожалуйста.

Я убрала их в шкаф.

Когда пришло время ужина, мама и я сидели за обеденным столом. Она смотрела в свой телефон, отвечая на электронные письма, а я — в свой, комментируя посты в Фейсбуке.

— У лазаньи странный вкус, — сказала я, копаясь в ней вилкой.

— Я положила омлет вместо пасты.

— Но разве лазанья может быть без пасты? Это как паста — имя, а лазанья — фамилия. Без нее мы едим просто яйца, соус и сыр.

— В таком варианте меньше углеводов, а ты помнишь, что я говорила тебе меньше их потреблять до переезда в колледж. Все первокурсники прибавляют в весе — это действительно так. К тому же, я читала в одной статье, что люди, уже имеющие лишний вес, склонны набирать еще больше, чем нормальные.

— Чем нормальные? Ты говоришь, что я не нормальная? — я почувствовала, как немного сдавило грудь.

Мама драматично закатила глаза.

— Ты слишком впечатлительна, Алисса. Мне бы хотелось, чтобы ты стала более уравновешенной, как твоя сестра Эрика. К тому же, ее привычки в еде в десять раз лучше, чем твои. Я просто констатирую факты. Тебе нужно больше следить за тем, что ты ешь, вот и все, — она быстро сменила тему. — Ты так и не ответила, как прошла репетиция, — сказала она, принимаясь за ужин.

— Отлично, — ответила я. — Ну, знаешь, я и фортепиано — снова и снова.

Она фыркнула.

— Да, я знаю. Прости, что не смогу прийти на выступление сегодня. У меня слишком много работы.

Я чересчур драматично закатила глаза, чего она, к счастью, не заметила. Она никогда не приходила на мои выступления, будучи уверенной, что музыка — это хобби, но не жизненный выбор. Узнав, что я собралась поступать в колледж, чтобы изучать музыкальную терапию, она практически отказалась платить за мое образование, пока моя сестра Эрика не отговорила ее от этого. И хотя сестра была в точности, как мама, когда дело касалось чего-то практического, она все-таки продолжала верить в мой музыкальный талант. Может быть, потому что ее парень Келлан был музыкантом, и она любила его и скрытый в нем талант.

Иногда я закрывала глаза и пыталась вспомнить время, когда мама была не такой суровой, не такой безжалостной. Я вроде как помнила ее улыбку. Но, возможно, эти моменты были просто в моем воображении, желающем уцепиться за что-то прекрасное. Она стала такой холодной в тот день, когда ушел папа? Или его теплота просто временно скрывала ее ледяную душу?

— Я думаю, что мне пора идти в музыкальный зал, чтобы подготовиться к вечеру. Спасибо за ужин, мам, — сказала я, пока она наливала себе еще вина.

— Ага.

Когда я надела свой легкий жакет, конверсы и взяла сумку ручной работы, которую папа привез мне с гастролей по Южной Америке, мама окликнула меня.

— Алисса!

— Да, мам?

— Запусти посудомойку перед тем, как уйдешь. И вытащи вещи из сушилки. И возьми мне пинту мороженого в магазине «У Бэлли». И не вздумай покупать себе. Ты помнишь: лишние килограммы и все такое.

***

Казалось, моя грудь охвачена пламенем.

Когда я выглянула из-за кулис, место 4А все еще пустовало. «Он придет», — убеждала я себя. — «Он позвонил мне, он сказал, что будет здесь», — прокручивала я мысль. — «С

маргаритками».

Я любила маргаритки — это были мои любимые цветы, и папа знал это и собирался принести их мне. Потому что он пообещал.

— Ты следующая, Алисса, — сказал мой преподаватель. Я чувствовала, как сердце колотилось о ребра. Это ощущалось так, словно я распадалась на части с каждым шагом, который приближал меня к инструменту. Я задыхалась, понимая, что его там нет, и осознание того, что из его рта не выходит ничего, кроме лжи, вызывало у меня головокружение. Ложь. Болезненная, бессмысленная ложь.

А потом я подняла взгляд.

Место 4А не было пустым.

Он пришел.

Я расслабилась на скамейке возле фортепиано и позволила себе потеряться в клавишах. Мои пальцы слились с инструментом, творя волшебство. Заставляя пространство наполняться звуками моей души. Я не собиралась плакать, но, пока играла, несколько слезинок скатились по моим щекам. Закончив, встала и поклонилась. Аудитория не должна была аплодировать до тех пор, пока не выступят все, чтобы музыканты послабее не чувствовали себя неудобно, не получив оваций зала. Но молодой человек с места 4А стоял с одной маргариткой в руке, хлопая как безумный, крича и вопя.

Я улыбнулась юноше в костюме, который был слишком велик для него.

Быстро и не раздумывая, я сбежала в зрительный зал и заключила его в объятия.

— В любом случае билет был для тебя, — соврала я ему в плечо.

И вот тогда он обнял меня крепче.

Как бы то ни было, кому нужен Говнюк? У меня был Логан Фрэнсис Сильверстоун.

И для меня этого было достаточно.

Логан

— Костюм тебе слишком велик, — сказала она, дернув рукава, достающие до кончиков моих пальцев. Одинокая маргаритка, подаренная мной, была у нее за ухом с тех пор, как мы покинули выступление.

— Это Келлана, — объяснил я. — Он заехал и закинул его мне, когда я понял, что Говнюк не собирался приходить.

— Ты утонул в нем, — пошутила Алисса. — Но все равно ты выглядишь красивым. Я никогда не видела тебя в такой одежде. Тебе понравился концерт? Это было не самым лучшим моим выступлением.

— Оно было безупречно.

— Спасибо, Ло. Я думаю, что мы должны как-то развлечься сегодня. Тебе так не кажется? Я считаю, что мы должны, не знаю... сделать что-то безумное! — она говорила, говорила и говорила — в этом она была очень хороша. Пока Алисса шла, она кружилась, улыбалась и говорила, говорила и улыбалась.

Но я совсем не слушал ее, потому что мой разум был где-то в другом месте.

Я хотел рассказать Алиссе, как прекрасна была ее игра на фортепиано, насколько лучше каждого выступавшего она была. Как я почувствовал себя живым, всего лишь наблюдая за ее порхающими по клавишам пальцами. Как все это время я не мог отвести от нее глаз. Как я понял, что не хочу никогда ее отпускать, когда она обняла меня. Как иногда я думал о ней, занимаясь обыденными вещами, например, когда чистил зубы или расчесывал волосы, или

искал чистые носки. Я хотел сказать ей все, о чем думал, потому что думал я только о ней.

Я хотел рассказать, что чувствовал к ней. Хотел рассказать, как влюбляюсь в нее. Хотел рассказать, как я люблю ее непослушные волосы, люблю ее рот, который всегда болтает то об одном, то о другом.

Я хотел...

— Логан, — прошептала она, застыв на тротуаре. Мои руки каким-то образом опустились на ее талию, и я притянул ее ближе к себе. Мое прерывистое дыхание парило над ее губами, которые сейчас были в миллиметрах от моих. Ее горячие выдохи смешивались с моими тяжелыми вдохами, в то время как оба наших тела дрожали в объятьях друг друга. — Что ты делаешь?

Что я делал? Почему наши губы были так близко? Почему наши тела прижимались друг к другу? Почему я не мог оторвать свой взгляд? Почему я влюбился в свою лучшую подругу?

— Правда или ложь? — спросил я.

— Ложь, — прошептала она.

— Я поправлял цветок в твоих волосах, — сказал я, заправляя ее локоны за ухо. — А сейчас спроси меня снова.

— Что ты делаешь? — спросила она, когда я придвинулся ближе, чувствуя, как ее слова касаются моих губ.

— Правда или ложь?

— Правда.

— Я не могу перестать думать о тебе, — сказал я ей. — Не только сейчас. Все время. Утром, днем, ночью — ты постоянно в моих мыслях. А еще я не могу перестать думать о том, чтобы поцеловать тебя. Я не могу перестать думать о том, чтобы целовать тебя медленно. Ведь это должно быть медленно. Потому что чем медленнее это будет, тем дольше продлится. А я хочу, чтобы это длилось долго.

— Это правда? — тихо спросила она и, коротко сглотнув, посмотрела на мои губы.

— Правда. Но если ты не хочешь, чтобы я поцеловал тебя, то я не буду. Если ты хочешь, чтобы я солгал, то я солгу.

Наши взгляды встретились, и она положила руку мне на грудь. Сердце заколотилось под кончиками ее пальцев, когда она приблизилась ко мне. Алисса закусилла нижнюю губу и слегка улыбнулась.

— Ты мой лучший друг, — прошептала она, теребя подол своего платья в горошек. — Ты первый человек, о котором я думаю, когда просыпаюсь. Единственный, по кому скучаю, когда ты не лежишь со мной в кровати. Ты — то единственное, что я ощущаю для себя правильным, Ло. И если быть честной, то я бы сказала, что хотела бы, чтобы ты меня поцеловал. Но не один раз, а много.

Наши тела сплелись, и я почувствовал, что она занервничала, потому что снова икнула.

— Нервничаешь? — спросил я.

— Нервничаю, — ответила она.

Это было как-то неуклюже, но в то же время ощущалось именно так, как я всегда мечтал. Будто бы мы для этого предназначены.

Я пожал плечом.

Она пожала плечом.

Я улыбнулся.

Она улыбнулась.

Я приоткрыл губы.

Она приоткрыла губы.

Я наклонился.

Она наклонилась.

И моя жизнь изменилась навсегда.

Я теснее прижал свои руки к ее спине, когда она ответила на мой поцелуй. С каждой пролетающей секундой она все сильнее и сильнее целовала меня, будто пыталась решить для себя, реальность это или нет.

Было ли это реальным?

Может быть, мой извращенный ум просто нафантазировал, что мы стояли друг напротив друга. Может быть, в реальности я просто сплю. Может быть, Алиссы Уолтерс никогда и не существовало. Может, она — это просто образ, который я создал в своей голове, чтобы пройти через все мои дерьмовые дни.

Но если так, то почему это ощущалось таким реальным?

На долю секунды наши губы оторвались друг от друга. Наши взгляды встретились, и в них словно отражался вопрос: стоит ли отдаться мечте или нужно прекратить все это, прежде чем разрушится маленькая безопасная гавань нашей дружбы.

Она приблизила свое лицо к моему, и она провела своими дрожащими руками по моим волосам.

— Пожалуйста, — прошептала она мне.

Мои губы коснулись ее губ, и глаза девушки закрылись раньше, чем наши рты снова обрушились друг на друга. Руками Алисса притянула меня ближе. Она прижалась теснее, и ее язык скользнул между моих губ. Я целовал ее в ответ сильнее, чем она меня. Мы прислонились к ближайшему зданию, и я приподнял ее у холодного камня стены. Я хотел ее больше, чем она могла себе представить. Наши поцелуи углублялись, языки переплетались друг с другом, и в это время в моих мыслях возникала призрачная надежда на то, что мне будет позволено чувствовать Алиссу рядом с собой вечно.

Мне это не кажется. Это ее губы — те самые губы, которые я так давно представлял напротив своих, те самые губы, которые всегда улыбались и делали мои дни ярче — и именно они целовали меня.

Я целовал свою лучшую подругу, и она целовала меня в ответ.

Она целовала меня так, будто это было для нее всерьез, и я целовал ее, словно она была моим миром.

А так и есть.

Она и есть мой мир.

Тяжело дыша, мы разорвали поцелуй. Я поставил ее на ноги.

Она отступила назад.

Я сделал то же самое. Наши тела дрожали, и мы были не уверены в том, что делать дальше.

Я пожал плечом.

Она пожала плечом.

Я улыбнулся.

Она улыбнулась.

Я приоткрыл губы.

Она приоткрыла губы.

Я наклонился.

Она наклонилась.

И мы начали все сначала.

Алисса

Мы молчали.

Лишь несколько звуков в моей комнате привлекали внимание и нарушали тишину. Звук работающего вентилятора под потолком, который вращался над нами, лежащими рядом на моей кровати. Звук винилового проигрывателя, играющего на комодe и заикающегося каждые несколько секунд, как будто пластинка была повреждена, хотя раньше почему-то такого не было. Автоматический ароматизатор воздуха с шипением выпускал порцию запаха розы каждые несколько минут. И последними звуками были наши легкие вдохи и выдохи.

Мое сердце колотилось так сильно, потому что было напугано, я уверена. С каждым днем, что мы проводили вместе, я все больше влюблялась в него. Сегодня мы поцеловались. Мы целовались целую вечность, но все еще недостаточно долго.

И сейчас я боялась.

Я думаю, его сердце боялось так же, как и мое. Должно было.

— Ло? — позвала я. В горле пересохло, и мой голос охрип.

— Да, Хай? — он начал называть меня Хай с того момента, когда мы спустились с рекламного щита и он назвал меня своим самым сильным кайфом. (Прим.: High — 1) высота; 2) состояние наркотического опьянения, кайф).

Мне нравилось это больше, чем он мог себе представить.

Я прижалась теснее, свернувшись у него под боком. Он всегда ощущался моим защитным одеялом, которое всегда укроет, если жизнь станет холоднее. Он всегда поддерживал меня, даже когда сам ощущал себя очень, очень потерянным.

— Ты собираешься разбить мне сердце, не так ли? — прошептала я ему на ухо.

Он кивнул, чувство вины заполнило его глаза.

— Я могу.

— И что случится потом?

Он не ответил, но я увидела это в его глазах — страх, что он может причинить мне боль. Он любил меня. Он никогда не произносил этих слов, но это было так.

Нужно уточнить, как Логан любил людей. Это было молча, почти секретно.

Он боялся дать знать кому-то о своей любви, потому что, если жизнь чему-то и научила его, так это тому, что любовь — не награда, любовь — это оружие. А он так устал страдать.

Если бы только он знал, что его любовь — это единственное, что заставляло мое сердце биться... Ох, как я желала, чтобы он любил меня вслух.

Мы помолчали еще.

— Хай? — прошептал он, прижимаясь ко мне.

— Да?

— Я влюбился в тебя, — мягко проговорил он, его слова отражали мои мысли.

Мое сердце пропустило удар.

Я ощутила страх и волнение в его голосе. Страх был куда сильнее, но затаенное чувство счастья прорывалось наружу.

Медленно кивнув, я потянулась к его руке, и он позволил мне крепко сжать ее. Я и так знала о том, что он сказал вслух. Но это был тот момент, который изменил все. Момент,

после которого мы не сможем вернуть все назад. В течение последних нескольких месяцев все шло к этому. Мы испытывали эти чувства, не догадываясь о них. Любить своего лучшего друга было странно. Но, так или иначе, это было правильным. До этой ночи он никогда не подходил так близко к тому, чтобы сказать мне слова любви. Я не была уверена, что у Логана в сердце было место для подобного чувства. Вся его жизнь была царством темноты. Вряд ли кто-то понял бы, как много означало для него сказать эти слова.

— Это пугает тебя, — сказала я.

Он сжал мою руку крепче.

— Это сильно меня пугает.

Я часто задавалась вопросом, как человек понимает, что влюбился. Есть какие-то знаки? Подсказки? Для этого требуется время или осознание поражает тебя мгновенно? Человек просыпается утром, пьет свой кофе, а потом смотрит на другого, сидящего перед ним, и полностью проваливается в чувство?

Но теперь я знала. Человек не погружается в любовь. Он растворяется в ней. Еще вчера ты был льдом, а сегодня — уже вода.

Мне хотелось, чтобы разговор закончился. Я хотела наклониться, обнять его, лечь и уснуть в кровати. Моя голова лежала бы на его груди, а он положил бы свои руки напротив моего сердца, чувствуя удары, отзывающиеся на его любовь. Он бы мягко поцеловал мой подбородок и сказал мне, что я прекрасна — такая, какая есть. Он бы сказал, что все мои причуды как раз и делают меня красивой. Он обнимал бы меня так, словно удерживал себя, его прикосновения были бы наполнены заботой и защитой. Я хотела проснуться, ощущая рядом тепло этого сломленного парня — парня, в котором я растворилась.

Но мы не всегда получаем то, чего ходим.

— Я не знаю, хорошая ли это идея, — сказал он. Его слова ударили меня сильнее, чем я готова была показать. — Ты мой лучший друг, Хай.

— Ты мой лучший друг, Ло, — ответила я.

— И я не могу потерять это. У меня не так много людей... я доверяю только двоим людям в своей жизни: тебе и брату. И я могу подвести вас. Знаю, что могу. И не могу позволить себе сделать это. Я сделаю тебе больно. Сделаю больно и все разрушу, — он повернулся ко мне, и прижался лбом к моему лбу. Его глаза округлились, и, положив руку ему на грудь, я почувствовала, как ему больно от собственных слов. Он приоткрыл губы и придвинулся ближе, шепча напротив моих губ.

— Я недостаточно хорош для тебя, Хай.

Лжец.

Он — самое хорошее в моей жизни.

— Мы можем сделать это, Логан.

— Но... я причиню тебе боль. Я не хочу этого, но так или иначе мне придется.

— Поцелуй меня, — сказала я, и он послушался. Его рот нашел мой, и он медленно поцеловал меня, и еще медленнее отстранился. Я затрепетала, когда он пропустил пальцы сквозь мои кудри. — Поцелуй меня еще раз, — он снова послушался, слегка приподнимаясь и нависая надо мной. Наши взгляды встретились, и он смотрел на меня, словно пытался пообещать мне навсегда, хотя у нас было только наше сейчас. Второй поцелуй был сильнее, горячее, реальнее. — Поцелуй меня в третий раз.

Логан прижался губами к моей шее. Он ласкал меня своим языком, нежно посасывая кожу и заставляя мои бедра приподниматься ему навстречу.

— Логан, я... — мой голос задрожал. Мы лежали в темной комнате. — Я никогда... — мои щеки покраснели, и я не смогла произнести ни слова. Но он уже знал.

— Я знаю.

В животе все дрожало от волнения, и я закусила губу.

— Я хочу, чтобы ты был моим первым.

— Ты нервничаешь?

— Я нервничаю.

Он слегка нахмурился.

— Если ты не хочешь...

— Но я хочу.

— Ты прекрасна, — пальцами он заправил прядь волос мне за ухо.

— Все еще немного нервничаю.

— Ты доверяешь мне? — спросил он. Я кивнула. — Хорошо. Закрой глаза, — я сделала так, как он сказал, мое сердцебиение ускорялось с каждой секундой. Что произойдет сначала? Мне будет больно? Будет ли ему неприятно это? Буду ли я плакать?

Глаза стали наполняться слезами.

Я была готова заплакать.

А затем он прикоснулся губами к уголку моих губ.

— Ты в безопасности, Хай, — пообещал он мне. Логан начал медленно поднимать мою безразмерную футболку, и я напряглась. — Ты в безопасности, — прошептал он снова, нежно посасывая мочку моего уха. — Ты доверяешь мне? — спросил он еще раз. Мое тело расслабилось, и я начала плакать, но не потому, что нервничала, а потому, что никогда не чувствовала себя так безопасно, как сейчас.

— Да. Я доверяю тебе.

Каждую мою скатившуюся слезинку он собирал поцелуем.

Медленно, сантиметр за сантиметром, он снял с меня футболку и отбросил ее в сторону. Путешествуя ртом по моему телу, он касался губами шеи, посасывал мою грудь, прослеживал языком контуры лифчика, целуя каждый миллиметр моей обнаженной кожи.

— Алисса, — прошептал он, добравшись до края моих трусиков. Мое дыхание стало тяжелым, и я приподняла бедра, умоляя его продолжать свои прикосновения. Прижав ладони к его груди, я ощутила, как подчиняется ему мое сердцебиение.

Его голос наполнился беспокойством.

— Скажи мне остановиться, хорошо? Если ты захочешь, чтобы я остановился...

— Нет... Пожалуйста...

Он потянул трусики вниз, и чем ниже он спускал их, тем быстрее билось мое сердце.

— Алисса, — проговорил он снова. Он посмотрел на меня, на долю секунды наши взгляды встретились, а потом раздвинул мои ноги и опустил голову. Когда его язык коснулся меня, я задохнулась от восторга. Я сжала простынь в кулаках, и его язык скользнул внутрь меня. Голова закружилась. Сердце как будто ускорялось, а потом полностью переставало биться. Это ощущалось, словно каждые несколько секунд я умираю, а его губы, его язык, его душа воскрешали меня. Я и не подозревала, что нечто настолько простое может ощущаться так...

Логан...

— Пожалуйста... — выдохнула я, выгнувшись, когда он скользнул двумя пальцами внутрь меня, медленно проталкивая их внутрь и еще медленнее вытаскивая. Потом толчки

стали жестче, быстрее, глубже...

Ло...

Я была в секундах от взрыва и стиснула в руках простыни. В секундах от того, чтобы умолять его столкнуть меня с обрыва и позволить свободно парить.

— Я хочу тебя, Логан. Пожалуйста, — я часто дышала, мое тело начало привыкать к удовольствию, которое он доставлял мне.

— Еще нет, — сказал он, отстраняясь и вытаскивая из меня пальцы.

Наши глаза встретились, и от его взгляда я ощутила уверенность, что никогда не останусь одна.

— Алисса, — сказал он дрожащим голосом. — Я люблю тебя, — его глаза увлажнились, и из моих глаз покатались слезы.

«Ты мой лучший друг, Ло», — думала я.

Мы стали друг другу ближе, чем кто-то может себе представить. Он был во всех смыслах частью меня, наши жизни сплелись вместе, как будто мы были одним пламенем, горящим вместе в темноте ночи.

Ему только хотелось плакать, а из моих глаз уже текли слезы.

В его сердце только появлялась трещинка, а мое уже разбивалось.

Ты мой лучший друг.

Он наклонился и поцеловал меня. Он целовал меня с обещаниями того, чего мы никогда не делали друг другу. Он целовал меня с извинениями за то, чего никогда не совершал. Он целовал меня со всем, что было в нем, и я целовала его в ответ со всем, что существовало во мне.

Он встал, снял штаны и боксеры, и, хотя я чувствовала себя в безопасности, бабочки запорхали в моем животе.

— Ты можешь передумать, Хай, — поклялся он. — Ты всегда можешь передумать.

Я протянула руки к нему, и он взял их в свои. Он вернулся ко мне и лег сверху, раздвигая мои колени. Когда наши бедра соприкоснулись, я тихо застонала, мои ноги дрожали от желания, от страха, страсти и любви.

— Я люблю тебя, — прошептала я, давая ему передышку. Его губы раскрылись, но он не произнес ни слова. Лишь выглядел удивленным от того, что кто-то мог любить его. — Я люблю тебя, — повторила я, наблюдая, как смягчается его взгляд. — Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — прошептал он, прижимая свои губы к моим. Слезы капали из его глаз и смешивались с моими собственными. Я знала, как тяжело дались ему эти слова. Знала, как напуган он тем, что так открылся. А еще знала, как сильно люблю его.

— Скажи мне остановиться, если я сделаю тебе больно, — сказал он. Но мне этого не требовалось. Боль была, но желание было сильнее. Он был моим защитным одеялом, моей безопасной гаванью, моим самым прекрасным Ло. Он качнул бедрами напротив моих, скользнув глубже в меня.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Толчок.

— Я люблю тебя... — повторил он.

Второй толчок.

— Я люблю тебя... — прошептал он.

Третий.

— Логан... я... собираюсь...

Раз, два, три раза, четыре...

Вверх.

Вниз.

Рай.

Ад.

Он.

Я.

Мы.

Мы достигли освобождения, содрогаясь в объятиях друг друга, распадаясь на части, но словно становясь единым целым. Теряя самих себя, но обретая друг друга.

Я любила его.

Я любила его до глубины души, и он любил меня в ответ.

Он сдержал обещание. Он заставил меня чувствовать себя в безопасности все время. Он был тем человеком, к которому я приходила каждый раз, когда было больно или когда было страшно.

Как домой.

Логан был для меня домом.

— Алисса, это было... — он выдохнул, лежа рядом со мной и задыхаясь. —

Потрясающе.

Я улыбнулась, отворачиваясь от него. Смахнув пальцами все еще текущие из глаз слезы, я изо всех сил пыталась сдержать желание смеяться от ощущения счастья с примесью беспокойства. Что будет дальше?

— Если бы я получала доллар за каждый раз, когда слышала это.

Он прищурился, зная, что за этой шуткой я пряталась, когда нервничала, и притянул меня ближе к себе.

— Ты в порядке, Хай?

— Я в порядке, — кивнула я, встречая его взгляд. Он наклонился и собрал поцелуем несколько слезинок. — Я лучше, чем в порядке.

— Я хочу, чтобы были мы. Навсегда. Я хочу этого.

— Я тоже. Я тоже.

— Навсегда, Хай? — прошептал он.

— Навсегда, Ло.

Он сделал глубокий вдох, и его глаза улыбнулись вместе с губами.

— Я так счастлив сейчас, — это были последние слова той ночью, и я подумала, что они прекрасно описывали все, что я чувствовала в этот вечер.

Потолочный вентилятор вращался над нашими головами, а мы лежали в кровати рядом друг с другом. Виниловый проигрыватель играл на комод, заикаясь каждые несколько секунд, но в то же время звуча так, будто был абсолютно целым. Запах розы освежал воздух каждые несколько минут, и мы вдыхали и выдыхали.

Нам было спокойно.

Алисса

Логан и я заявили о своей любви два месяца назад. Я не знала, как наша дружба могла стать крепче из-за того, что мы влюбились, но каким-то образом это случилось. Он заставлял меня смеяться в моменты грусти, и это означало целый мир для меня.

Когда вы находите кого-то, кто может заставить вас смеяться, когда ваше сердце хочет плакать, — держитесь за него. Он изменит вашу жизнь к лучшему.

У меня были большие планы. Через три недели я переезжала в кампус своего колледжа, но планировала, что Логан будет приезжать. Мы оставались бы так же близки, как сейчас, и влюблялись бы еще больше. Он сказал, что ему нравится эта идея, и это было замечательно, потому что я любила его до глубины души.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Целыми неделями я парила в облаках, но однажды, придя с работы домой, застала маму, настроенную вернуть меня с небес на твердую землю.

— Алисса! — позвала она меня, как только я вошла в дом. Я сбросила свою обувь в холле, остановилась и, подняв ее, убрала в шкаф.

— Я уже убрала их! — закричала я в ее сторону.

— Это не то, что я собиралась сказать, — ответила она из своего кабинета. Идя на звук ее голоса, я заглянула в комнату. Не отрывая взгляда от компьютера, она сидела с бокалом вина в руке. — Я сделала постный мясной рулет из протеиновой муки и тофу. Закинь его в микроволновку для меня.

Это не мясной рулет, мам.

— Хорошо.

— И твой отец написал тебе письмо.

Мой глаза округлились, от волнения я чуть не взорвалась.

— Что?

— Он написал тебе письмо. Оно на кухонном островке.

Папа написал мне сегодня письмо.

Папа написал мне сегодня письмо!

С все возрастающим волнением я побежала на кухню и, схватив незапечатанный конверт, вытащила листы бумаги.

«Милая Али»,

Начало уже многообещающее.

Глаза забегали по письму слева направо, вникая в каждое слово, каждую букву, желая найти хотя бы строчку о том, как сильно он скучает по мне, как сильно любит меня, как сильно волнуется. Так много слов, так много страниц. Страниц, исписанных от начала до конца, страниц, наполненных разными словами, некоторые из которых были длинными, некоторые короткими. Там были точки, вопросительные знаки и восклицательные.

У него был удивительный почерк, который иногда было трудно читать.

Мою грудь охватывало огнем от каждой прочитанной буквы. Буквы складывались в слова, слова — в предложения, из предложений выстраивались извинения — извинения, которые ощущались фальшивыми, потому что кто мог поступить так на самом деле?

«Меня долго не будет рядом».

Я сделала резкий вдох, добравшись до последнего абзаца.

«Я во власти своей музыки и возглавляю новую группу».

Еще один резкий вдох.

«Сконцентрироваться на своей карьере...».

Зажав большой палец руки между губами, я добралась до конца письма и села, отбросив его и уставившись на пять листов бумаги, полностью исписанных от начала и до конца.

«Я долго не смогу быть рядом, милая Али. Надеюсь, что ты поймешь. Продолжай жить».

музыкой».

Мой отец расстался со мной на пяти листах бумаги, и когда постный мясной рулет напомнил об ужине, мама заговорила.

— Я же говорила тебе.

Еда не лезла в горло. Большую часть ночи я просидела в туалете, выблевывая свои внутренности. Я не могла поверить, что человек мог поступить настолько бессердечно. Он написал эти слова так, словно действительно так думал, и от этого становилось еще больнее.

Остаток ночи я провела на полу в туалете, пытаюсь понять, что я сделала неправильно, и почему мой отец больше не любит меня.

***

— Он расстался с тобой письмом на пяти листах? — шокировано спросил Логан. Последние пять дней я провела без него, чувствуя себя растерянной из-за письма. Каждый день я едва могла удержать хоть что-то в своем желудке, потому что его выворачивало наизнанку. Но больше всего меня беспокоило то, насколько радостной казалась мама из-за того, что отец меня предал. Она всегда казалась счастливой, когда мне было больно.

Я сидела с Логаном на рекламном щите, запомнив пять страниц письма наизусть.

— Технически он расстался со мной на десяти страницах, ведь они были исписаны с двух сторон.

— Дай мне конверт, — приказал он. Его ноздри раздувались, лицо покраснело от гнева. Я не знала, почему его так расстроило письмо, но он, казалось, готов был лопнуть от злости.

— Зачем?

— Этот адрес отправителя, вероятно, тот, где он живет. Мы можем съездить туда. Можем встретиться с ним лицом к лицу, мы можем...

— На конверте нет никакого адреса. Полагаю, он бросил его в почтовый ящик у нашего дома.

Тяжело вздохнув, Логан потер лицо руками и снова начал перелистывать страницы.

— Как насчет его группы? Он сказал, как она называется?

— Нет.

— Вот дерьмо.

— Все в порядке, — я пожала плечами. Я еще до конца не осознала. Большая часть меня продолжала думать, что он вернется. Опасно возлагать надежду на ненадежного человека. — Я выше этого, — хотя это было не так. Я была далека от того, чтобы быть выше этого.

— Ну, а я нет! — закричал он, поднявшись и расхаживая взад и вперед. — Это не справедливо. И что мы только сделали этим людям? Твоим родителям. Моим родителям. Что мы сделали неправильно?

У меня не было для него ответа. Многие люди, возможно, не могли понять, что связывало нас с Логаном. Мы были разными во многом, за исключением одного — того огромнейшего огня, который сжигал нас изнутри: мы оба стремились быть любимыми своими родителями.

— Ты хорошая, Алисса. Ты сделала все, чтобы быть ему хорошей дочерью. Ты сделала все возможное и невозможное ради этого мудака, а он даже не смог собрать свои яйца в кулак, чтобы расстаться с тобой лично?! Ну, давай же. Кто расстается со своей дочерью письмом?! — заорал он. — И вообще, что за родители расстаются со своими детьми?

— Теперь ты видишь, почему я говорила тебе расстаться с Шей лично, а не по смс? — попыталась пошутить я. Он не рассмеялся. — Логан, брось. Все нормально.

— Знаешь, что? К черту его, Хай. Тебя ждут великие дела. Ты изменишь мир и без него. Твой успех будет больше его самых смелых ожиданий. Он не нужен тебе.

— Почему ты так расстроен?

— Потому что как он мог сделать это? Как он мог отвернуться от тебя? От тебя, Хай. Ты самый красивый, искренний и нежный человек, которого я когда-либо встречал. И он бросил тебя. Ради чего? Ради музыки? Ради денег? Славы? Это мусор, потому что все это ничего не стоит, — он сел рядом со мной, тяжело и раздраженно дыша. — Я просто пытаюсь понять, вот и все, — сказал он, свешивая ноги с края рекламного щита, пока мы смотрели вдаль.

— Понять что?

— Как кто-то мог отказаться от тебя?

***

В эту ночь, наконец, я осознала. Отец не вернется. Он не хотел быть частью моей жизни. Он предал меня ради музыки. Какая ирония судьбы — ведь для меня он и был моей музыкой. Весь вечер мне было плохо, и я желала только одного: чтобы ощущение пустоты внутри меня ушло.

Я: Ты можешь прийти?

Логан появился возле моего дома около одиннадцати вечера. Я подарила ему натянутую улыбку, когда он взглянул на меня, притягивая в свои крепкие объятия.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Нормально.

Он прищурился.

— Ложь?

— Ложь.

— Правда?

Я пожалала плечами, мои глаза наполнились слезами.

— Можешь просто обнять меня?

Он стал очень обеспокоенным и отстранился, чтобы изучить каждый миллиметр моего лица.

— Хай... Что происходит?

— Он действительно бросил меня, — я с трудом сглотнула. — Я ему не нужна.

Логан отвел меня в мою спальню, закрыв за нами дверь. Когда я заползла в кровать, он подошел к моей коллекции виниловых пластинок и просмотрел каждую. Выбрал одну и поставил ее, от чего мои глаза еще больше наполнились слезами.

Как только начала играть песня Сэма Смита «Life Support», Логан выключил свет и забрался в кровать, крепко обняв меня. Он притянул меня ближе, заставляя прижаться к нему, и я затряслась, когда он начал напевать песню мне на ухо.

Я начала плакать. Он продолжал петь, а мое тело не переставая вздрагивало в его руках. Он притянул меня ближе и обнял крепче. Песня играла на повторе, снова и снова. Он продолжал петь мне, моей душе, укрощая дикий огонь, превращавший меня в пепел.

Его голос погружал меня в сон, в его руках я была в безопасности.

Когда я проснулась посреди ночи, плача от ночного кошмара, Логан крепко спал. Его руки лежали по бокам, он дышал через рот, и я смотрела на него, а слезы продолжали катиться по моим щекам.

— Ло, — прошептала я. Он проснулся.

— Да?

— Мне приснился плохой сон. Ты можешь обнять меня?

Он не колебался, а просто в очередной раз притянул меня ближе, позволяя положить голову ему на грудь и ощущать его сердцебиение.

— Ты в порядке, Алисса Мари Уолтерс, — вздохнул он напротив моей кожи.

Я заплакала сильнее, прижимаясь к нему ближе.

— Я в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун.

Алисса

Беда не приходит одна.

Мама говорила эти слова каждый раз в разгаре судебного дела, когда приходили плохие новости. Когда случалась одна плохая вещь, нечто более худшее маячило неподалеку. На самом деле я никогда не верила в это, потому что была оптимистом в нашей семье — девочкой, у которой стакан наполовину полон. Но сейчас это оказалось правдой. Прошла всего одна неделя после того, как отец порвал со мной, и, не дав мне времени осознать это событие, мир снова рухнул. Я слышала в голове мамины слова.

«Беда не приходит одна, Алисса. Это просто правда жизни».

— Итак, — вздохнула Эрика, стоя рядом со мной в магазинном проходе. — Сколько нам нужно взять?

Уже две недели меня ежедневно рвало. И то, в чем я винила свой нервный стресс, превратилось сейчас в мой самый большой страх, потому что мы стояли перед тестами на беременность. Я не знала, кому еще позвонить, кроме моей сестры, и когда она услышала дрожь в моем голосе, то через сорок пять минут уже парковалась перед нашим домом. Хотя Эрика была рациональной реалисткой, как моя мама, она не была такой бессердечной. Она любила мою творческую натуру и эксцентричность, и я знала — она сделает все, чтобы помочь мне.

— Может, два? — прошептала я, трясаясь всем телом.

В успокаивающем жесте она положила руку мне на плечо.

— Мы возьмем пять. На всякий случай, — мы подошли к кассирше, которая смотрела на нас, как на сумасшедших с таким количеством тестов. Эрика прихватила еще бутылку воды. Когда я, униженная, думала о том, чтобы убежать из магазина, чувствуя осуждение в глазах кассира, Эрика вышла из себя.

— Разве никто никогда не говорил вам, что так таращиться неприлично?

После чего кассирша пробила наши товары, ни разу не подняв взгляд.

Мой телефон пикинул, когда мы выходили из магазина.

Логан: Где ты? Мне нужно тебя увидеть.

Я не могла ответить. Мой телефон пропиликал еще раза четыре, прежде чем мы добрались до дома и я выключила его.

Мы сидели в ванной за закрытой дверью. Мама еще не пришла с работы, и все пять тестов на беременность были развернуты и разложены на раковине в ожидании, когда я на них пописаю. Я выпила целую бутылку воды, и когда почувствовала готовность использовать их, Эрика уверенным тоном стала меня инструктировать.

— Ты должна пописать немного на один тест, потом подержать его, потом следующий тест, подержать, потом следующий...

— Я поняла, — ответила я с раздражением. Не на нее, а на себя за то, что оказалась в такой ситуации. В ближайшие выходные я должна была уехать в колледж, а не писать на

пять тестов.

Когда дело было сделано, мы подождали десять минут. На упаковках говорилось, что требовалось всего две, но мне казалось, что через десять минут результат будет точнее.

— Что означает розовая линия на этом? — спросила я, взяв первый тест.

— Беременна, — прошептала Эрика.

Я взяла второй.

— А знак плюс?

— Беременна.

Мой живот скрутило.

— А две розовые линии?

Она нахмурилась.

Тошнота подкатывала к горлу.

— А другой знак плюс?

— Алисса... — ее голос дрогнул.

— И этот тоже говорит, что я беременна? Что это значит? — слезы катились по моим щекам, и я не знала, как их остановить. Дыхание сбилось, сердцебиение стало нестабильным. Я не понимала, о чем думать в первую очередь. Логан? Колледж? Мама? Мои слезы?

— Али, все нормально. Это еще нужно выяснить. Не паникуй, — рука Эрики, лежащая на моей ноге, была тем единственным, что удерживало меня от падения на пол и раскачивания взад-вперед в углу.

— Я начинаю учебу в следующие выходные.

— И ты все еще сможешь сделать это. Нам просто нужно выяснить...

— Алисса! — закричала мама, входя в дом. — Я говорила тебе, чтобы ты не оставляла свою обувь в холле! Убери сейчас же!

Мои руки начали неконтролируемо трястись, когда Эрика помогала мне вставать, сбрасывая все тесты на беременность в пакет и пряча его в своей безразмерной сумке.

— Давай, — сказала она, указывая головой на дверь, ополаскивая руки и заставляя меня сделать то же самое. — Пойдем.

— Нет, — сказала я полушепотом-полукриком. — Я не могу, я не могу видеть ее прямо сейчас. Я не могу выйти отсюда.

— Ты не можешь просто прятаться здесь, — сказала она, вытирая мои слезы. — Не волнуйся. Мы ничего не скажем ей. Просто дыши.

Она первой вышла из ванной, и я последовала за ней.

— Эрика? Что ты здесь делаешь? — спросила мама повышенным тоном.

— Я просто решила зайти навестить. Может, поужинать с вами.

— Это невежливо — запросто прийти на ужин без предупреждения. Что, если у меня не хватит для тебя еды? Кроме того, я приглашена сегодня. А Алиса должна была закончить паковать свои коробки в комнате, хотя я говорила, что ей следовало закончить это в прошлые выходные. И...

— Я беременна.

Мама метнула взгляд ко мне, в то время как челюсть Эрики практически упала на пол.

— Что ты только что сказала?

В тот момент, когда я произнесла это слово еще раз, начался крик. Она говорила мне, как она разочарована во мне. Она кричала о том, как я отвратительна ей. Она сказала, что

всегда знала, что я во что-то вляпаюсь, и это что-то — голодранец Логан.

— Ты сделаешь аборт, — безапелляционно сказала она. — Вот и все, что здесь нужно сделать. На этой неделе мы ходим в клинику, справимся с этой неприятностью, и потом ты уедешь в колледж.

Мой разум еще даже не принял мысль, что я беременна, а она уже говорила мне, что от этого надо избавиться.

— Мама, брось. Не будь такой опрометчивой, — сказала Эрика, вставая возле меня, потому что я была не в состоянии выдать ни слова.

— Опрометчивой? — мама сложила руки на груди и подняла брови над совершенно стеклянным взглядом. — Нет уж, что опрометчиво, так это забеременеть за пять дней до начала учебы в колледже. Уж что и опрометчиво, так это встречаться с неудачником без планов на жизнь. И опрометчиво то, что у Алиссы будет ребенок, когда она сама еще не выросла.

— Он не неудачник, — заступилась я за Логана. Он был далек от того, чтобы называться неудачником.

Мама закатила глаза и пошла в свой кабинет.

— У меня дело завтра, но потом мы пойдем в клинику. В противном случае, ты можешь поискать способ оплачивать колледж самостоятельно. Я не буду тратить деньги на то, чтобы ты училась для галочки, как детки-мажоры, и закончила тем, что бросишь учебу и останешься никем, — отрезала она. — Ты прямо как твой отец.

Я резко вздохнула, и нож в мое сердце воткнулся глубже.

Эрика осталась у нас допоздна, двигая мебель в гостиную. Перестановка вещей была для нее способом избавиться от расстроенного состояния. Иногда, расстроившись, она била тарелки и бокалы.

— Она просто не отдает себе отчета, Али. Знаешь, ты не должна ее слушать. И если она угрожает тебе, не принимай это близко к сердцу. Я помогу тебе с этим справиться.

Я улыбнулась, потом нахмурилась.

— Я должна сказать Логану. Он писал мне после обеда, и я не ответила. Не знаю, что сказать.

Эрика сдвинула брови и сильно нахмурилась.

— Это будет тяжелый разговор, но он должен произойти, и чем раньше, тем лучше.

Я с трудом сглотнула, зная, что должна буду это сделать сегодня ночью.

— Хотя я волнуюсь, Алисса. Я довольно долго знаю Логана, и он не всегда уравновешен, — Эрика не была большим фанатом Логана, и я не могла винить ее. Он практически сжег их с Келланом квартиру год назад во время кутежа с наркотиками, устроенного после того, как родители избили и унизили его.

— Только на пять процентов, — пробормотала я.

— Что?

— Он здесь девяносто пять процентов времени, Эрика. Девяносто пять процентов времени он спокойный. Он добрый. Но иногда эти пять процентов прорываются наружу, и тогда он сам не свой. Он проигрывает в битве между собственной правдой и той ложью, которой кормят его родители. Но я не могу судить его в такие моменты.

— Почему нет? — спросила она.

— Потому что, если судить его только по немногим моментам падения, ты не заметишь прекрасных взлетов.

***

Беда не приходит одна, они приходят одна за другой.

За последние два года я видела достаточно моментов падения Логана. Когда бы это ни случилось, он превращался в человека, которого я не узнавала. Его слова были невнятными, тело дрожало, и голос всегда был громким. Он злился без причины, и это происходило, когда он употреблял наркотики посерьезнее, чем травка. Хотя знала, что, в основном, это случилось, когда его родители причиняли ему боль, когда они оставляли жестокие шрамы на его сердце. Такие раны на сердце человека всегда труднее исцелить, и кажется, что они сохраняются дольше. Когда он снова падал вниз, я знала, что лучше всего просто дать этому пройти, потому что, в конце концов, он всегда находил путь назад к тому Логану, которого я любила и обожала.

Пять процентов падений, девяносто пять — взлетов.

Когда я в ту ночь, наконец, включила свой телефон, там было пятнадцать сообщений от Логана.

Логан: Где ты, Хай?

Логан: Ты нужна мне.

Логан: Пожалуйста. Я распадаюсь на части. Мой отец только что ушел, и я не в самом хорошем месте.

Логан: Алисса? Хай?

Логан: Не бери в голову.

О нет. Он снова сорвался. Это одна из самых пугающих меня ситуаций.

Я: Я здесь.

Он не отвечал до трех утра. Когда он позвонил, я услышала совершенно отсутствующий голос.

— Я на твоём крыльце, — сказал он. Открыв переднюю дверь, я ахнула. Его левый глаз заплыл, губы разбиты. Его обычно загорелая кожа приобрела черно-синий цвет.

— Ло, — выдохнула я, протягивая руку к его лицу. Он поморщился и шагнул назад. — Твой отец?

Он не отвечал, пока я заводила его в дом.

Сначала я заметила подергивания, а затем нарушение координации. Он отчаянно чесал свою кожу и продолжал облизывать губы.

Как далеко во тьму ты завел себя сегодня, Логан?

— Могу я принять душ? Я не мог пойти домой сегодня, — он всхлипнул, пытаясь открыть свой левый глаз, но тот не поддавался.

— Да, да, конечно. Пойдем.

Я вела его в свою ванную, пока он спотыкался рядом. Когда мы добрались, я закрыла за нами дверь. Он присел на унитаз, а я достала маленькое полотенце и намочила его в теплой воде. Как только я прижала полотенце к его лицу, он зашипел.

— Все нормально, — заспорил он, отстраняясь.

— Нет. Это не так. Ты не можешь открыть глаз.

— Но я все еще могу видеть тебя, — он немного приоткрыл рот и снова начал облизывать губы. — Ты была занята раньше?

Я моргнула, не глядя в его один открытый глаз и намочила полотенце еще больше.

— Ага.

— Настолько занята, что не могла написать?

— Да, Ло, прости, — мое дыхание участилось, пока я искала выход. Мне нужно было сбежать.

— Хай, — прошептал он, приподнимая пальцем за подбородок мое лицо, чтобы мой взгляд встретился с его единственным глазом. — Я в порядке.

— Ты под кайфом?

Он заколебался, прежде чем рассмеяться.

— Какого хрена ты спрашиваешь это, Хай. Посмотри на мое лицо. Что ты думаешь?

Я вздрогнула. Он никогда не разговаривал со мной так, за исключением тех случаев, когда почти полностью проваливался в бездну. Мне следовало ответить на его сообщения.

— Я собираюсь принести немного льда для твоего глаза, ладно? Можешь пока принять душ, — я встала, чтобы уйти, но он окликнул меня.

— Хай?

— Ло?

Он с трудом сглотнул, и слеза выкатилась из его заплывшего глаза.

— Мне чертовски жаль. Не знаю, зачем я сказал это тебе.

Я выдавила натянутую улыбку и поспешила уйти.

Мои руки тряслись, пока я искала Логану пакет для льда. Я никогда не видела его таким избитым — никогда раньше. Что твой отец сделал с тобой? Почему он такой монстр?

— Хай? — я подпрыгнула от звука голоса Логана позади меня. Волоски на руках встали дыбом, когда я повернулась и увидела то, что он держал в руке. — Что это?

— О Боже, Логан. Я хотела с тобой поговорить об этом, — я уставилась на тест на беременность, который, вероятно, забыла в ванной днем.

— Что означают две розовые полоски? — спросил Логан, едва держась на ногах и покачиваясь.

Ты совсем не в том состоянии, чтобы разговаривать об этом сегодня.

— Нам лучше поговорить завтра, — предложила я, подходя к нему и опуская руки ему на плечи. Он отодвинулся от меня.

— Нет, мы должны поговорить об этом сейчас, — громко сказал он.

— Ло, ты можешь потише? Мама спит.

— Мне по фигу. Ты беременна?

— Нам не следует делать этого сегодня.

— Что происходит? — спросили позади меня. Я съежилась, увидев одетую в халат маму, входящую в кухню. Когда ее заспанные глаза наткнулись на Логана, она полностью проснулась. — Что ты здесь делаешь? Тебе нужно уйти сейчас же.

— Мама, перестань, — умоляла я, видя ненависть в ее глазах.

— Иисус Христос. Ты не видишь, что мы, б-блядь, р-разговариваем? — невнятно проговорил Логан.

Это только усугубило ситуацию.

Мама бросилась к нему, хватая его за руку.

— Ты вторгся в чужой дом. Уходи, иначе я вызову полицию.

Он вырвал свою руку у нее и отшатнулся назад, натыкаясь на холодильник.

— Не трогай меня. Я говорю с твоей дочерью.

Мама перевела взгляд на меня.

— И именно поэтому мы пойдем на аборт. Он наркоман.

Логан выпрямился настолько, насколько мог, его глаза распахнулись от отвращения.

— Аборт? Ты пойдешь на аборт?

Мое тело тряслось, глаза остекленели.

— Нет. Подожди. Мам, остановись. Ты не помогаешь.

— Ты действительно говорила об аборте? — снова спросил Логан.

— Мы пойдем в четверг. Я уже позвонила и записала ее, — сказала мама, хотя это было ложью. Мне было восемнадцать, и я имела право делать со своим телом все, что захочу, а не то, что моя мама посчитает необходимым.

Логан тихо выдохнул.

— Вау. Так ты собиралась сделать это, не поговорив со мной? Ты думаешь, что я не смогу быть хорошим отцом, или что?

Мама саркастично засмеялась.

Снова усугубляя ситуацию.

— Это не то, что я сказала, Ло.

— Это то, что ты сказала! Это то, что ты имела в виду! — заорал он, его глаза потухли, словно тот свет, который я так любила в нем, был выжат из всего его существа.

— Ты не слушаешь меня, потому что под кайфом, Логан.

— Что совсем не ново, — пробормотала мама, ее слова отвратительно жалили.

— Мама, ты прекратишь? — молила я.

— Нет. Она права. Я всегда под кайфом, верно? Это все, что люди думают обо мне, — сказал он, показывая на маму и меня. — Ты и все твои гребаные деньги в твоем большом сраном доме, и для всего этого не надо прилагать усилий, — он споткнулся и нечаянно опрокинул подставку с ножами, рассыпав их по полу. Мы с мамой отпрыгнули к холодильнику.

Ох, Ло... Вернись...

— Ты должен уйти. Сейчас же, — мама схватила свой телефон и подняла его вверх. — Я вызываю полицию.

— Мама, не надо. Пожалуйста.

— Нет. Я уйду. У вас есть возможность иметь все это, — прошипел он. — Ваши деньги. Ваш дом. Ваша жизнь. Аборт. Все, черт возьми. Я уйду.

Он вылетел из кухни, и слезы потекли по моим щекам, когда я посмотрела на маму.

— Что с тобой не так?!

— Со мной? — завизжала она, шокированная. — Он бомба замедленного действия. Я знала, что ты наивна, Алисса Мари. Но я не знала, что ты можешь быть непроходимо тупой. Он наркоман. Он болен и не станет лучше. Он утащит тебя вниз в огонь до того, как ты принесешь ему чистый воздух. Ты должна отказаться от него. Он безнадежен. А вы с Келланом ему только помогаете. Вы сами позволяете этому происходить снова и снова, и все становится только хуже.

Я сделала глубокий вдох и побежала за Логаном.

Он шел к забору, чтобы перелезть через него.

— Логан, подожди! — плакала я.

Он обернулся, чтобы увидеть меня, его грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Я впустил тебя, — сказал он суровым голосом.

Мой голос был полной противоположностью его. Слабым. Болезненным. Напуганным.

— Я знаю.

— Я впустил тебя, хотя говорил, что это плохая идея. Я не из тех, кто любит, Алисса. Не

ты, черт возьми, заставила меня полюбить тебя.

— Я знаю.

— Ты заставила меня полюбить тебя. И я сильно любил, потому что не знаю, как можно любить по-другому. Я любил тебя до глубины души, потому что ты внесла в эту жизнь немного смысла. И потом, непонятно почему, ты отворачиваешься от меня. Что я сделал? Почему ты... Я рассказал тебе о своих мечтах. Я рассказал тебе все, — он шагнул ближе ко мне, его голос стал ниже и задрожал. Когда наши взгляды встретились, он качнул головой, делая шаг назад. — Перестань смотреть на меня так.

— Как? — спросила я, сбитая с толку.

— Я не моя мать, — сорвался он.

— Я знаю, что нет.

— Тогда почему, черт возьми, ты смотришь на меня, будто так и есть?

Он подошел ко мне, и наши тела стали единой расплавленной массой, как всегда и было. Он прижался лбом к моему, его слезы текли по моей коже, а мои ладони лежали на его груди. Мы обхватили руками друг друга, оба наших тела нагревались изнутри и горели в огне от желания понять, почему жизнь должна быть такой трудной. Он наклонился к моему уху, и горячее дыхание коснулось кожи, когда он произнес слова, которые обожгли презрением мою душу.

— Я никогда не хочу видеть тебя снова.

***

Той ночью он исчез.

В мгновение ока он исчез из моей жизни. Поздние ночные звонки прекратились. Его нежный голос пропал. Каждую ночь я задавалась вопросом, где он был, в безопасности ли он. Когда бы я ни заходила к нему в квартиру, его там не было. Когда бы я ни позвонила ему, звонок перенаправлялся на голосовую почту. Келлан сказал, что тоже ничего не слышал от брата. Он не видел его и был так же встревожен, как и я.

Когда я сказала маме, что оставлю ребенка, она накричала на меня и привела в исполнение свои угрозы, прекратив платить за мой колледж. Эрика и Келлан позволили мне переехать в их маленькую квартирку, пока я пыталась обрести почву под ногами.

Каждую ночь мы с Келланом возвращались в город и объезжали разные места, где мог быть Логан. Мы говорили с его друзьями, но всегда, казалось, опаздывали на минуту.

Он бывал на вечеринках, но в конце словно всегда испарялся. Его друг Джейкоб сказал нам, что Логан в последнее время много употреблял, но у него не было возможности поговорить с ним.

— Я не спущу с него глаз, — поклялся он. — Если я найду его, то дам вам знать.

Я чувствовала узел в своем животе.

Что, если Логан пересек черту?

Что, если он не сможет вернуться из-за той боли, которую чувствовал?

Это я была во всем виновата.

Алисса

Я ненавидела телефонные звонки посреди ночи. Они всегда означали нервную встряску. Ни одна хорошая новость не придет в три или четыре часа утра. К сожалению, в последние несколько месяцев таких звонков я получила достаточно, и все из-за одного парня, который заставлял мое сердце гореть в огне. Каждый раз, когда звонил телефон, на ум приходили

худшие варианты развития ситуации — болезнь, несчастный случай, смерть. Были ночи, когда я совсем не ложилась спать и со слипающимися глазами ожидала звонка. Не дождавшись, я иногда набирала его номер, просто чтобы услышать его голос, просто чтобы убедиться, что он в порядке.

— Я в порядке, Алисса Мари Уолтерс, — сказал бы он.

— Ты в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун, — ответила бы я, прежде чем уснуть под звук его дыхания.

Но в последнее время мы не говорили.

Я не могла позвонить ему, когда встревожена.

Когда мне страшно, его не было на другом конце линии.

Так что той ночью, когда зазвонил телефон, я испугалась больше, чем раньше.

— Алисса? — сказал голос в трубку, но не Логана, хотя на экране высветилось его имя.

— Кто это? — спросила я, веки еще пощипывало ото сна.

— Это Джейкоб... Друг Логана. Я... — он заколебался. — Слушай, я на вечеринке, и я нашел Логана. Он не совсем в порядке. Я не знал, кому позвонить.

Я села в кровати, мгновенно проснувшись.

— Где он? — Джейкоб выдал мне всю информацию, и я соскочила с кровати в поисках ручки и бумаги, чтобы записать ее. — Спасибо, Джейкоб. Я скоро буду там.

— Ага, хорошо. Слушай, может, ты захочешь взять с собой Келлана.

Я поспешила к спальне Келлана и Эрики и постучалась в дверь. Мое сердце колотилось о грудную клетку, и я прикусила язык, чтобы сдержать рыдания. Мое тело безостановочно тряслось, пока я ждала, чтобы Келлан отозвался. Когда он открыл дверь и заговорил, я сделала болезненный вдох. Его голос так похож на голос Логана, и это практически перевернуло все во мне. Прошло несколько недель с тех пор, как Логан перестал общаться со мной. Все, чего я хотела, это снова услышать его голос.

— Алисса? Что случилось? — спросил Келлан настороженным тоном. Он просто знал, как и я, что поздний ночной звонок, когда Логан снова колотился, мог оказаться тем самым звонком, которого мы боялись больше всего. — Он...

— Я не знаю, — ответила я. Я рассказала ему все, что знала, и мы были за дверью уже через несколько минут.

Когда мы добрались до места, где проходила вечеринка, Джейкоб стоял на крыльце какого-то полуразрушенного дома, а Логан лежал на скамейке. Глаза приоткрыты, из левого уголка рта течет слюна.

— Иисус, — пробормотал Келлан, подходя к брату.

— Он не реагирует.

— Что он принял? — спросил Келлан.

— Он ширнулся героином, а до этого, кажется, дунул. А что еще — я не знаю.

— Почему ты не вызвал полицию? — закричала я. Я бросилась к Логану и попыталась поднять его. Судорога свела его тело, и он начал блевать на крыльцо.

— Я не знаю, чувак. Слушай, обычно Логан может справиться с этим. Но эти последние несколько недель он по уши утонул в дерьме. Я не мог позвонить копам, потому что... Слушайте, я не знал, что делать, так что позвонил вам, ребята.

Я немного знала Джейкоба. У Логана было не много людей, которых он называл друзьями, но Джейкоб — один из тех немногих и редких, о которых он говорил хорошо. Но этой ночью я была не согласна с этим утверждением. Реальный друг, настоящий друг,

протянул бы руку и никогда не позволил бы упасть так глубоко.

— Тебе следовало вызвать скорую, — зашипела я, разозлившись. Испугавшись. Разозлившись и испугавшись.

— Помоги мне посадить его в машину, — приказал Келлан Джейкобу. Они положили его на заднее сидение, и я забралась туда вместе с ним.

— Его снова может вырвать, Алисса. Тебе лучше сесть вперед.

— Мне хорошо здесь, — ответила я.

Келлан поблагодарил Джейкоба, и мы поехали в больницу, чтобы они осмотрели Логана. Я никогда не видела его таким и находилась в секундах от того, чтобы потерять рассудок.

— Не давай ему уснуть, хорошо? — сказал Келлан.

Я кивнула, поливая своими слезами щеки Логана.

— Ты не должен засыпать, ладно? Держи глаза открытыми, Ло, — мы ехали на заднем сиденье машины Келлана, и Логан положил голову мне на колени. Я была в ужасе от того, что если он закроет глаза, то они могут никогда больше не открыться. Все его тело было насквозь мокрым от пота, и, казалось, каждый вдох давался с болью. Каждый выдох — с мучением.

Он рассмеялся.

— Привет.

Мои губы изогнулись.

— Привет, Логан.

Его голова качалась из стороны в сторону, и он облокотился на локти.

— Нет. Не привет. Хай. Х-А-Й, — я ненавидела, когда он говорил о пребывании под кайфом. Я ненавидела, что он губил себя чем-то, и это что-то превращало его из моего лучшего друга в мой самый большой страх. Что случилось с тобой сегодня, Логан? Что заставило его так глубоко уйти в темноту?

Я остановилась, зная ответ.

Это была я.

Я сделала это с ним.

Я заставила его преследовать ускользающие тени.

Мне так жаль, Логан.

Слова моей матери зазвучали у меня в ушах и голове, пока я смотрела в его полужакрытые глаза. «Он наркоман. Он болен и не станет лучше. Он утащит тебя вниз в огонь до того, как ты принесешь ему чистый воздух. Ты должна отказаться от него. Он безнадежен. А вы с Келланом ему только помогаете. Вы сами позволяете этому происходить снова и снова, и все становится только хуже...»

— Ты Хай, — прошептал Логан, падая назад.

— Что?

— Ты зовешь меня Ло, что имеет смысл, потому что я внизу. Я на дне чертовой ямы. Но ты? — он усмехнулся и закрыл глаза. — Ты моя Хай. (Прим: Ло (англ. low) в переводе означает «низкий»; Хай (англ. high — «высокий») 1) сленг — состояние опьянения или возбуждения при принятии наркотика; 2) Значение «высота»).

— И ты разбила мое гребаное сердце.

Слезы наполнили мои глаза, когда я взяла его за руку.

— Держи глаза открытыми, Ло. Хорошо? Просто держи глаза открытыми, — я

посмотрела на переднее сиденье машины, где Келлан вытирал свое лицо. Я знала, что видеть брата в таком состоянии было для него самым сложным из всего, что доводилось испытать в жизни.

Я знала, что, скорее всего, сердце Келлана разрывалось. Как и мое.

— Отвезите меня назад, — пробормотал он, пытаясь подняться с заднего сиденья.

— Уймись, Логан. Все нормально, — сказал Келлан.

— Нет. Отвезите меня назад, — заорал он, подскакивая с моих коленей и ныряя к рулю, пытаясь заставить Келлана развернуть машину. — Отвезите меня назад! — мы оба пытались остановить его, успокоить, вернуть контроль, но до того, как мы смогли это сделать, Келлан потерял управление.

Машина резко свернула влево.

И все погрузилось во мрак.

Глава 12

Логан

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на больничной койке, в окно светило солнце. Я попытался повернуться, но все болело.

— Дерьмо, — пробормотал я.

— Ты в порядке? — спросил голос. Я повернул голову и увидел Келлана, сидящего в кресле с пачкой буклетов в руках и большой повязкой на голове. Он одет в толстовку и спортивные штаны, но улыбка, которая обычно освещала его лицо, сейчас отсутствовала.

— Нет. Я чувствую себя, как будто меня переехал грузовик.

— А, может, как будто ты врезался в чертово здание? — проворчал кто-то еще. Я повернул голову влево и увидел Эрику. Руки скрещены на груди, взгляд суровый. Позади нее стоял мужчина с бабочкой и блокнотом в руках, в дальнем углу за столом сидел Джейкоб.

Что произошло? Почему Джейкоб с Келланом?

— Ты не помнишь? — спросил Келлан несколько сдержанным тоном.

— Не помню что?

— Что ты въехал в чертово здание! — воскликнула Эрика, ее голос дрожал. Мужчина позади нее успокаивающе положил ей на плечо руку. Я закрыл глаза, пытаясь вспомнить, что случилось, но все казалось размытым.

— Логан, — Келлан потеревил переносицу. — Мы нашли тебя вырубившимся на крыльце. Потом попытались отвезти в больницу, чтобы тебя осмотрели, но ты запаниковал, схватился за руль и заставил нас въехать в здание.

— Что? — у меня в горле стало сухо. — С тобой все нормально?

Он кивнул, но Эрика не унималась.

— Покажи ему свой бок, Келлан.

— Перестань, Эрика.

— Нет. Он должен это увидеть. Пусть полюбуется на то, что он натворил.

Келлан опустил голову, уставившись на свою обувь.

— Брось, Эрика.

— Покажи мне, — приказал я. Он потер шею и задрал свою толстовку, демонстрируя свой левый бок — черно-синий с фиолетовыми разводами сверху донизу. — Святое дерьмо. Я сделал это?

— Все нормально, — сказал Келлан.

— Нет! — сорвалась Эрика.

Она права, это не нормально.

— Кел, мне так жаль. Я не хотел...

— И это еще не самое худшее! Ты почти убил мою сестру! — закричала она.

Мое сердце провалилось в желудок.

Алисса.

Хай.

Мой самый сильный кайф.

— Что случилось с Алиссой? Где она? — закричал я, пытаюсь сесть, но не смог из-за боли, прострелившей спину.

— Логан, успокойся. Врачи помогают Алиссе. Сейчас о тебе. Мы пригласили кое-кого сюда, чтобы помочь тебе, — сказал Келлан.

— Помочь мне в чем? Мне не нужна ничья помощь. Что случилось с Алиссой? — я почувствовал, как стены в комнате начали сдвигаться. Что я делал здесь? Почему каждый смотрел на меня так, словно я гнилой товар? Почему они ничего не говорят об Алиссе?

— Мы все здесь, потому что любим тебя, — попытался объяснить Келлан. Потом что-то щелкнуло у меня в голове. Я понял, зачем мужчина с бабочкой стоял в комнате. Я прочел название одного из буклетов в руке у Келлана и крепко закрыл глаза. Они решили поставить меня перед фактом. В больничной палате.

— Любите? — прошипел я, и мой голос наполнился горечью, пока происходящее постепенно доходило до моего сознания. — Бред сивой кобылы.

— Перестань, Логан. Это несправедливо, — сказал Келлан. Я повернулся, чтобы встретиться с его тяжелым взглядом, но, оказалось, что он смотрел на меня со страхом и беспокойством.

— Прекрати говорить мне перестать, Келлан. И что теперь? — я посмотрел на свои трясущиеся руки. — Вы решили вмешаться? Вы все думаете, у меня настолько съехала крыша, что вам необходимо собраться в больничной палате и выбить из меня дурь, потому что считаете меня опасным? Вы привели людей, которые ни черта обо мне не знают? Я сделал одну ошибку прошлой ночью, — я указал на Джейкоба. — Достаточно лицемерно притащить сюда этого мудака, с которым на прошлой неделе мы вместе ловили кайф, вам так не кажется? Джейкоб, я почти уверен, что в данный момент крыша едет у тебя.

Джейкоб нахмурился.

— Перестань, Логан...

— Нет. И, Эрика, я даже не знаю, почему ты, блядь, здесь. Ты ненавидишь меня, — сказал я.

— Я не ненавижу тебя, Логан, — она с трудом сглотнула. — Перестань, это жестоко.

— На самом деле, я чертовски хочу, чтобы вы, ребята, перестали говорить «перестань», как будто вы лучше меня. Вы не лучше меня, — я саркастически засмеялся, пытаюсь сесть. Но это была защитная реакция, потому что глубоко внутри я знал, что они правы. — Ей-богу, это смешно. Потому что разговор обо мне и моей съехавшей крыше ведется в больничной палате, полной людей, которые тоже облажались, возможно, даже больше, чем я. Здесь Келлан, который не может послушаться своего мудака-отца и сказать ему, что хочет быть музыкантом, а не адвокатом. Джейкоб зависим от непонятного жуткого порно с использованием вилок и разного дерьма. Эрика разбивает одну тарелку, а потом покупает взамен еще пятьдесят, просто на случай того, что новая тоже разобьется. Ее стиль жизни

«разбей и купи» больше никому не кажется безумным?

— Я думаю, что мы все просто хотим, чтобы ты стал лучше, Логан. — сказал Келлан. Мне интересно, сердце Келлана бьется так же бешено, как у меня? — Я могу только представить, через что ты прошел, оставшись с мамой. Сомневаюсь, что в ее обществе легко оставаться чистым.

— Ты, должно быть, чувствуешь себя очень хорошо, — сказал я, прикасаясь пальцем к носу. — Потому что ты, Келлан — золотой ребенок. Единственный, у кого богатый отец. Единственный, у кого есть будущее. Единственный с оплаченной поездкой в лучший колледж, чтобы стать лучшим юристом. А я просто ебанутый брат с наркоманкой-матерью и отцом-наркодилером. Что ж, поздравляю, Келлан. Ты победитель. Ты лучший мамин сын, который чего-то добился, а я просто жалкий кусок дерьма, который, скорее всего, сдохнет к двадцати пяти годам.

Келлан сделал болезненный вдох.

— Что за чушь ты несешь? — его ноздри раздувались, он начал мерить шагами больничную палату. — Что с тобой не так, Логан? Проснись. Проснись. Мы все пытаемся помочь тебе, а ты кричишь на нас, будто мы твои враги, когда в реальности твой враг — это твой собственный разум. Ты убиваешь себя. Ты, блядь, убиваешь себя, и тебе все равно, — закричал он. Келлан никогда не повышал голос, никогда.

Я собрался что-то сказать, но взгляд Келлана остановил меня. Он прищурил глаза, и я поклялся бы, что на секунду увидел проблеск ненависти.

Он снова и снова тер руками лицо, пытаясь успокоиться. А заговорив, пытался сдерживать свои эмоции. Он бросил мне брошюру, и она приземлилась на моих коленях. Снова и снова я перечитывал слова на обложке.

Клиника здоровья и реабилитации святого Михаила.

Ватерлоо, Айова.

— Реабилитация? — сказал я. — Ты думаешь, что мне нужна реабилитация? Вы все думаете, что мне нужна реабилитация? Я в порядке.

— Ты направил машину в здание, — повторила Эрика в сотый раз.

— Это был несчастный случай, Эрика! Разве ты никогда не совершала ошибок?!

— Да, Логан. Но ни одной, которая бы почти убила моего парня и сестру. Ты абсолютный хаос, и если тебе не помочь, ты причинишь боль еще большему количеству людей, чем уже есть.

Где Хай?

— Слушай, мы ушли от темы. Логан. Мы хотим помочь. Мой отец оплатит твое пребывание в Айове. Это одно из лучших заведений в стране. Я думаю, что ты мог бы действительно получить помощь, которая тебе нужна, — объяснил Келлан.

Я открыл рот, чтобы сказать что-то снова, но Келлан прервал меня. Он прищурился, и я поклялся бы, что на секунду увидел проблеск любви.

Проблеск надежды.

Проблеск мольбы.

— Я могу поговорить с братом наедине? — прошептал я, закрыв глаза. Все вышли из комнаты, закрыв дверь. — Мне так жаль, Кел, — сказал я, нервно перебирая пальцами. — Я не хотел спровоцировать аварию. Не хотел. Но после того как Алиса сказала, что делает аборт...

— Что? — перебил Келлан.

— Ты не знал? Алисса была беременна. Но она сделала аборт несколько недель назад. Ее мать отвела ее, и это свело меня с ума, Кел. Я знаю, что был в отключке последние несколько недель, но в голове была полная неразбериха.

— Логан... — Келлан подошел ближе, придвигая стул к моей кровати. — Она не делала аборт.

— Что? — мое сердце начало ускоряться, пальцы схватились за поручень кровати. — Но ее мать сказала...

— Мать выгнала ее, когда Алисса сказала, что собирается оставить ребенка. Она хотела сказать тебе, но ты, черт возьми, исчез.

Я сел, корчась от боли, но переполняемый надеждой.

— Она не сделала этого?

Его взгляд опустился на сплетенные пальцы рук.

— Нет.

— Так... — я захлебнулся нахлынувшими эмоциями. — Я собираюсь стать отцом?

— Логан, — сказал Келлан, качая головой. Он открыл рот, но не произнес ни слова. Кел прижал пальцы к вискам. — Во время аварии она не была пристегнута. Когда ты выхватил руль, она схватила тебя. В момент столкновения она вылетела из разбитого заднего стекла.

— Нет, — я замотал головой.

— Она в порядке, но...

— Не надо, Келлан.

— Логан, она потеряла ребенка.

Я прижал пальцы к глазам, чтобы сдержать слезы.

— Не говори этого, Кел. Не говори этого, — я толкнул его. — Не говори этого мне.

— Мне очень жаль, Логан.

Я зарыдал в ладони, истерически трясясь. Я сделал это. Я виноват в аварии, я сделал это. Это все моя вина. Келлан обнял меня, а я распадался на части, incapable сказать ни слова, incapable остановить боль, incapable дышать. Каждый вдох давался с болью, каждый выдох — с мучением.

Глава 13

Алисса

— Привет, — прошептал Логан, входя в мою больничную палату. Он был в своей обычной одежде, и несколько синяков на его лице выглядели не так уж страшно. Я надеялась, он знал, как ему повезло, что он выжил в этой аварии.

— Привет.

Прошедший день я сидела в больничной кровати, обдумывая то, что я сказала бы ему. Мои эмоции долгое время скакали то вверх, то вниз — от горя к ярости. Мне хотелось кричать на него без остановки. Хотелось сказать, как сильно я винила его, сколько обиды скопилось на него за то, что он даже не спросил, собиралась ли я оставить ребенка. Я знала его мечты, знала его сердце. Я знала, мы сможем найти способ, чтобы все получилось. Но он исчез. Мне хотелось хоть немного его возненавидеть, но в тот момент, когда увидела его, все внутри меня перевернулось.

Я была просто убита горем.

Он открыл рот, но сразу закрыл его. Ерошил свои волосы и не встречался со мной взглядом. Все ощущалось как сон — как близко мы стояли, но какими далекими чувствовали

друг друга. Это было видение, от которого я не могла избавиться, и мне хотелось, чтобы Логан был тем, кто разбудил бы меня.

Я хочу проснуться. Пожалуйста, Господи... разбуди меня.

Я сидела на правой стороне кровати, подтянув колени к груди, и давилась каждым сделанным мной вдохом. Воздух в палате был душным, ядовитым, мертвым. Мое тело тряслось, и потребность в плаче становилась все больше и больше. Просто один взгляд на Логана разбивал мое сердце на миллион частей, но я не пролила ни слезинки.

— Я в порядке, — наконец произнесла я, чувствуя каждой косточкой в теле, что это не так.

— Можно мне обнять тебя? — спросил он.

— Нет, — холодно сказала я.

— Ладно, — ответил он.

Я посмотрела вниз на свои трясущиеся руки, мои мысли смешались.

— Да.

— Да? — спросил он, его голос стал немного выше.

— Да.

Он опустил руки на мои плечи, а потом заполз на больничную кровать и завернул меня в свои объятия. Я задрожала, почувствовав прикосновение его пальцев к моей коже — впервые за долгое время.

— Мне жаль, Хай.

Его прикосновение было таким теплым...

Ты вернулся ко мне.

Слезы потекли по моим щекам. Мое тело неконтролируемо тряслось, но Логан только крепче обнимал меня, отказываясь отпустить так быстро. Наши лбы были прижаты друг к другу, и его теплые слезы смешивались с моими.

— Мне так чертовски жаль, Хай.

Мы оставались сплетенными вместе, ощущая всю тяжесть мира на своих плечах до тех пор, пока оба не уснули.

Он вернулся.

Когда я проснулась, то обнаружила его еще крепче обнимающим меня, будто я была его спасательным кругом. Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Он спал. Его вдохи и выдохи были почти неразличимы. Я протянула руку и сплела наши пальцы вместе. Он слегка вздрогнул и открыл глаза.

— Алисса, я не знаю, что сказать. Я не знал, что ты была... Я не... — я никогда не слышала такой незащитности в его голосе. Логан, покидавший мой дом много недель назад, был таким отстраненным от меня, от своих эмоций. Но сейчас звук его плача, ощущение его рук на моем лице, заставили слегка забиться мое разбитое сердце. — Мне не следовало уходить тогда. Мне следовало остаться. Мне следовало поговорить с тобой. Но сейчас из-за меня... Из-за меня... — он потерялся, спрятав голову у меня на плече. — Я убил его, — произнес он, говоря о ребенке. — Это моя вина.

Я подняла руки и обхватила его лицо так же, как и он мое.

— Логан. Не делай этого с собой, — я могла почти физически ощутить вину, которую чувствовал он, когда все эмоции выплеснулись в его взгляд. Я пристроила свою голову в основание его шеи, и мое горячее дыхание растворялось на его коже. Мои опухшие глаза устали, и я, несколько раз моргнув, закрыла их и пробормотала ему на ухо. — Не делай этого

с собой, — я не могла ненавидеть его. Неважно, что произошло. Я не способна ненавидеть Логана, но любить его? Эта любовь будет всегда. Мы сможем справиться с этим и выбраться из этой трагедии вместе. Это были мы против мира, и вместе мы выстоим.

— Я уезжаю, — сказал он, взяв себя в руки и вытирая глаза.

Я села, встревожившись.

— Что?

— Я уезжаю. Я еду в реабилитационную клинику в Айове.

Мои глаза распахнулись в ожидании. Келлан говорил мне о клинике, и мы оба действительно надеялись, что Логан согласится пройти девяностодневный курс. Это не избавило бы его от боли, которую мы оба испытывали, но помогло бы ему научиться справляться с ней более разумным способом.

— Это хорошо, Ло. Это хорошая новость. И потом, когда ты вернешься, мы начнем все сначала. Мы снова сможем стать нами, — поклялась я.

Он нахмурился и покачал головой.

— Я не вернусь, Хай.

— Что?

— Уехав из Тру-Фолс, я не вернусь назад. Я никогда не вернусь в Висконсин, и я никогда не вернусь сюда.

Я немного отстранилась от него.

— Перестань.

— Я не вернусь. Я всегда делал людям больно. Я ломаю жизни, Хай. Я не могу продолжать делать это с твоей жизнью или жизнью Келлана. Мне нужно исчезнуть.

— Замолчи, Логан! — закричала я. — Не смей так говорить.

— Я вижу, что нас ожидает. Мы погрязнем в рутине жизни, и, как белки в колесе, будем бежать круг за кругом, а я буду по-прежнему портить твою жизнь. Я не могу сделать этого с тобой. И не буду, — он поднялся с кровати и засунул руки глубоко в карманы. Пожав плечами, он подарил мне кривую улыбку. — Прости, Хай.

— Не делай этого, Ло. Не оставляй меня вот так, — умоляла я, беря его за руки и притягивая ближе к себе. — Не оставляй меня снова. Не убегай. Пожалуйста. Ты нужен мне.

Я не могла пройти через это без него. Я нуждалась в том, чтобы он помог мне подняться снова. Я нуждалась в его голосе поздно ночью. Нуждалась в его любви рано утром. Нуждалась в единственном человеке, который потерял то же самое, что и я, чтобы оплакать это. Я нуждалась в том, чтобы мой сильно измученный Ло оставался рядом.

Один раз он коснулся губами моего лба, и потом прошептал мне на ухо, прежде чем уйти и оставить меня, выкрикивающей его имя.

Последними словами, что он мне сказал, были слова, звучащие в моей голове снова и снова. Слова, которые ранили меня глубже, чем все остальное.

— Я был бы дерьмовым... — прошептал он мне на ухо, посылая озноб по моему позвоночнику. — Я был бы дерьмовым отцом. Но ты? — он с трудом сглотнул. — Ты была бы лучшей матерью. Наш ребенок был достоин твоей любви.

И затем ушел.

И с этими простыми словами и его удаляющимися шагами я узнала, что такое действительно разбитое сердце.

Глава 14

ЧАСТЬ 2

Они возродились из пепла.

И сгорели вновь.

Он никогда не забывал ее свет.

И она никогда не забывала его.

Сообщение 1

Привет, Логан, это Алисса. Я просто звоню, чтобы узнать, как у тебя дела. Я просто... я ненавижу то, как мы расстались. Я ненавижу ту последнюю нашу встречу — мы были так рядом, но это было ужасно. Я ненавижу то, как скучаю по тебе. Я ненавижу то, насколько это больно.

Я собираюсь звонить тебе каждый день, даже если ты не будешь отвечать. Я хочу, чтобы ты знал — ты в этом не одинок. Независимо от того, насколько все плохо. Я хочу, чтобы ты знал — ты не один.

До встречи, Ло.

Сообщение 5

Привет, это я.

Ты пробыл в клинике пять дней, и я бы хотела услышать твой голос. Келлан сказал, что говорил с тобой, и что у тебя все хорошо. У тебя все хорошо? Я, правда, на это надеюсь. Я скучаю по тебе, Логан. Очень, очень сильно.

Я рада, что ты работаешь над собой.

Ты заслуживаешь этого.

До встречи, Ло.

Сообщение 14

Две недели. Ты пробыл там две недели, и Келлан говорит, что у тебя все хорошо. Он сказал, что ты изо всех сил борешься с ломкой, но я знаю, что ты сильнее, чем твои самые страшные демоны.

Я лежала в постели прошлой ночью, слушая записи на виниловом проигрывателе, который заикается каждые несколько секунд, и это напомнило мне о тебе. Помнишь первый раз, когда мы...

Неважно.

Я просто скучаю по тебе, вот и все. Временами мне очень тяжело.

До встречи, Ло.

Сообщение 45

Ты уже прошел половину программы. Как ты? Ты нормально питаешься? В мыслях ты уже чист? Я надеюсь, что у них там есть DVD с документальными фильмами, чтобы ты мог посмотреть. Если хочешь, я могла бы приехать туда и привезти немного дисков. Я видела новый фильм про «Битлз» и подумала, что он мог бы тебе понравиться.

Хочешь, чтобы я привезла его?

Потому что я сделаю это.

Всего одно слово.

Я оставляла тебе голосовые сообщения в течение последних сорока пяти дней, и буду продолжать оставлять их. Я просто хочу услышать твой голос. Я бы хотела, чтобы ты отвечал на звонки.

Ло...

Пожалуйста.

Боже, я скучаю по тебе.

До встречи, Ло.

Сообщение 93

Привет, это Алисса.

Ты закончил программу, и я ничего не могу с собой поделать — мне хочется плакать. Я так сильно горжусь тобой. Это хорошо. Это лучшее...

Келлан сказал, что у тебя все хорошо. Что ты здоров и в хорошем настроении.

Еще он сказал, что привез тебе несколько дисков. Почему ты не попросил об этом меня? Почему на его звонки ты отвечаешь, а на мои нет? Что я сделала не так?

Я бы привезла их тебе, Логан — эти диски. Я бы привезла их тебе.

Хотя, это не имеет значения.

До встречи, Ло.

Сообщение 112

Келлан сказал, что ты не вернешься в Тру-Фолс. Он сказал, что ты остаешься в Айове. Я не поверила, когда ты говорил мне об этом. Я не хотела верить тебе.

Он сказал, что ты нашел маленькую однокомнатную квартиру и работу...

Это хорошо. Если тебе что-то понадобится, мебель, еда... компания.

Я просто скучаю по тебе, вот и все.

Я не могу поверить в то, что ты не вернешься.

Хотя это хорошо. Это хорошо для тебя.

Я люблю тебя.

До встречи, Ло.

Сообщение 270

Ты знаешь, что в этом месяце должен был родиться ребенок? Я была бы в больнице, а ты держал бы меня за руку. Я знаю, что, вероятно, это звучит так, будто я плачусь, но это не так.

Я просто чуть-чуть напилась сегодня.

Я не пью, поэтому быстро опьянела. Друг вытащил меня, чтобы помочь очистить мозги.

Услышать твой голос поможет еще больше.

Но ты не звонишь мне.

Может быть, это больше не твой номер.

Может быть, ты решил двигаться дальше.

Может быть, тебе, блядь, все равно. А меня даже не волнует, что тебе, блядь, все равно!

Это не имеет значения.

Пошел ты на хер, Логан, за то, что не звонил мне. Ни разу. Ты не звонил мне.

Прости.

Я просто немного пьяна сегодня.

До встречи, Ло.

Сообщение 435

Что ты делаешь в эту ночь, когда идет дождь?

Я лежу в кровати и думаю о твоём голосе.

До встречи, Ло.

Сообщение 756

Я решила, что ненавижу тебя. Я ненавижу все, что с тобой связано.

Но все еще надеюсь, что скоро увижу тебя, Ло.

Сообщение 1090

Я поднимаю белый флаг, Логан. Я устала, и я сдаюсь. Все.

Пять лет.

Я прекращаю оставлять сообщения.

Я люблю тебя.

Я скучаю по тебе.

Желаю тебе всего наилучшего.

Сообщение 1123

Логан, это Келлан. Слушай, я знаю, что ты строишь свою жизнь в Айове, и дела у тебя идут неплохо. Я не стал бы просить тебя вернуться в этот дерьмовый город, если бы ты не стал действительно мне нужен, и...

Эрика и я собираемся пожениться. Но я не могу жениться без моего брата. Я не могу стоять у алтаря без единственного члена семьи рядом со мной.

Знаю, что о многом прошу.

Но я обещаю больше ничего не просить.

Плюс, я купил тебе документальный фильм о НАСА, о котором мы говорили несколько недель назад.

Ты сможешь получить его, только если будешь моим шафером, черт возьми.

Да. Я пытаюсь купить твою любовь и совсем не чувствую себя виноватым.

Спишемся.

Глава 14 Часть 2

Логан

Пять лет спустя

Каждую ночь я прикуривал сигарету и садился на подоконник. Пока она горела, я позволял себе вспоминать прошлое. Я позволял боли и тоске войти в меня, пока огонек сигареты не добирался до фильтра. А потом я отключал мозг и заставлял себя забыть, потому что боль была слишком сильной, чтобы ее терпеть. Отключая мозг, я старался убедиться, что ни одно воспоминание не проскользнет в него.

Я смотрел документальные фильмы, выполнял бессмысленную работу, изматывал себя — делал все, чтобы уберечься от воспоминаний. Но теперь мой брат позвал меня в то самое место, которого я упорно избегал последние пять лет.

Вернувшись в Тру-Фолс, я сидел на вокзале и размышлял, стоит ли искать способ где взять денег на обратный билет в Айову в один конец.

— Приехал или уезжаешь? — спросила девушка, сидящая через два места от меня.

Я повернулся к ней. Что-то было в ее ярко-зеленых глазах. Она слегка улыбнулась мне и прикусила ноготь на большом пальце.

— Еще не решил, — ответил я. — А ты?

— Приехала. Думаю, задержусь тут, — она продолжала улыбаться, но чем дольше делала это, тем грустнее казалась. Я не знал, что улыбка может быть такой душераздирающе грустной. — Просто я пытаюсь убить время, прежде чем вернусь к своей обычной жизни.

Я мог понять это.

Откинувшись на спинку стула, я пытался удержаться от воспоминаний о той жизни, которую оставил много лет тому назад.

— Я даже забронировала мотель на сегодня, — сказала она, прикусив нижнюю губу. — Просто так я смогла бы выкроить еще несколько часов, чтобы забыться, понимаешь? Прежде чем вернуться в реальный мир.

Я кивнул.

Она подседа ко мне ближе, ее ноги коснулись моих.

— Ты не помнишь меня, не так ли?

Я склонил голову в ее сторону, и она снова печально улыбнулась, проведя рукой по волосам.

— А я должен?

Она покачала головой.

— Скорее всего, нет. Меня зовут Сэди, — она прищурилась, будто считала, что ее имя должно было что-то значить для меня. Уголки ее губ опустились. — Неважно. Ты похож на парня, который тоже хотел бы забыться на некоторое время. Если хочешь, можешь поехать со мной в мотель.

Я должен был сказать ей «нет». Должен был проигнорировать ее приглашение. Но было что-то в том, какой печальной она выглядела, — казалось, ее страдающее сердце сторает, как и мое. Поэтому я схватил свой рюкзак, закинул его на плечо и последовал за Сэди в сторону забвения.

***

— Мы много лет учились в одной школе, — сказала Сэди, когда мы лежали в номере какого-то говенного мотеля. Я бывал в нем раньше, давным-давно, доводя себя до полной отключки в грязной ванной. Пребывание в нем сейчас вызывало в памяти не самые лучшие моменты, но я знал, что возвращение в Висконсин через пять лет будет сплошь покрыто дерьмовыми воспоминаниями.

Ее губы цвета вина дернулись, когда она с громким хлопком лопнула пузырь из жвачки.

— В выпускном классе ты списал у меня тест по математике. Благодаря мне ты получил аттестат, — она приподнялась на локтях. — Четыре из твоих эссе по английскому были написаны мной. Благодаря мне ты можешь говорить по-испански! Сэди? Сэди Линкольн?

Понятия не имею.

— Я не умею говорить по-испански.

— Ну, ты мог бы. Ты правда не помнишь меня? — в ее глазах появилась печаль, но у нее не было для этого причин. Она не должна принимать это на свой счет. Я много чего не помню. Все, что было тогда, я постарался забыть.

— Справедливости ради замечу, что большую часть учебы в школе я страдал херней. Это не было ложью.

— Или проводил время с той девчонкой, Алиссой Уолтерс, — добавила она.

Моя грудь, как и челюсть, сжалась. Всего лишь от звука ее имени мое сознание наводнили воспоминания.

— Она все еще в городе? — спросил я, пытаюсь казаться равнодушным. Алисса перестала присылать мне сообщения несколько месяцев назад, а в телефонных разговорах с Келланом мы эту тему не поднимали.

Сэди кивнула.

— Работает в закусочной «Голодный Гарри». А еще я видела, что она подрабатывает в мебельном магазине Сэма. И играет на пианино в некоторых барах. Не знаю. Она бывает повсюду. Удивительно, что ты этого не знаешь. Вы двое были очень привязаны друг к другу, что совершенно странно, ведь у вас нет ничего общего.

— У нас было много общего.

У нее вырвался саркастический смешок.

— В самом деле? Круглая отличница, увлекающаяся музыкой, и круглый двоечник-наркоман с такой же чокнутой наркоманкой-матерью имели много общего?

— Перестань говорить так, словно тебе хорошо известно обо всем этом дерьме, — зашипел я, начиная злиться.

Тогда у нас с Алиссой было общего больше, чем у любых двух людей на этой земле. Плюс, Сэди ни черта не знала о моей матери. Да пошла она со своими предположениями. Я должен был покинуть номер мотеля. Должен был сказать ей, чтобы она проваливала и искала для издевок кого-нибудь другого, но я реально ненавидел быть в одиночестве. Последние пять лет я был совсем один, за исключением время от времени случайно забредающих ко мне мышей.

Сэди молчала, сколько могла, — а это длилось недолго. Она не понимала, что тишина успокаивает.

— Так это правда? Что ты был на реабилитации?

Она болтала больше, чем мне бы хотелось. Я ненавидал разговоры о реабилитации, потому что временами мне хотелось снова оказаться в клинике. А временами — снова вернуться в тот переулочек к грязным мусорным бакам, имея при себе дозу или две. Я уже так давно не принимаю наркотиков, но до сих пор думаю об этом чуть ли не каждый чертов день. Доктор Кан сказала, что возвращение в реальный мир будет тяжелым, но она уверена, что я смогу с этим справиться. Я обещал ей, что всякий раз, когда меня потянет принять что-то, я буду щелкать по коже руки красным резиновым браслетом, который она дала мне. В качестве напоминания о том, что сделанный мной выбор так же реален, как и ощущение обжигающей боли на коже. На браслете написано «сила», что было странным, потому что по ощущениям у меня ее не было.

После того, как Сэди заговорила, я щелкнул браслетом по руке.

— По городу ходил слух, что ты умер. Думаю, твоя мать распустила его, — сказала она.

— Ты знаешь, что у тебя прекрасные глаза? — спросил я, меняя тему. Я начал целовать ее шею, слушая, как она стонет.

— Они просто зеленые.

Она ошибалась. Они были уникального оттенка морской волны с небольшими вкраплениями серого по всей зеленой радужке.

— Несколько лет назад я смотрел документальный фильм о китайской и корейской керамике. Твои глаза цвета глазури, которой покрывают фарфор.

— Ты смотришь китайские фильмы о керамике? — пробормотала она с усмешкой, пытаясь выровнять дыхание, пока мои губы двигались по изгибам ее ключицы. Я почувствовал, как она задрожала. — У тебя, должно быть, сильно поехала крыша.

Я засмеялся, потому что она понятия об этом не имела.

— На западе они называют это селадон, но здесь это называют цин цы. (Примеч.: селадон, цин цы — светло-синий или светло-зеленый гладкий фарфор без узоров).

Я прижался губами к ее рту. Она поцеловала меня в ответ, потому что именно для этого мы находились в грязном номере мотеля. Мы были здесь, чтобы на несколько мгновений простые прикосновения принять за воображаемую любовь. Мы были здесь, чтобы обычные поцелуи принять за некую страсть. Мы были здесь, чтобы одиночество принять за целостность. Это безумие, во что готовы превратиться люди, — в кого готовы превратиться люди — чтобы не чувствовать себя так одиноко.

— Ты можешь остаться на ночь? — прошептала она.

— Конечно, — вздохнул я, кружа языком вокруг ее уха.

Я хотел остаться с ней на ночь, потому что одиночество засасывало. Я хотел остаться с ней на ночь, потому что тьма накрывала. Я хотел остаться с ней на ночь, потому что она попросила меня. Я хотел остаться с ней на ночь, потому что хотел остаться.

Она через голову стянула с меня рубашку, и ее пальцы пробежались по моей груди.

— О, Боже мой, — воскликнула она. — Ты такой мускулистый.

Потом она хихикнула. Блядь. Я точно хочу остаться на ночь?

Не отвечая, я снял с нее брюки и избавился от своих. Когда она легла, я навис над ней, двигаясь губами от ее шеи вниз к груди, потом по животу, и остановился возле трусиков. Она застонала, когда я потер их большим пальцем. — Да, пожалуйста...

Боже, она будет моим наркотиком на эту ночь. Я почувствовал себя немного менее одиноким. Я даже раз мечтался, как позвоню ей завтра, встречу с ней в мотеле и буду снова трахать на этой паршивой кровати. Не потребовалось много времени, чтобы боксеры соскользнули с меня, и я оказался на ней. Натянув презерватив, я скользнул в нее, и она заскулила.

— Нет, подожди! — в этих фарфорово-зеленых глазах собирался страх. Она прижала руку к своему рту, на глаза навернулись слезы. — Я не могу. Не могу.

Я остановился, застыв на ней. Чувство вины ударило меня под дых. Она не хотела заниматься со мной сексом.

— О, Боже. Прости. Я думал...

— Я в отношениях, — сказала она. — Я в отношениях.

Подождите-ка.

— Что? — спросил я.

— У меня есть парень.

Парень?

Дерьмо.

Она обманщица.

Изменщица.

У нее есть парень.

Я вышел из нее и сел на край кровати. Вцепился руками в край матраса и слушал рядом

ее движения, от которых шуршали простыни.

Она тихо проговорила:

— Прости. Я думала, что смогу это сделать. Думала, что смогу пройти через это, но не смогла. Я думала, с тобой это будет легко, понимаешь? Бросить все и дать себе волю. Я просто думала, что смогу забыться на время.

Не поворачиваясь к ней, я пожал плечами.

— Ничего страшного, — поднявшись с матраса, я направился в ванную. — Я скоро.

Дверь за мной закрылась, и я провел ладонями по лицу. Снял презерватив и бросил его в мусорное ведро, а потом прислонился к двери спиной и начал поглаживать себя.

Это было жалкое зрелище.

Я жалок.

Пока дрочил, я думал о кокаине. Сильное желание принять дозу, чтобы получить немного тепла. Ощутить полный покой и блаженство. Я задвигал рукой жестче, вспоминая, как он забирал все проблемы, все страхи, все напряжение. Я постоянно чувствовал себя, словно на вершине мира.

Эйфория. Ликование. Любовь. Эйфория. Ликование. Любовь. Эйфория. Ликование. Любовь.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Глубокий вдох.

И я кончил.

Я чувствовал себя опустошенным всеми возможными способами.

Повернувшись к раковине, вымыл руки и уставился в зеркало, заглядывая в глубину своих глаз. Карих глаз, которым все равно. Карих глаз, которые смотрели с тоской. Карих глаз, затененных пеленой депрессии. Я стряхнул это ощущение, вытер руки и вернулся к ней.

Она одевалась, вытирая глаза.

— Ты уходишь? — спросил я.

Она кивнула.

— Ты, — я прочистил горло, — ты можешь остаться на ночь, — убеждал я ее снова. — Я не какой-нибудь мудака, который выгоняет тебя в три часа ночи. К тому же, это твой номер. Так что, уйду я.

— Я сказала своему парню, что буду дома после того, как вернусь в город, — сказала она мне, вымученно улыбаясь. Одетая только в лифчик и трусики, она пошла в сторону балкона, открыла дверь, но не вышла наружу. Там шел ливень, и капли дождя барабанили по металлической решетке.

Дождь всегда напоминал мне об Алиссе — она ненавидела спать во время грозы. Интересно, где сегодня были ее мысли. Знать бы, как она справляется со звуком стучащих по подоконнику капель дождя.

Я не могу уснуть, Ло. Ты можешь приехать?

Голос Алиссы звучал в моей голове, словно аудиозапись, путешествуя снова и снова по моему мозгу, пока я не отбросил его прочь.

Сэди расчесывала пальцами пряди своих длинных волос. Ее вымученная улыбка превратилась в хмурую.

— Его, наверное, еще нет дома. Я терпеть не могла спать одна, когда была одинока. И теперь, находясь в отношениях, я все еще чувствую себя одиноко.

— А я должен чувствовать себя плохо по твоей вине, потому что ты обманщица? —

спросил я.

— Он не любит меня.

— Зато я могу сказать, насколько сильно ты любишь его, — с издевкой сказал я.

— Ты не понимаешь, — сказала она, защищаясь. — Он деспотичный. Он оттолкнул от меня всех, кто меня когда-то волновал. Я всегда использовала средства защиты, как ты сейчас, чтобы быть чистой. Я никогда не трахалась под наркотиками, пока не столкнулась с ним. Он обманывал меня. И сейчас, когда он придет домой, будет пахнуть чужими духами. Он залезет в постель и ни разу даже не прикоснется ко мне.

Мысли заметались в моей голове, и я знал, что это плохая идея.

Останься со мной сегодня ночью.

Останься со мной утром.

Останься со мной.

Глава 14 Часть 3

Одиночество — это голосок на задворках вашего сознания, заставляющий принимать не самые лучшие решения, опирающиеся только на разбитое сердце.

— Это ощущается странно? Возвращение сюда? — спросила она, меняя тему. Умный ход.

Медленный поворот ее тела, и мы снова смотрели в глаза друг другу. Румянец тронул ее щеки, и, клянусь, я почувствовал, как мое сердце разрывается от одной только мысли, что она совсем одна.

— Немного.

— Ты еще не виделся с Келланом?

— Ты знаешь моего брата?

— Он играет на всех открытых площадках города. Он действительно очень хорош.

Я не знал, что он опять вернулся к музыке. Она с любопытством выгнула бровь.

— Вы двое близки?

— Я пять лет пробыл в Айове, а он был здесь, в Висконсине.

Она понимающе кивнула.

Я прочистил горло.

— Да, мы близки.

— Лучшие друзья?

— Он — мой единственный друг.

— Я реально в охрененном шоке от того, что ваша дружба с Алиссой не получила продолжения. Я думала, что к этому времени ты уже сделаешь ее беременной или что-то в этом роде.

Было время, когда я тоже так думал.

Перестать говорить об Алиссе.

Перестать думать об Алиссе.

Может, если бы я остался на ночь с Сэди, то не позволил бы Алиссе полностью заполнить мои мысли. Может, если бы я заснул с ней в объятиях, то не заморачивался бы так, оказавшись снова в том самом месте, где все еще живет единственная девушка, которую я любил.

Потирая рукой подбородок, я подошел к Сэди ближе.

— Смотри, ты можешь...

— Я не должна, — отрезала она, вздохнув. Странная. Разорвав наш зрительный контакт,

она взглянула на пол. — Он никогда не изменял мне. Он... Он любит меня.

Ее внезапное признание пустило мои мысли вскачь.

Она лгунья.

Изменщица.

Она уезжает.

— Просто останься, — попросил я, и это прозвучало с большим отчаянием, чем мне хотелось бы. — Я буду спать на диване.

Это был не совсем диван. Больше похоже на драный матрас, на котором пятен было больше, чем наполнителя. Честно говоря, грязный ковер на полу, кажется, будет более комфортным. Или я мог бы позвонить Келлану и поспать у него.

Но к этому я еще не был готов.

В тот момент, когда я увижу кого-то из моего прошлого, — кого-то, кого я на самом деле вспоминал, — я пойму, что вернулся в прежний мир.

Мир, от которого я сбежал.

Мир, который чуть не убил меня.

Я не был готов.

Как можно быть готовым смотреть в глаза своему прошлому и делать вид, что вся боль и страдания прошли?

Она скользнула в свое платье и взглянула на меня через плечо. Ее глаза были полны сочувствия и сожаления.

— Застегнешь?

Сделав несколько шагов, я встал у нее за спиной и застегнул молнию на платье, облежавшем каждый изгиб ее тела. Я положил руки на ее талию, и она прислонилась спиной ко мне.

— Можешь вызвать мне такси?

Я мог. И я сделал это. Уходя, она поблагодарила меня и сказала, чтобы я оставался на ночь в мотеле — номер она все равно уже оплатила. Я принял ее предложение, но не очень понял, за что она меня поблагодарила. Я ничего для нее не сделал. Во всяком случае, я сделал ее обманщицей.

Нет.

Изменив в первый раз, обычно чувствуешь какую-то вину. Она же просто казалась опустошенной. Надеюсь, что никогда ее больше не увижу, потому что нахождение среди других опустошенных особей высушивало полностью.

После ее ухода я около часа бродил по номеру. Есть ли еще люди, такие же, как я? Люди, которые чувствовали бы себя настолько одиноко, что предпочли бы провести бессмысленную ночь со случайным человеком только затем, чтобы иметь возможность смотреть в чьи-то глаза?

Я ненавидел одиночество, потому что в одиночестве вспоминал все, за что ненавидел себя. Я вспоминал все свои прошлые ошибки, которые довели меня до точки. До той точки, когда начинаешь существовать вместо того, чтобы жить. Если бы я действительно жил, то, в конечном итоге, причинил бы боль всем, кто был рядом. И я не мог больше этого делать. Это означало, что я должен быть один.

В прошлом я никогда не был одинок, если со мной были мои наркотики — мои молчаливые, смертоносные, разрушающие друзья. Под кайфом я никогда не был одинок.

Алисса.

Черт.

В голове появлялись грязные мысли, ладони зудели.

Я попытался смотреть телевизор, но на экране была самая настоящая чушь. В какой-то момент я попытался рисовать, но в ручке не было чернил. Я попытался отключить свой мозг, но продолжал думать о кайфе, который когда-то испытывал.

Когда я увижу ее?

Увижу ли я ее вообще?

Конечно. Ее сестра выходит замуж за моего брата.

Хочу ли я увидеть ее?

Нет.

Не хочу.

Боже.

Я хочу.

Я хотел бы сжимать ее в объятиях, но в то же время никогда не прикасаться к ней снова. Я хотел бы целовать ее, но в то же время никогда не вспоминать ее изгибов.

Я хотел бы...

Заткнись, мозг.

Взяв мобильник, я нажал и удерживал пальцем цифру 2. На это раз голос был другим, но приветствие осталось прежним. Меня поблагодарили за звонок на горячую линию для алкоголиков и наркоманов и пригласили поговорить о имеющихся у меня проблемах в конфиденциальной обстановке.

Я повесил трубку. Как всегда.

Потому что люди, вроде меня, с таким прошлым, как у меня, не заслужили прощения. Они заслужили изоляцию.

Направившись на балкон, я прикурил сигарету и положил ее на сухой участок на пол. Слушая шум дождя над городом Тру-Фолс, я закрыл глаза. Сделав глубокий вдох, я позволил себе на короткий промежуток времени, пока тлела сигарета, почувствовать боль.

Я думал об Алиссе. Я думал о маме. Думал о наркотиках. И потом, в самом конце, я всегда думал о ребенке, который мог бы быть у меня, если бы не мои внутренние демоны.

Иногда сигарета тлела восемь минут, иногда — десять. Единственное, что не менялось никогда, независимо от того, как долго тлела сигарета, — это мое разбитое сердце, которое все еще находило возможности раскалываться на более мелкие кусочки.

Глава 15

Алисса

Каждый день я добиралась на работу вместе со своей соседкой — семидесятилетней официанткой по имени Лори. Мы обе работали в утреннюю смену в забегаловке «Голодный Гарри» и ненавидели каждую минуту этого. Лори работала там последние двадцать пять лет и рассказывала мне, что ее план вырваться отсюда заключался в том, чтобы выскочить замуж за одного из тех парней Крис: Эванс, Хемсворт или Прэтт — ей было все равно. (Прим.: имеются в виду актеры: Крис Эванс, Крис Хэмсворт и Крис Прэтт). В какой бы день мы не ехали, Лори всегда жаловалась на то, что мы приехали на пять минут раньше. Она утверждала, что последнее место, куда ты можешь приехать раньше, это место твоей работы. Я не винила ее.

Я работала в «Голодном Гарри» последние пять лет. Самое неприятное в этой работе

то, что я приходила туда, пахнувшая розовыми духами и персиковым шампунем, а выходила, воняющая жареными котлетами и картофельными оладьями. Каждый божий день. Единственное, что помогало мне держаться, — знание того, что каждый час работы приближает меня к моей мечте: открытию собственного пиано-бара.

— Ты сможешь это, деточка, — говорила Лори, когда мы подъезжали к закусочной. — Ты по-прежнему свежа и весела. У тебя полно времени, чтобы сделать эту мечту реальностью. Ключ в том, чтобы не слушать мнение окружающих. У людей всегда есть мнение о той жизни, которой они не живут сами — просто держи голову высоко поднятой и не слушай их бред.

— Хороший совет, — улыбнулась я, понимая, что ей лишь бы о чем-то поболтать, только бы не оказаться в закусочной хотя бы на секунду раньше положенного времени.

— Знаешь, что говорила мне мама, когда в детстве надо мной издевались?

— И что же?

— Всему свое время. Только так можно пройти через все, что угодно. Не думай слишком много о будущем и не давай мозгу заикливаться на прошлом — просто живи настоящим. Будь здесь и сейчас. Это лучший способ прожить жизнь. Сегодняшним днем. Всему свое время.

Всему свое время. Всему свое время. Я мысленно повторяла эти слова, когда на меня кричал хамоватый клиент, что его омлет слишком жидкий, или когда ребенок ронял тарелку с едой на пол, а его родители обвиняли в этом меня, или когда пьяного придурка тошнило прямо на мою обувь.

Я ненавидела сферу питания. Но опять же, полезно знать все входы и выходы в подобных заведениях, потому что, когда у меня буде пиано-бар, основной заботой станет организация работы кухни. Просто всему свое время.

— Ты всегда виляешь бедрами после того, как приняла чей-то заказ? — прозвучал поддразнивающий голос, и я улыбнулась, поняв, кому он принадлежит.

— Только когда знаю, что у меня будут хорошие чаевые, — обернулась я с улыбкой и увидела стоящего позади меня Дэна с полными руками файловых папок. Он выглядел таким красивым в темно-синих брюках и светло-голубой рубашке на кнопках и с закатанными рукавами. Как всегда, с широкой радостной улыбкой. И он дарил эту улыбку мне. Вытащив блокнот и ручку из кармана фартука, я подошла к нему. — Что привело тебя сюда в такую рань?

— Я посмотрел то место, об аренде которого мы говорили.

— Да?

— Да. Мне оно понравилось. О, действительно так, но там надо решить вопрос с термитами. У тебя есть минутка, чтобы кое-что обсудить? Я принес несколько поэтажных планов других помещений, которые можно было бы рассмотреть.

Я нахмурилась, оглядев закусочную.

— Думаю, мой босс уволит меня, если я оставлю работу, чтобы посмотреть планы пиано-баров.

Дэн был моим другом, с которым я пересеклась несколько лет назад в одном из таких пиано-баров. Сейчас он работал на одного из лучших риэлторов штата. Когда я рассказала ему свою идею об открытии пиано-бара, он подхватил ее и стал помогать мне с выбором места, хотя я предупредила его о том, что этот день настанет нескоро.

— О, конечно, нет. Я был неподалеку и решил заглянуть на кофе с оладьями. Все равно

это по пути на работу.

Я широко улыбнулась, и его улыбка стала еще шире.

— Мы можем взглянуть на них завтра вечером, если получится?

— Да, да! — воскликнул он с нарастающим возбуждением. — Я могу привезти их к тебе домой. Можно заказать китайскую еду. Я принесу вино. Могу даже приготовить для тебя стейк или что-нибудь еще... — его голос постепенно затихал по мере того, как он становился все более довольным. Он провел руками по волосам и пожал плечами. — Ну, знаешь, все, что угодно.

— Звучит, как план. Просто самое главное в этом — у меня в доме все еще идет ремонт. А из-за последнего дождя крыша потекла в нескольких местах.

— Мое предложение о том, чтобы ты пожила у меня, пока твой дом ремонтируется, по-прежнему в силе. Я знаю, сколько беспокойства доставляет ремонт.

— Спасибо, но, думаю, что сама пройду все трудности, потому что это мой дом.

— Хорошо. Ну, мне лучше отправиться на работу, но завтра встречаемся у тебя, чтобы изучить все детали, — он потряс передо мной папками и подмигнул.

— Подожди. Я думала, ты приходил на кофе и оладьи?

— А, да. Так и было, просто я понял... — он был немного взволнован, и я не могла удержаться от улыбки. — Мне нужно быть на работе немного пораньше и просмотреть кое-какие документы для моего босса.

— Тогда до завтра. С меня выпивка, с тебя — планы объектов.

После этого он исчез. Я выдохнула. В течение последних трех лет Дэн был ко мне неравнодушен — практически с самого момента нашей встречи, но я никогда не чувствовала такого рода привязанности к нему. Он занимал важное место в моей жизни, хотя я всегда надеялась, что он согласится быть просто другом.

— Я клянусь, он подбирает для тебя помещения, имеет солидную работу, притворяется, что хочет оладий, чтобы просто увидеться с тобой, дарит эти «трахни меня вдоль и поперек» улыбки и предлагает приготовить стейк, а ты до сих пор не отвечаешь на его предложение пожить у него какое-то время? — проговорила Лори, неся поднос с яичницей, оладьями и сосисками.

Я засмеялась.

— Мой дом прекрасен. Я все эти годы копила деньги, чтобы купить дом моей мечты, и теперь, когда он у меня есть, я не готова успокоиться на этом. Его просто нужно немного подлатать, вот и все.

— Сладкая, твой дом нуждается в немного большем, чем просто подлатать, — ухмыльнулась она, ставя тарелки на пятый столик, а потом направила ко мне руки в боки и нахально улыбаясь. — Я просто говорю. Если бы Дэн предложил мне постель, я помчалась бы к нему и заставила показывать свои поэтажные планы на каждом миллиметре моего тела в каждом сантиметре дома.

— Лори! — шикнула я на нее, мои щеки запыхали.

— Я просто констатирую факт. Ты пашешь на трех работах, чтобы платить за дом, который все равно нужно доводить до ума. И он нужен тебе, чтобы доказать всем, что ты можешь быть независимой женщиной. Но, знаешь, вы могли бы отремонтировать его и жить вместе с Дэном.

— Дом не так уж сильно требует ремонта.

— Али, — застонала она, хлопнув себя ладонью по лицу. — В последний раз, когда я

заходила к тебе распить бутылочку вина, то пользовалась туалетом, не закрывая двери. А знаешь, почему? Потому что у туалета в принципе не было двери.

Я засмеялась.

— Ладно. Я согласна. Он сильно требует ремонта. Но мне нравится преодолевать трудности.

— Хм. Ты должна быть действительно хороша в постели, чтобы Дэн продолжал терпеть тебя так, как сейчас.

— Что? Мы с Дэном не спим вместе.

— Серьезно? — воскликнула она. — Ты хочешь сказать, он пускает слюни при виде тебя, а вы двое ни разу этого не делали?

— Никогда.

— Но... Эта его улыбка!

Я хихикнула.

— Я знаю. Но он хороший друг. А для меня в отношениях главное правило — никаких свиданий с друзьями. Никогда.

Я уже наступала на эти грабли и не планирую делать этого снова. До сих пор я все еще думаю о Логане и оплакиваю дружбу, которую боготворила и потеряла. Нам было бы лучше никогда не влюбляться.

— Знаешь, мы с Чарльзом были лучшими друзьями, прежде чем начали встречаться. Он был любовью всей моей жизни. Никто не мог с ним сравниться. Сначала он упорно заставлял меня смеяться. И только потом я поняла, что такое любовь. Многие из самого лучшего, что происходит с нами в жизни, рождается из самой крепкой дружбы, — пояснила Лори.

Она опустила голову и взяла в руку медальон со свадебным фото внутри, висящий на цепочке.

— Боже, я безумно скучаю по этому мужчине.

Она почти никогда не говорила о Чарльзе — ее покойном муже. Но всякий раз, когда такое случалось, ее глаза светились, словно она мысленно уносила в тот день, когда влюбилась в него.

Наш босс приказал нам перестать болтать и возвращаться к работе. По утрам мы всегда были заняты, обслуживая больше людей, чем это может показаться реальным для человеческих возможностей. Но чем больше мы были заняты, тем меньше оставалось времени на обдумывание всех этих вещей.

— Желаете кофе? — спросила я женщину, сидевшую у окна. Держа в руке кофейник, я обходила все свои столики, предлагая напиток.

— Да, с удовольствием. Спасибо.

Я широко улыбнулась и, взглянув в окно, почувствовала, что сердце в груди застыло. Пальцы потянулись к стеклу, пытаюсь приблизиться и прикоснуться к фигуре напротив. Еще раз моргнув, я поняла, что видение исчезло. Дрожь пробежала по моей спине, и я выпрямилась. Лори посмотрела в мою сторону.

— Ты в порядке, Алисса? Выглядишь так, будто увидела...

— Призрак? — сказала я, заканчивая за нее фразу.

— Точно, — она подошла и выглянула в окно. — Что там?

Призрак.

— Ничего. Там ничего не было, — сказала я, беря кофейник и направляясь к

следующему столику.

Это было мое воображение.

Ни больше, ни меньше.

Глава 16

Логан

Я взглядом изучал Алиссу, пока она перемещалась по закускойной, обслуживая посетителей. Я сидел в дальнем углу, который не просматривался с ее стороны. Я не должен быть здесь. Умом я понимал все причины, по которым не должен был заходить в закускуюную в тот день, но сердце рвалось к ней.

Ее улыбка. Все та же. Это обрадовало меня и огорчило одновременно. Скольких улыбок я лишился? Кому она улыбается теперь?

— Ваш омлет, — сказала моя официантка, ставя передо мной тарелку. Лицо ее было довольно бледным, по лбу струился пот, ее покачивало взад-вперед, пока она пыталась выдавить улыбку. — Могу ли еще чем-нибудь помочь? — спросила она.

— Апельсиновый сок было бы здорово, — сказал я.

Она кивнула в ответ и отошла. Я взял солонку и наклонил ее над омлетом. Громкий смех разлетелся по закускойной, и я глубоко вздохнул. Смех Алиссы. Он не изменился. Я закрыл глаза, почувствовав, как сжалось в груди. Воспоминания хлынули в меня, как тропический ливень, отбрасывая назад и рисуя в моем воображении картины того, как я лежал рядом с ней и слушал ее смех, легкой волной проникающий в самую душу.

— Если вы хотели тарелку соли, а рядом немного омлета, могли бы просто попросить, — предложил голос рядом, вырывая мои мысли из прошлого. Я бросил взгляд на омлет, который бездумно солил последние пять минут.

— Извините, — пробормотал я и поставил солонку на стол.

— Нет необходимости извиняться. У каждого могут быть свои предпочтения, — заверил меня голос. — В любом случае, официанты — люди привычные, а Дженни просто отправили домой с гриппом. Мне велели принести вам апельсиновый сок и обслуживать ваш столик.

Мои глаза переместились на говорившую девушку. У нее были полные розовые губы и голубые глаза, более чем знакомые мне, — они были такими потрясающими и единственными во всем городе. У них была уникальная способность улыбаться самостоятельно. Прямые светлые волосы и ровная челка над бровями.

Ни один из нас не произнес ни слова.

Она уставилась на меня.

Я не смог отвести взгляда.

Алисса.

Хай.

Мой самый лучший кайф.

Она прекрасно выглядела, но это совсем не удивительно. Я не мог вспомнить ни дня, когда она не была бы прекрасной. Даже в те дни, когда я был настолько в безнадежном состоянии, что не мог даже открыть глаза, я вспоминал красоту ее нежных слов, молящих меня вернуться к ней и продолжать дышать.

— Логан, — прошептала она, ставя стакан с апельсиновым соком на стол.

Она шагнула ко мне, и я встал со стула. Сначала мне показалось, что она собирается

обнять меня и простить за то, что ни разу не отвечал на ее звонки. Но в действительности она не собиралась обнимать меня. Ее ладонь раскрылась, и, увидев это, я понял: она собирается дать мне пощечину. Сильную. Что бы ни делала Алисса, это всегда было в полную мощь и никогда вполсилы. Ее рука быстро взметнулась в мою сторону, и я приготовился к обжигающей боли, чего, собственно, и заслуживал. В ожидании закрыл глаза, но не почувствовал ее удара. Боже, как я хотел почувствовать ее прикосновение. Открыв глаза, я увидел, что ее дрожащая рука зависла в воздухе в сантиметре от моей щеки. Наши взгляды встретились, и я увидел в ее глазах замешательство, глубокую боль и наворачивающиеся жгучие слезы.

— Привет, Алисса, — тихо сказал я.

Она отшатнулась и закрыла глаза. Я взял ее застывшую в воздухе руку и приложил пальцы к своей щеке. Слабый болезненный стон сорвался с ее губ, когда она коснулась моей кожи. Я притянул ее в свои объятия, и это ощущалось так, словно все было только вчера. Кожа такая прохладная, как и всегда, и я согреваю ее своим телом. Проведя пальцами по моей щеке, она обхватила меня руками за шею, прижимаясь так крепко, словно простила за все неотвеченные звонки и молчание. Пальцами она цеплялась за меня, почти впиваясь в тело, будто думала, что я какой-то мираж и могу исчезнуть, если разжать руки. Я не виню ее — я исчезал раньше.

Я вдохнул запах ее волос.

Персики.

Боже, до этого дня я ненавидел персики.

Она пахнет так, как те дни, когда лето засыпает и пробуждается осень. Мягко, сладко, идеально.

Мой прекрасный кайф.

— Я скучала... — проговорила она мне на ухо.

— Я знаю, — ответил я.

— Ты уехал...

— Я знаю.

— Как ты мог...

— Я знаю.

Ее тело напряглось, и она вырвалась из моих объятий. Грусть исчезла из ее глаз. Осталась только злость.

Это правильно.

— Ты знаешь? — зашипела она, выпрямляясь, пытаясь казаться выше, но по-прежнему оставаясь такой маленькой. Руки скрещены на груди, нижняя губа прикушена. Небольшие морщинки в уголках ее глаз углубились, и стало ясно, что она уже не та девушка, которую я оставил много лет назад. Сейчас это взрослая женщина, и в ее душе бушевало пламя. — Я звонила тебе.

— Я знаю.

Она нахмурила брови.

— Нет. Я звонила тебе, Логан. Я звонила и оставила больше пятисот сообщений.

Одну тысячу девяносто сообщений.

Но мне не хотелось поправлять ее.

— Ты исчез. Бросил меня. Нас. Келлана. Ты бросил всех нас, — сказала она. — Я понимаю, что ты нуждался в личном пространстве, но ты бросил меня. После всего, что мы

пережили, после того, что произошло, — ты бросил меня одну с этим.

— Мне стало лучше. Я прошел через дерьмо с моей мамой, через дерьмо с тобой, и да, я был не в себе, но мне просто нужно было время.

— Я дала тебе пространство, но ты все-таки уехал.

— Ты звонила мне каждый день, Алисса. Это не значит дать пространство.

— Келлан и я спасли тебе жизнь, и мы думали, что ты вернешься. Я звонила каждый день, чтобы дать тебе знать: я здесь, я жду. Я думала, что ты вернешься ко мне. К нам.

— Ты не можешь спасти жизни людей и не можешь ожидать, что люди вернуться к тебе, Алисса. Ты должна понимать, после того, что произошло с... — я прикусил язык, обрывая фразу, но сказанного не вернешь.

Она знала, что я собирался сказать. Ты должна понимать, после того, что произошло с твоим отцом.

— Это подло.

— Я ничего не сказал.

Она покачала головой.

— Для кого-то, кто ничего не сказал, это, несомненно, говорит о многом, — ее голос сорвался. — Более пятисот сообщений и ни одного ответа!

Тысяча девяносто сообщений.

Я все еще не поправил ее.

— Мне нечего сказать тебе, — солгал я.

Я выстраивал стену, которую, знал, должен был построить, приехав в город. Нужно не позволять эмоциям и мыслям выбраться наружу, чтобы удержаться от возвращения в жизнь Алиссы. В прошлом я уже был в ее жизни, и я разрушил ее. Не могу себе позволить сделать это снова. Поэтому я должен быть холодным, даже грубым. Потому что она заслуживает лучшего, чем смотреть на телефон в ожидании, когда кто-то вроде меня перезвонит ей.

— Нечего? — она ошарашенно отступила назад. — Совсем нечего? Даже «привет»?

— У меня всегда лучше получалось прощаться.

— Вау... — резко выдохнула она.

Каждое чувство, которое я испытывал к ней на протяжении многих лет, пробуждалось во мне с удвоенной силой. Я был зол на себя за то, что не звонил ей, мне было тоскливо, я был счастлив, я был смущен, я был влюблен. Я ощущал все, что Алисса когда-либо заставляла меня чувствовать. Мой разум был в секунде от взрыва.

— Знаешь, что? — она прочистила горло и подарила мне натянутую улыбку. — Мы не будем этого делать.

— Делать чего?

— Воевать. Спорить. Потому что, если бы мы так поступили, знаешь, что это означало бы? Это означало бы, что между тобой и мной существуют какие-то отношения, а их нет. Ты стал чужим в тот момент, когда исчез в кукурузных полях Айовы.

Я приоткрыл губы, но прежде, чем смог заговорить, она развернулась на каблуках и умчалась обслуживать другой столик. Наклеив на лицо фальшивую улыбку, она разговаривала с посетителями. Безостановочно постукивая ногой по клетчатому полу, она слегка покачивалась всем телом взад-вперед. Разговаривая с другими, она стреляла в меня взглядом.

— Ну, думаю, я буду яйца всмятку и... — но Алисса оборвала его, устремившись назад

ко мне, — и бекон.

— Келлан хотя бы знает, что ты здесь? Или ты собирался просто нагрянуть к нему на работу? — она хлопнула руками по бедрам и вздернула бровь.

Я приподнял брови.

— Да. Я здесь из-за него. Из-за его свадьбы.

— Что? — спросила она растерянно.

— Свадьба... Ты же знаешь, мой брат женится на твоей сестре.

— Но... — она замолчала, ее гнев поутих. — До свадьбы еще месяц. Ты вернулся на месяц раньше, чтобы просто помочь с этим?

— Келлан сказал, что в эти выходные.

— Ну, это, несомненно, стало бы для меня новостью. Но, принимая во внимание все, что происходит, шока бы не вызвало.

— Что ты имеешь в виду? Что происходит?

Она открыла рот, но не сказала ни слова. Попытавшись снова, она прикусила нижнюю губу.

— Ты употребляешь наркотики, Логан?

— Что? — спросил я, переходя в оборонительную позицию. — Что, черт возьми, это значит?

— Ты знаешь, что это значит. Я просто... — она начала дрожать. — Мне нужно знать, если ты чист. Или если ты принимаешь что-то.

— Это не твое дело. Если бы я сказал тебе, то это выглядело бы так, словно между нами существуют какие-то отношения, и, как ты уже говорила раньше...

— Ло, — прошептала она.

Уменьшительное имя, слетевшее с ее губ, заставило меня по-другому увидеть свое раздражение и защитное поведение.

Ее глаза.

Ее губы.

Алисса.

Хай.

Мой самый лучший кайф.

— Да, — прошептал в ответ я.

— Ты употребляешь?

— Нет.

— Даже травку?

— Только травку, — ответил я.

Тяжелый вздох слетел с ее губ.

— Да брось, Алисса, отстань. В некоторых штатах травка легально разрешена.

— Не в Айове, — ее голос зазвучал так, словно она переживает, а это означало, что она все еще вроде как беспокоится, что, в свою очередь, означало надежду.

Хотя какое мне дело до надежды? Стена «Удержатъ Алиссу Подальше» была построена, и я не собирался сносить ее в ближайшее время. Я бы умчался отсюда на следующем поезде, если бы не свадьба.

— Только травка?

— Только травка.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она отступила на шаг назад, после чего сделала два шага вперед и протянула мне мизинец.

— На мизинце?

Какое-то время я смотрел на ее мизинец, вспоминая все те обещания, которые мы, сцепляя мизинцы, давали друг другу, когда были моложе.

Я сплел свой мизинец с ее, и ощущение этого небольшого прикосновения заполнило меня.

— На мизинце.

Когда мы расцепили пальцы, она сделала два шага назад, а потом один вперед и протянула мне руки. Я, не задумываясь, ухватился за них. Она подняла меня со стула и обняла. Ее объятие было настолько крепким, что я инстинктивно понял: что-то не так.

— Хай, ты что?

Она притянула меня ближе, прижимая, пока я не уступил ей. Алисса прижала губы к моему уху, ее горячее дыхание заплесало на моей коже.

— Ничего. Ничего.

Разомкнув объятия, она сложила ладони, словно в молитве и, прижав их к губам, слегка наклонила голову.

— Ло...

Я провел пальцами по волосам и кивнул.

— Хай...

— Добро пожаловать домой, — сказала она.

— Это не дом. Просто остановка перед очередным отъездом.

Она пожала плечами.

— Дом всегда остается домом. Даже если ты этого не хочешь. И, Логан? — сказала она, слегка покачиваясь на пятках взад-вперед.

— Да?

Она больше ничего не сказала, но я услышал ее громко и четко.

Я тоже скучал по тебе, Хай.

Глава 17

Логан

Я сбросил рюкзак на переднем крыльце Келлана и Эрики, прежде чем постучать. Мои внутренности завязались в узел, потому что я не знал, как это будет — увидеть их двоих спустя столько лет. Время меняет людей, и я задавался вопросом, насколько оно изменило их. Выждав еще несколько секунд, я набрался смелости и постучал.

Когда открылась дверь, у меня вырвался вздох облегчения. Келлан подарил мне свою широкую братскую ухмылку и секунду спустя притянул в свои крепкие объятия.

— Предполагалось, что твой поезд прибыл вчера. Ты заблудился, брат?

Я засмеялся.

— Я шел длинной дорогой.

— Ладно, дай мне взглянуть на тебя, — он отошел назад, скрестил руки и усмехнулся. — Ты выглядишь качком или кем-то в этом роде. Сбежал из города Питером Паркером, а вернулся Человеком-Пауком.

— Те радиоактивные пауки в Айове не трахаются с людьми. Ты лучше взгляни на

себя! — я в шутку ударил его в живот. — Ты похож на земляной орех. Может быть, теперь я, наконец, смогу надрать тебе задницу, а не наоборот.

— Ха, не рассчитывай на это. Вижу, ты по-прежнему фанатично ухаживаешь за волосами, как женщина, — сказал он, приводя в беспорядок мою идеальную прическу.

— Зависть является одним из семи смертных грехов, брат.

— Я буду иметь это в виду, — захохотал он. Черт. Здорово увидеться с ним. Он выглядел просто отлично, как и всегда. Никогда не поймешь, сколько всего можно не замечать в человеке, пока он не предстанет перед тобой спустя долгое время.

— Келлан, кто стучал? — спросила Эрика, выходя из ванной и вытирая полотенцем волосы. Когда она увидела меня, ее затопила волна шока. — Что ты здесь делаешь?

— Я тоже рад тебя видеть, Эрика.

— Что ты здесь делаешь? — снова спросила она.

Я перевел взгляд с Келлана на Эрику, потом снова на Келлана.

— Я начинаю задаваться тем же самым вопросом. Что происходит, Кел? Чуть раньше я встретился с Алиссой и...

— Ты встретился с Алиссой?! — воскликнула Эрика.

Это было забавно... как мало я скучал по ее привычке все превращать в драму.

— Именно это я только что сказал. Как бы то ни было, она сказала, что свадьба не в эти выходные?

— В следующем месяце, — поправила Эрика. — Она состоится в следующем месяце. Почему ты с рюкзаком?

— Э-э, мне также сказали, что я остановлюсь у вас. До свадьбы, которой, кажется, не намечается.

— Она будет в следующем месяце, — повторила она еще раз. — В следующем месяце. Я даже не знала, что ты приедешь. Остановишься у нас? — она начала чесать шею, на ее бледной коже появились красные пятна. Она была похожа на свою сестру, но их поведение настолько отличалось, что они вполне могли бы быть чужими. — Малыш, могу я поговорить с тобой минутку наедине в спальне?

Я шагнул вперед, следуя за ней и ухмыляясь Келлану, когда Эрика раздраженно зарычала.

— Ой, прости. Когда ты сказала «малыш», я предположил, что ты разговариваешь со мной. Но теперь вижу, что это было в адрес моего брата. Виноват.

Келлан усмехнулся.

— Не будь мудаком.

— Ничего не могу с собой поделать. Я такой, какой уж есть.

Эти двое поспешили в спальню, захлопнув за собой дверь. Я присел на софу и только потянулся к карману, как дверь распахнулась.

— Логан? — сказала Эрика.

— Да?

— Ничего не трогай.

Я побежденно вскинул кверху руки, и она снова вернулась в спальню с очередным громким хлопком дверью.

— Не могу поверить, Келлан! Ты не сказал мне, что он приедет, — ее голос эхом раздавался по дому, и я не смог удержаться от усмешки. Хотя я понятия не имел, почему сейчас решил вернуться в город, полный моих демонов, но, взбесив Эрику, я ощутил себя

снова дома. Сунув руку в карман, я достал пачку сигарет с зажигалкой и закурил. Оглядев дом, я вспомнил, какой помешанной на порядке была Эрика. И ни на секунду не мог понять, как Келлан мог ее выносить. Уверен, каждый их день наполнен нытьем.

Когда пепел повис на кончике сигареты, я запаниковал, зная, что Эрика распахнется, если даже немного упадет на ее, скорее всего, неоправданно дорогой кофейный столик. Я поспешил к обеденному столу, который стоял так, словно здесь проходит большой званый ужин, и, схватив блюдечко, стряхнул пепел в него. Прихватив блюдечко с собой на софу, я немного расслабился.

— Келлан, я просто... мы и так находимся в постоянном стрессе. У тебя сейчас такие изменения... с работой. Я готовлюсь на степень магистра. Плюс, мы пытаемся совместить все это со свадьбой. Думаешь, присутствие здесь Логана — это хорошая идея? — услышал я через стену ее вопрос.

— Он мой брат.

— Ты... Мы... Не знаю, хорошая ли это идея.

— Он мой брат.

— Но ты же знаешь, какой он. Он втянет тебя в свою сумасшедшую жизнь. Он всегда так делал.

— Эрика, он чист. Он чист уже несколько лет назад, и сейчас тоже, — в голосе Келлана явно слышалось раздражение.

Легкое разочарование овладело мной. Келлан был чуть ли не единственным, кто на самом деле верил в то, что я когда-нибудь избавлюсь от зависимости. Он и Алисса. Все остальные считали меня безнадежным.

В ее голосе тоже появились нотки агрессии.

— Или он так говорит. Seriously, сколько раз мы это от него слышали? У тебя потребность опекать его и твою маму. Но ты не отвечаешь за их жизни, малыш. И ты не отец Логану. Черт возьми, он тебе даже не родной брат! Он твой сводный брат!

Я услышал звук пощечины, и мои внутренности стянуло. Поднявшись с софы, я был в секунде от того, чтобы пойти проверить, как они там. Держа в руке блюдце с пеплом, я направился в сторону спальни, но остановился, услышав голос Келлана.

— Если ты когда-нибудь еще скажешь нечто подобное, я уйду отсюда и вряд ли буду об этом сожалеть. Да, Логан в прошлом сильно облажался. Он сжег мосты между собой и вами и еще многими людьми. Для многих он не заслуживает прощения. Но он мой брат. Не «сводное» дерьмо. Он мой стопроцентный брат. Я буду присматривать за ним и никогда от него не откажусь. Этот мост я не сожгу никогда, Эрика. Так что, если это причиняет тебе неудобство, ну, вероятно, это станет проблемой.

А затем их голоса понизились.

Глава 18

Алисса

— По шкале от одного до десяти, как давно ты знала, что Логан в городе, и когда ты догадалась бы мне позвонить? Один — я не имела ни малейшего понятия, десять — я втайне ненавижу свою сестру, — спросила я Эрику, жонглируя ключами, так как пыталась попасть в свой дом. С того момента, как мы пересеклись с Логаном в закусочной, мои нервы были на пределе. Я не могла трезво мыслить, меня тошнило, я злилась... и чувствовала... облегчение? Большая часть меня временами сомневалась в том, что Логан все еще жив, хотя

Келлан время от времени сообщал мне новости.

— Поверь мне, я понятия не имела, — сказала Эрика.

Я, наконец, открыла входную дверь и спустя несколько секунд плюхнулась на свой диван.

— Думаю, Келлан послал ему сигнал SOS. Это безобразие. Предполагается, что некоторое время он пробудет у нас.

— Некоторое время? — спросила я, оживляясь. — Как долго продлится это некоторое время? — я уже рассматривала прогулку к ее дому просто для того, чтобы увидеть его лицо. Просто, чтобы убедиться в реальности его существования.

— Али, — голос Эрики зазвучал, как у мамы, когда она отчитывала нас, словно маленьких. — Не надо.

— Не надо — что?

— Не возвращайся на эту дорожку. Логан Сильверстоун покинул твою жизнь. И, я думаю, будет лучше, если все так и останется.

Как мог он покинуть мою жизнь, находясь в нескольких кварталах от меня и живя у моей сестры?

— Это просто любопытство, Эрика. Серьезно, — я сделала паузу, вслушиваясь в шум на другом конце линии. Она делала перестановку в доме — я просто знала это. Слышно было, как она толкает мебель. Всякий раз, когда Эрика нервничала или расстраивалась, она делала перестановку или как бы случайно ломала какие-то вещи, для замены которых срочно требовалось бежать в магазин. Это была ее причуда, а я оставляла парню сообщения каждый день в течение пяти лет — у всех есть свои странности. — Вау, он, должно быть, действительно вывел тебя из себя, — сказала я, вытаскивая из сумки тюбик помады и начиная водить ею по губам туда — сюда. — Я слышу, как ты что-то передвигаешь.

— В чем ты меня обвиняешь? Это как призрак прошлого Рождества появляется и говорит: «О? У вас небольшой стресс? Что ж, позвольте мне войти и испортить вам все еще чуть больше».

— Сколько тарелок ты разбила к настоящему моменту?

— Честно говоря, только одну, — вздохнула она. — К тому же, у меня в шкафу в кладовке были запасные.

Конечно, были. Она всегда готова практически к любого вида происшествиям.

— Он курил и стряхивал пепел на мое блюдо, Алисса! Кто так делает?

Я хихикнула.

— Это лучше, чем на кофейный столик за пятьсот долларов.

— Ты считаешь это смешным?

Немного.

— Нет, это не смешно. Прости. Смотри, я уверена, что через несколько дней жизнь вернется в нормальное русло. Скорее всего, вы даже перестанете замечать, что Логан здесь.

— Как ты думаешь, он все еще употребляет наркотики? — прошептала она в телефон. — Келлан отрицает, но я не знаю. Думаю, это ужасная, ужасная идея. И время для этого как нельзя более неподходящее.

— Он выглядел хорошо, — сказала я, направляясь в ванную. Взглянув в зеркало на свои губы, увидела, что они под чрезмерным слоем рубиново-красной помады. Взяла влажную салфетку и начала стирать ее, думая о глазах Логана, о которых столько вспоминала вчера. — На самом деле, он выглядел очень здорово. Здоровым.

— Тем не менее, ты не волнуешься? Что, если он опять сорвется? Нахождение там, где начались все его проблемы, не может привести ни к чему хорошему.

— Я думаю, мы не должны заморачиваться на всем этом. Не надо торопить события. По одной разбитой тарелке за раз, Эрика.

Она хихикнула.

— Уверена, что не хочешь присоединиться к нам за обедом? Мама будет здесь, чтобы поприветствовать Логана.

О, нет. Бедный Логан.

Моя мама была далеко не самым большим его фанатом. И в последний раз, когда Логан видел ее, он назвал ее уменьшенной копией монстра.

— Как бы я ни хотела быть участником этой катастрофы, думаю, что вынуждена буду ее пропустить.

Чуть раньше при виде Логана голова пошла кругом. Не уверена, что смогу держать себя в руках, увидев его снова. Даже если большая часть моего сердца хочет взглянуть на него, просто чтобы убедиться в его реальности.

— В любом случае, желаю веселого вечера, и напиши мне обо всех деталях катастрофы.

— Сделаю. И, Алисса?

— Да?

— Не свались опять в кроличью нору Логана. Из этого не выйдет ничего хорошего.

— Не буду. И, Эрика?

— Не разбей чертову лампу.

— Договорились!

***

Я вытащила коробку.

Коробку, которая должна была быть уничтожена много лет назад.

Коробка, от которой, как думала Эрика, я избавилась, потому что отпустила его, отправив миллион голосовых сообщений.

Но она была спрятана у меня под кроватью со всеми нашими воспоминаниями внутри.

Я сняла крышку и перебрала все наши фотографии, на которых мы были моложе. Достала засушенную маргаритку — напоминание о том моменте, когда он впервые поцеловал меня. Вытащила плюшевого мишку, которого он украл из парка аттракционов, когда парень обманул меня с главным призом.

Корешки от билетов в кино, с фильмов, на которые мы ходили.

Открытки ко дню рождения, которые он всегда сам делал для меня.

Его зажигалка.

— Почему ты должен был так поступить со мной? — прошептала я, поднимая красную толстовку, которую он отдал мне, когда мы тусовались в первый раз. Я вдохнула ее запах и, кажется, она все еще пахла сигаретным дымом, впитавшимся в ткань.

— Почему ты должен был вернуться?

В самом низу коробки лежала серебряная вилка в рамке. Я взяла ее в руки и закрыла глаза.

Я сидела среди кучи воспоминаний до тех пор, пока не пришло время упаковать коробку и убрать ее обратно под кровать. В один прекрасный день я смогу избавиться от них — я уверена в этом.

Только не сегодня.

Я был поражен, когда мы вошли в ресторан Джейкоба «Братское Бистро». Так здорово увидеть, насколько Джейкобу удалось изменить свою жизнь. В юности мы привычно курили травку и шутили о том, как оба хотели бы стать шеф-поварами и иметь собственные рестораны. Здорово видеть, что его мечта осуществилась.

— Тааак, будь я проклят! Посмотрите, кто к нам пожаловал! — воскликнул Джейкоб из-за высокой барной стойки. — Логан Сильверстоун. Не думал, что когда-нибудь снова увижу тебя в этом городе.

Его волосы были острижены под машинку, а на лице все та же большая глупая улыбка, что и раньше.

Я улыбнулся.

— Точно, мужик, давно это было.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он, спеша ко мне и заключая в медвежьи объятия. — Здоровым.

— Стараюсь, мужик. Стараюсь. Это потрясающее место, Джейкоб.

— Да-да. Сейчас еще рано, — сказал он. — Ближе к семи-восемью часам здесь начнется суэта. А завтра — ночь живой музыки, где ты полюбишься на выступление своего брата.

Я приподнял одну бровь.

— Серьезно? Я не слышал, как ты играешь на гитаре и поешь черт знает сколько времени.

— Да. Знаешь, я пытаюсь вернуться к тому, что люблю. Жизнь слишком коротка, чтобы избегать того, что делает тебя счастливым.

— Это правильно. К тому же, это место реально крутое, Джейкоб. Не каждый день кому-то удастся воплотить свою мечту в жизнь, — сказал я, пока он шел рядом, показывая мне весь ресторан. — Однако тебе это удалось. Ты оживил свою мечту.

— Пытаюсь, — рассмеялся он. — Оказывается, иметь собственный ресторан на самом деле чертовски тяжело.

— Одна мысль об этом утомляет.

— Ходили слухи, что ты стал дипломированным кулинаром, пока был в Айове? — спросил он, ведя нас с Келланом к бару.

— Это действительно так. Не думал, что смогу, но... — Алисса всегда в это верила. — Но я сделал это.

Он широко улыбнулся.

— Черт. Это удивительно, мужик. Кто бы мог подумать, что два таких раздолбая, как мы, окончат колледж? Что вам двоим предложить? Пиво? Девчачий мартини? — спросил Джейкоб, протирая стойку.

— Мне воду, — сказал Келлан.

Я засмеялся.

— Брат, ты все такой же безудержный гуляка, каким и был. Я буду Bud Light, — сказал я Джейкобу. (Прим.: Bud Light — светлое пиво).

Келлан выгнул брови.

— Я вижу, ты просто такой же безудержный и безумный, как я.

Джейкоб принес и поставил перед нами напитки, после чего облокотился о стойку,

подперев кулаками щеки.

— Итак, Айова, да? Какого черта делать в той Айове?

— Ровно то, о чем ты думаешь. Ничего. Работа, сон, женщины и травка. Промыть, сплюнуть, повторить. (Прим.: строчка из песни Kelly Clarkson «Wash, Rinse, Repeat»).

Келлан поморщился при упоминании о травке — так же, как и Алисса.

— Не гони, Келлан. Больше ничего я не употребляю. Просто иногда покуриваю.

— Я просто не хочу, чтобы ты опять оступился, вот и все.

— Я держусь уже несколько лет. Со мной все хорошо, — я откашлялся. — Кстати, спасибо за помощь с арендной платой в прошлом месяце. И в позапрошлом... — мои слова перешли в шепот. — И месяц до этого...

Даже имея диплом, найти стоящую работу было довольно трудно.

— В любое время, — улыбнулся он, понимая, что я меняю тему, но позволяя сделать это. — Но давай договоримся, что никогда не будем упоминать этого при Эрике, хорошо?

Джейкоб засмеялся.

— Это, должно быть, странно, Келлан.

— Что — это?

— Ощущать свои яйца, крепко зажатыми в женской руке.

Я хихикнул.

— Я удивлен, что у него до сих пор остались хоть какие-то яйца.

— Идите на хрен, парни. Просто в Эрике есть что-то такое... — Келлан сморщил нос, подбирая нужное слово.

— Маниакальный контроль? — предложил Джейкоб.

— Бесцеремонность? — сказал я.

— Мелодраматичность?

— Наигранность?

— Материнская опека?

— Пренебрежительность?

— Постоянство, — сказал Келлан, глотнув воды. — Эрика постоянная. Она — все то, что придает мне устойчивость. Она — сущее наказание, это да, но я, не задумываясь, выбрал бы ее руку и держался бы за нее каждый день, потому что она сильная. Она — мой якорь.

Мы с Джейкобом замолчали, немного ошеломленные.

— Вау, — Джейкоб тяжело вздохнул, — это просто... — его глаза наполнились влагой. — Это просто так чертовски отстойно.

Я засмеялся.

— Полный отстой.

— Это, как если бы «Гауда» и «Бри» собрались завести ребенка, а родился Келлан, — ухмыльнулся Джейкоб. (Прим.: Гауда — твердый голландский сыр, Бри — мягкий французский сыр. В данном случае Джейкоб имеет в виду, что смесь этих двух сортов даст сомнительного вкуса и консистенции конечный продукт, с которым и сравнивает Келлана).

— Отвалите. Я и не ждал, что два тупых раздолбая смогут что-нибудь понять об отношениях, — сказал Келлан. — Ну, тебе нравится это место?

— Нравится?! Оно потрясающее! Держу пари, что еда так же хороша на вкус, как это место хорошо на глаз. Если бы я жил здесь, то приходил бы сюда каждый день.

Коварная ухмылка появилась на лице Келлана, а немного погодя такой же интенсивности удовольствие расплылось по лицу Джейкоба.

— Нужно отметить, что это забавно, потому что мы с Джейкобом говорили... Если бы ты остался в городе, то получил бы работу. Он ищет шеф-повара, — предложил Келлан.

— Это хорошо оплачивается. Я имею в виду, главный босс — полный мудак, но работа хорошая, — добавил Джейкоб.

Я рассмеялся, потому что это была нелепая идея. Но мой смех прекратился, когда я увидел, насколько они оба были серьезными.

— Не обижайся, Келлан. Но узнав, что свадьба в ближайшее время не состоится, я на ближайшем поезде решил вернуться в Айову.

— Да? А ты можешь себе позволить обратный билет на поезд? — спросил Келлан.

— Что? Ты сказал, что оплатил билеты.

— Неправда. Я сказал, что оплатил билет сюда. Об обратном билете я ничего не говорил.

— Да пошел ты, — только фыркнул я, направляя на брата взгляд, полный замешательства. — Ты серьезно, да?

Я взглянул на Джейкоба.

— Он, блядь, серьезно, да?

— Я просто сказал, брат. Это твой дом. И тебя всегда здесь примут с радостью.

— Ты берешь меня в заложники, — ответил я, сбитый с толку.

— Мы предлагаем тебе работу, — ответил он. — Послушай, если ты действительно хочешь обратный билет в Айову, я куплю его тебе утром. Но предложение для тебя всегда в силе.

Келлан реально подталкивал меня к идее остаться, но я не мог понять, зачем это мне. Я больше не считал Тру-Фолс своим домом. Здесь были только демоны из моей прошлой жизни.

— Я предпочту билет в один конец. Не обижайся, Келлан. Я люблю тебя, правда. Но этот город? Я не могу остаться здесь и сохранить здравый ум. Просто не могу.

Он понимающе кивнул.

— Я понимаю. Просто подумай над моим предложением.

Я поблагодарил его.

— Итак, чуть раньше ты столкнулся с Алиссой? Каков твой план действий, если это произойдет снова? — спросил Келлан.

— Я собираюсь избегать этого и отстраниться от нее. Ни она, ни я не можем вернуться обратно. Я не могу больше двигаться по этому пути, и ей, безусловно, без меня будет лучше. Но... — сказал я, меняя тему, — приятно видеть, что ты завязал, Джейкоб.

Он кивнул.

— На самом деле, это произошло через некоторое время после того, как ты уехал из города. Однажды я проснулся и понял, что не могу больше этого делать. Я не проходил реабилитацию, но какое-то время посещал церковь, и это помогло. Сейчас я уже давно не был в церкви, но она повлияла на меня настолько, что я готов был стать священником.

— Только не это, — усмехнулся я.

Он ухмыльнулся и ткнул себя пальцем в грудь.

— Если ты когда-нибудь надумаешь жениться, вспомни об этом благочестивом чуваке.

А потом ни с того, ни с сего Джейкоб наклонился вперед с самым торжественным выражением лица, которое я у него когда-либо видел.

— Логан, а теперь серьезно. Я должен спросить у тебя нечто действительно важное...

Я вздохнул, понимая, что не смогу избежать вопросов, которые, вероятно, возникали ко мне у большинства людей. Те же вопросы, которыми забросала меня в мотеле Сэди. Как проходила реабилитация? Ты срывался? Ты все еще думаешь о наркотиках?

— Да, Джейкоб?

— Как, черт возьми, ты сохраняешь волосы в таком идеальном состоянии? Они такие блестящие, я таких никогда не видел. И этот объем! Черт. У меня уже проклятые залысины, и я вынужден стричься под машинку, чтобы выглядеть хотя бы наполовину прилично.

— Боже мой, — простонал Келлан, закатив глаза. — Не позволяй ему завестись на счет своих волос.

— Я уже говорил тебе, Кел, что зависть — это грех, — хохотнул я. — Раз в месяц маска из яичных желтков и авокадо.

— Серьезно?

— Серьезно. Но через сорок пять минут, когда будешь смывать ее, не пользуйся горячей водой. Иначе получишь в волосах яичницу, которую будешь неделю выковыривать. Плюс ко всему, мытье холодной водой полезно для волосяных луковиц — волосы растут здоровыми и сильными. Если хочешь, могу составить тебе список того, чем я пользуюсь.

— Не шутишь? Ты сделаешь это?

— Конечно, тут нет ничего секретного.

— Не могу поверить, что этот разговор сейчас действительно происходит, — вздохнул Келлан, закатывая глаза так, что мне показалось, они застрянут в затылке. У него, возможно, была лучшая жизнь, чем у меня, когда я рос. Но сегодня прикалываться можно как раз над ним, потому что мои волосы выглядели офигенно, тогда как его заканчивали свое существование.

Мы задержались в ресторане чуть дольше, но уже не говорили ни о прошлом, ни о будущем, а просто наслаждались текущим моментом.

— Мне ненавистно разрывать это единение, но нам лучше вернуться и помочь Эрике с подготовкой к обеду, — сказал Келлан.

Я встал, протянув руку Джейкобу, и он ответил на мое рукопожатие.

— Рад был видеть тебя, Джейкоб.

— Я тоже, Логан. Ты хорошо выглядишь. Реально хорошо, мужик.

— Ты тоже. И, хм, я никогда не мог сказать тебе этого, но я сожалею о том, что наговорил тебе тогда, давно. О твоей порно зависимости и о вилке.

Он рассмеялся.

— Я прощаю тебя, приятель. Даже если это была не вилка, а ложка. И, эй! Не забудь подготовить мне список всего, что нужно для волос.

Не знаю, сделало ли именно это все более приемлемым или более неловким, но было здорово оказаться в окружении знакомых лиц.

Глава 20

Логан

— Ребята, вы опоздали, — заныла Эрика, как только мы вошли в дом, который, кстати, стал выглядеть совсем иначе, чем когда мы уходили. Все было переставлено: обеденный стол, диваны, телевизор. Я почувствовал себя, словно попал в параллельный мир. — Скоро придет мама.

— Я собираюсь принять душ перед обедом, — сказал я.

— Хорошо. Я оставила в гостевой комнате комплект полотенец и дополнительных принадлежностей, которые тебе могут понадобиться, — кивнула головой Эрика в направлении дальней комнаты. — А теперь, Келлан, попробуй пюре, которое я приготовила.

— Подождите минутку. Обед готовит Эрика? — спросил я с опасением в голосе. Келлан ткнул меня в бок, но я не смог сдержаться. — Последний раз, когда я ел ее стряпню, курица еще кудахтала, Келлан!

— Чувак. Просто... Иди в душ.

Зайдя в свою комнату, я тихо засмеялся, услышав слова Эрики, что она действительно прилагает серьезные усилия, чтобы не убить меня. На кровати лежала коробка, в которой были чистые полотенца, зубная щетка, зубная нить, ватные палочки, английские булавки, гель для душа, дезодорант и всякая всячина, которая только может понадобиться человеку. Я знал, что она не ходила в магазин, так что, совершенно точно все это имелось у нее в доме. Иногда полезно быть сумасшедшей.

Душевая вода успокаивала и согревала. Я мыл волосы с шампунем и кондиционером, пока мой мозг пытался воспроизвести каждое мгновение встречи с Алиссой. Ее запах, ее прикосновение, ее улыбку, хмурый взгляд. В голове возникала идея остаться в городе с единственной целью — возможностью столкнуться с ней еще раз. Но за пять лет многое изменилось, особенно после того, как я не отвечал на ее сообщения. Я должен был перезвонить ей. Должен был подойти к телефону.

Через несколько минут стук в дверь оторвал меня от моих мыслей. Я выключил душ, вытерся полотенцем и натянул джинсы и белую футболку.

— Здесь кто-то курил? — громко спросила мама Эрики, Лорен. Ее голос эхом раздался по коридору.

— Что? Нет, мам, перестань.

— Здесь пахнет дымом, — сказала Лорен голосом, полным недовольства. Я услышал, как в соседней комнате она пробормотала, что впала в шок, как только узнала о моем возвращении в город.

Я сделал глубокий вдох и щелкнул браслетом по запястью. Не важно, что обо мне думают люди. Я уже не тот, каким был до отъезда. Их мнение не определяет меня. Это была та самая полная белиберда, которую говорила мне доктор Кан, пока я был в клинике. Но сейчас эта белиберда давала мне силы, чтобы выйти из ванной и столкнуться с очередными персонажами из моего прошлого.

— Он все еще наркоман? — громко спросила Лорен, когда я выходил из-за угла.

— Не сегодня, — ответил я, натягивая фальшивую радостную улыбку. Притворяйся, сколько сможешь, Ло. Только один обед, а потом ты сядешь на поезд и вернешься в Айову. — Лорен, приятно с вами увидеться, — я протянул ей руку для приветствия, но она отвергла ее, притягивая ближе к себе свою сумочку.

— Я думала, это будет просто наш обед, — сказала Лорен с усиливающимся раздражением в голосе. — И я думала, что мы пойдем обедать в ресторан, — она хмурилась чаще, чем улыбалась и, несмотря на то, что у нее были глаза Алиссы, в них не было ее души.

— Мы просто решили, что будет лучше устроить небольшой обед вдали от ресторанного шума. Проходите, на столе уже открыто вино, и Эрика приготовила замечательную еду, — ответил Келлан, широко улыбаясь. Я задался вопросом, была ли его улыбка тоже фальшивой, как моя. Но прежде, чем мы успели сесть и приступить к еде, раздался еще один стук в дверь. Когда Эрика открыла ее, мои внутренности стянуло узлом при виде стоящей там

Алиссы с двумя бутылками вина в руках. Когда же она вошла в комнату, мой разум начал медленно плавиться. Держи стену, Логан.

— Найдется еще одно местечко? — спросила она с улыбкой.

— Да, конечно, сейчас я для тебя накрою, — сказала Эрика, бросаясь ставить еще одну тарелку.

Лорен фыркнула.

— Это невежливо: просто взять и заявиться к кому-то домой и попросить дополнительное место за обеденным столом.

— Я тоже рада тебя видеть, мама, — огрызнулась Алисса.

Мой взгляд остановился на ней, она смотрела в мои глаза. Алисса подарила мне легкую улыбку. Я должен был разорвать наш зрительный контакт, прежде чем потеряю рассудок. Вернуться сюда, быть рядом с ней оказалось намного труднее, чем все, через что мне когда-либо доводилось проходить. А пройти мне пришлось сквозь тонну дерьма и трудностей.

Мы все приступили к еде. Мое место оказалось рядом с Лорен, которая, казалось, больше нервничала, чем ела. Келлан налил каждому вина. Я быстро поднял свой бокал и сделал большой глоток.

— Разве тебе можно пить? — спросила Лорен.

— Нет, скорее всего, нет, — сказал я, прикончив первый бокал и наливая следующий.

Мы все начали есть отвратительную еду Эрики, которую мне приходилось пережевывать в пять раз дольше, чтобы просто проглотить. Но я не жаловался.

— Как к тебе относятся в юридической фирме, Келлан? — спросила Лорен. Мать девушек была адвокатом, и в Келлане ей больше всего нравилось то, что он изучал право и нашел успешную работу, где зарабатывал хорошие деньги, но ненавидел ее всей душой.

Келлан откашлялся, вытирая рот салфеткой.

— Я ушел с этой работы больше месяца тому назад.

Шокированный, я вздернул бровь.

— Ты серьезно?

— Что? — спросила удивленно Лорен и повернулась к Эрике. — Ты не говорила мне об этом. Почему ты мне не рассказала?

— Это не совсем мое дело, мама.

— Но почему? Почему ты ушел?

— Полагаю, потому что у меня душа к этому не лежала, — сказал Келлан, сжимая руку Эрики. Они улыбнулись друг другу, и на мгновение я увидел это — любовь, которую, как сказал Келлан, он всегда чувствует. Эти двое действительно питают чувства друг к другу. — Оставив фирму, я получил возможность заняться чем-то другим — тем, что доставляет мне удовольствие.

— Например, чем? — спросила Лорен.

— Моей музыкой. Игрой на гитаре.

— Это хобби, а не работа, — нахмурилась Лорен. Она была вечно всем недовольным нытиком.

— Мам, ты же знаешь, что я зарабатываю на жизнь, играя в пиано-баре, правда? — напомнила Алисса.

— О, дорогая, — Лорен поморщилась. — Ты работаешь в закусочной, мебельном магазине, по ночам играешь на пианино в грязных барах. Это не совсем то, чем можно похвастать всему миру как достижением.

Все такая же сука, как я погляжу.

— А я считаю музыку действительно важным делом, — сказал Келлан, поясняя. — Это весело. К тому же, за мои выступления платят хорошие деньги. Это то, что я люблю. Жизнь слишком коротка, чтобы не делать того, что любишь.

— Вот-вот! — насмеялся я, выпивая еще вина. — Вот почему я пью так много вина, — я с ухмылкой подмигнул Лорен, наслаждаясь тем, насколько вывожу ее из себя.

— Вы сможете завтра увидеть мое выступление. Друг пригласил меня сыграть в его ресторане.

— Что? Ты говорила, что завтра мы собираемся в театр, — сказала Лорен, обращаясь к Эрике.

— Нет... Я сказала, что мы собираемся на шоу, — ответила ей дочь.

Эти двое были так похожи друг на друга, и практически невозможно было не заметить, насколько Алисса не вписывалась в их формулу.

— Не волнуйтесь, правда. Все это будет весело. Плюс ко всему, после шоу мы сможем заскочить к администратору банкетного зала по поводу свадьбы в следующем месяце, — объяснил Келлан.

— Что? — спросила Лорен.

Эрика закашлялась, пытаясь прочистить горло.

— Кто-нибудь хочет еще вина?

— Что вы имеете в виду под свадьбой в следующем месяце?

— Ты не сказала ей? — спросил Келлан, хмуро глядя на свою невесту.

— Сказала мне что? — спросила Лорен.

— Я забыла, — ответила Эрика.

Вау. Я чувствовал себя зрителем плохого ситкома, разворачивающегося у меня на глазах.

— Мы перенесли свадьбу на следующий месяц. Но не беспокойся. Тебе не нужно будет ничего делать — просто прийти.

— Нет. Свадьба в следующем году. Я думала, мы дождемся, когда ты закончишь магистратуру, Эрика. Плюс ко всему, свадьбу оплачиваю я. Разве вам не кажется, что я имею право знать? Мы уже внесли аванс в банкетном зале. А теперь вы заявляете, что нашли новое место.

— Мы вернем вам аванс. Все изменилось в последнюю минуту.

— Изменилось в последнюю минуту? Назовите мне причину. Хотя бы одну вескую причину, почему мы должны ускорить это. Так много всего нужно решить. Цветы, торт, еда. Платья, приглашения, все остальное. На это не хватит времени, — продолжала ныть Лорен.

— Нам не нужно все это, мама. Мы хотим сделать все по-простому.

Время от времени я ловил направленный в мою сторону взгляд Алиссы, и она быстро отводила глаза. Время от времени она ловила мой устремленный в ее сторону взгляд, и я быстро отводил глаза. Я с трудом удерживал внимание на происходившем за столом разговоре. Более интересно было наблюдать, как мы с Алиссой стараемся избегать друг друга.

— Ты начала планировать свадьбу своей мечты с тех пор, как тебе исполнилось пять лет, Эрика Роуз. А теперь тебя просто не заботят все эти детали? Нет. У нас был план. Егс мы и будем придерживаться. Плюс, у Келлана сейчас даже нет работы.

— У него концерт сегодня вечером, — с ухмылкой влез я в разговор. Алисса

рассмеялась. От этого звука я как будто умер. Почему она должна быть такой красивой? Я действительно надеялся, что, когда вернусь в город, она будет выглядеть и пахнуть, как скунс? Тут мне не повезло.

— Я просто не понимаю этой спешки. Вы должны все отложить до следующего года, как мы и планировали, — предложила ее мать. — Мы должны придерживаться плана.

— Планы могут меняться, мам. Это нормально.

— Объясни мне, почему? Почему сейчас? Это такое радикальное изменение. Разве вам не кажется, что большего внимания требует тот факт, что Келлан безработный? Как вы собираетесь сводить концы с концами в этом доме? А? Задумывались ли вы о чем-то из этого? Налоги на недвижимость в этом районе, учитывая размер дома, должны быть очень высокими. Я говорила вам двоим не покупать здесь такой большой дом, но вы не захотели меня послушать. И каков план? — продолжала допрашивать она снова и снова. Мне стало жаль Эрику. Ее лицо покраснело, нервы были на пределе.

Глава 20 Часть 2

— Я люблю его! Я люблю его, мама! Какое значение имеет, когда мы поженимся: сегодня или через год? Я хочу быть с ним.

— Это нелогично. Ты говоришь сейчас так же, как твоя сестра, Эрика.

С губ Алиссы сорвался небольшой вздох.

— Я сейчас здесь, мама.

— Но это правда. Ты всегда была диким пламенем, которое я не могла потушить. Ты всегда вела себя как попало, да и сейчас так же. Но, Эрика, ты единственная была послушной. У тебя единственной была голова на плечах. Но сейчас в твоём поведении нет никакого смысла.

Я видел, как глаза Алиссы наполнились влагой, но она прикусила язык. Я собрался одернуть Лорен, чтобы не смела говорить о ней в таком тоне, но остановился, когда увидел, как Алисса слегка покачала головой, прося не делать этого.

В конце концов, мне-то что? Это не моя забота — участвовать в их баталиях.

Эрика открыла рот, чтобы ответить, но Келлан опередил ее, его слова заставили замолчать всех в комнате.

— У меня рак.

Постойте.

Что?

Нет.

Сердце рухнуло в живот, и я почувствовал кислоту, поднимающуюся к моему горлу, пока он продолжал:

— Некоторое время мы держали это известие при себе, не зная, как сообщить всем вам. Мне уже сделали операцию по удалению опухоли, и в ближайшее время начнется первый курс химиотерапии, но...

— Прошу прощения. Помедленнее. Повтори. Что? — прервал я его. Моя кровь закипела я почувствовал себя на грани срыва. Пальцы вцепились в края стула, когда меня затрясло. Что, черт возьми, он говорит? У Келлана не может быть рака. Келлан здоров. Он всегда был здоров. Он единственный в нашей семье, кто не был ходячим хаосом. Он не мог заболеть. — Ты, блядь, прикалываешься?

Нет.

Нет.

В глазах Алиссы печалью отразилась эта новость, и она почти протянула руку, чтобы сжать мою, но я покачал головой. Он продолжал говорить, но я встал, не заинтересованный в дальнейших объяснениях. Мне не хотелось, чтобы он сказал еще какую-нибудь гребаную вещь, потому что его слова сейчас были самым настоящим ядом и отравляли мою душу. Мне нужен воздух. Много воздуха. Я направился к двери, ведущей во внутренний двор, и вышел на улицу. Холодный воздух ударил в потное лицо, и из меня вырвался страдальческий вздох. Вцепившись руками в перила, я смотрел в потемневшее небо, глубоко дыша и изо всех сил стараясь не развалиться на части.

Я закрыл глаза и один раз щелкнул браслетом по запястью.

Это неправда...

Я не мог открыть глаза.

Он в порядке. Он здоров.

Я дважды щелкнул браслетом по запястью.

Это неправда. Это неправда.

Раздвижная дверь балкона открылась, и я услышал приближение чьих-то шагов. Келлан облокотился на перила рядом со мной.

— Ты подставил меня, — сказал я.

— Я не хотел говорить тебе так. Не знал, как тебе сообщить.

— Рак чего?

— Толстой кишки.

Черт.

— Я... — начал я, но потом затих. Я чувствовал, что должен что-то сказать, но не знал правильных слов. Существуют ли вообще какие-то правильные слова для такой ситуации? Я крепче вцепился пальцами в перила. — Нам нужно показаться Ти Джею. Я не поверю в это, пока он не подтвердит, глядя мне в глаза.

Ти Джей был врачом, к которому мы с Келланом всегда ходили в детстве. Он был хорошим другом отца Келлана, так что, даже если у меня не было ни денег, ни медицинской страховки, чтобы обратиться к врачу, Ти Джей всегда осматривал меня бесплатно. У него были странности, но он был хорошим человеком. И он был единственным врачом, которому я мог доверить сказать мне правду о диагнозе моего брата.

— Логан, — голос Келлана смягчился. — Я уже говорил с Ти Джеем. К тому же, он не онколог.

— Я доверяю ему, — сказал я сквозь зубы. — Я доверяю ему, Келлан. И только ему.

Он потер затылок.

— Хорошо. Мы завтра сходим и поговорим с Ти Джеем, если от этого ты будешь чувствовать себя лучше.

— Буду, — я откашлялся. — А пока расскажи мне все, что тебе известно. Какая стадия? Это излечимо, правда? Как мы можем от этого избавиться? Что я могу сделать? Как я могу помочь? Как мы можем это исправить?

Как я могу это исправить?

— У меня третья стадия.

Нет. Это совсем плохо.

— Но сейчас мы ждем. Как я уже говорил, мне сделали операцию по удалению опухоли и двух лимфоузлов. Через неделю начнется химиотерапия, потом нужно выждать время, чтобы понять, сработала ли она. Химия может помочь остановить рост потенциально

опасных клеток и не дать им проникнуть в другие органы.

— Что произойдет, если они проникнут в другие органы?

Он промолчал.

Нет.

Нет.

Нет.

Я прикусил язык.

— Ты должен был сказать мне.

— Знаю.

Мы повернулись лицом к дому. Эрика кричала на мать, та кричала на нее в ответ. Алисса изо всех сил пыталась сбалансировать ситуацию, но успеха в этом не добилаься.

— Ты не можешь выйти замуж за человека, у которого рак, Эрика. Это совершенно бессмысленно! Ты думаешь сердцем, а не головой.

Как можно сказать человеку такую чудовищную вещь?

— Боже. Их мамаша психически больная. Я и забыл, насколько она безумна. На ее фоне Эрика действительно становится похожей на... нормальную?

— Она непробиваемая, это точно, — Келлан опустил голову и недолго разглядывал свои ботинки. — Хотя, она не так уж и неправа.

— Что?

— Эрика сейчас в состоянии паники. Она спешит выйти за меня на тот случай, если что-то случится. На тот случай, если дела пойдут плохо. Не пойми меня неправильно, я хочу стать ее мужем, но... — он замолчал и снова взглянул на свой дом, который сейчас, казалось, находится в нескольких секундах от взрыва.

Я хотел бы поподробнее разузнать его мысли о женитьбе на Эрике, но по языку его тела понял, что он не в настроении для этого. Разговор, происходящий в доме, видимо, дошел до точки кипения, потому что Лорен в бешенстве умчалась прочь, а Эрика быстро начала освобождать обеденный стол, разбивая тарелки в раковине и переставляя стулья. Алисса молча наблюдала, отступив назад.

— Хм, мы должны помочь ей? — спросил я.

Он покачал головой.

— Это ее способ. Просто позволь этому случиться.

Я щелкнул браслетом еще раз. Или два. Может, пятнадцать.

— Знаешь, в чем безумие? Курю я, а рак заработал ты.

— Все, что твое — мое...

— И все, что твое — мое, — ответил я.

— Если от этого тебе станет легче, то рак толстой кишки не связан с курением. Но курить ты должен бросить.

Я фыркнул на его воспитательский тон.

Но он не ошибался.

— У дедушки был рак толстой кишки, — сказал я дрогнувшим голосом. От этого он умер.

— Да, — кивнул Келлан. — Я знаю.

Единственный человек, который любил меня так же, как брат, был мой дед. Наблюдать за тем, как болезнь высасывала из него жизненные силы, было труднее всего в моей жизни. А еще хуже было то, что произошло это очень быстро. Сегодня он еще был, а несколько

месяцев спустя его не стало. У меня даже не было возможности попрощаться с ним, потому что он очень далеко жил.

— Слушай. Возможно, я мог бы остаться здесь на какое-то время. Меня действительно ничего не держит в Айове.

— Да? — спросил Келлан, шмыгнув носом и положив руки на затылок.

— Да. Ничего страшного. Я мог бы даже сходить проведать маму. Посмотреть, как у нее дела.

— Не очень хорошо, — сказал он. — Я собирался сходить к ней в конце недели, забрать ее продовольственные карточки и прикупить ей немного продуктов.

— Я могу забрать их завтра.

Он поежился.

— Не знаю, хорошая ли это идея, Логан. Знаешь... ты недавно избавился от зависимости, и вообще. Плюс то, что ты узнал. Не хочу, чтобы ты вернулся в этот мир.

— Все нормально, — заверил я его. — Я могу с этим справиться.

— Ты уверен?

Я засмеялся и толкнул его.

— Чувак. У тебя рак, а ты сидишь здесь и беспокоишься обо мне. Перестань. Ты заботился обо мне и маме всю нашу жизнь. Теперь моя очередь, ладно?

Когда слово «рак» слетело с моих губ, я словно почувствовал смерть.

— Хорошо, — вздохнул он, скрещивая на груди руки. — Мне нужно кое-что сделать завтра после того, как мы сходим к Ти Джею, но тебя может отвезти Эрика.

— Она сделает это?

— Если я попрошу, то да. Но не удивляйся, если перед этим вам придется сделать несколько остановок.

Я пожал плечом. Левым.

Он пожал плечом. Правым.

Мы наблюдали, как Эрика крушит дом, прежде чем снова начнет приводить его в порядок, и все это время я думал: а действительно ли я достаточно силен, чтобы снова встретиться со своим прошлым. Я не знал, что буду чувствовать, встретившись лицом к лицу с мамой.

Я не знал, насколько сильным был.

Глава 21

Алисса

— Логан? — прошептала я, стуча в дверь спальни.

В течение последних тридцати минут он не выходил из своей комнаты, и я могла себе только представить, что творилось в его голове после того, как он узнал о Келлане. Я вслушивалась в его шаги по комнате, прежде чем он открыл дверь. Шмыгнув носом, он провел рукой по лицу, а потом прищурил на меня глаза.

— Да?

Его глаза покраснели и слегка припухли. Мне хотелось дотянуться до него, обернуть вокруг него свои руки и притянуть ближе, извиняясь за его боль и страдания.

Ты плакал.

— Я просто хотела проверить и посмотреть, как у тебя дела, — тихо сказала я.

— Я в порядке.

Я сделала небольшой шаг в дверной проем, становясь ближе к нему и зная, что его состояние далеко от «в порядке». Келлан был миром Логана. Уехав в Айову, он поддерживал контакт только с братом. Игнорируя все мои звонки, он отвечал на каждый звонок Келлана.

— Ты не в порядке.

— В порядке, — кивнул он, взгляд его глаз был холодным. — Я в порядке. Я не собираюсь разваливаться на дерьмовые куски, Алисса. Люди заболевают раком каждый день. И каждый день люди побеждают рак. Он в порядке. Я в порядке. Все в порядке.

Любой нормальный человек не обратил бы на это внимания — на легкую дрожь его нижней губы — но не я. Я увидела, и это значило, что его сердце сейчас надрывается от боли.

— Ло, перестань. Это я. Ты можешь рассказать мне.

— А если быть точным, кто ты мне? — прошипел он голосом, полным горечи. — Как давно ты знала? Как давно ты знала, что он болен?

Я приоткрыла губы, собираясь ответить, но он продолжил говорить.

— Так ты знала? Одна тысяча девяносто сообщений, Алисса. Ты оставила мне тысячу девяносто сообщений. Ты звонила мне одну тысячу девяносто раз, но не нашла времени позвонить и оставить только одно сообщение, чтобы сказать мне, что у моего брата рак — тот же рак, от которого умер наш дед? — прошипел он, поднял руку и, схватившись за ручку, захлопнул дверь.

Я не удивилась. Все, что он сказал, было неприятно, но не соответствовало действительности. Хотя я и знала уже какое-то время о болезни Келлана, но это было не мое дело — рассказывать кому-то. Келлан заставил меня поклясться, что я этого не сделаю.

Приложив пальцы к двери, я закрыла глаза.

— Я живу в последнем доме на углу Черри-стрит и Уикер-авеню. Это желтый дом с цветочным горшком в форме пианино на переднем крыльце. Ты можешь зайти, если понадобится, Логан. Если тебе потребуется с кем-то поговорить. Ты можешь приходить всякий раз в любое время, когда тебе будет нужно.

Дверь распахнулась, и я слегка ахнула, когда он шагнул вперед, нависая надо мной. Лицо жесткое, а глаза, которые еще совсем недавно были покрасневшими от слез, сейчас смотрели со злым раздражением.

— Чего ты, блядь, не поняла?! — прошипел он. Он подходил все ближе, а я каждый раз делала шаг назад. Это продолжалось до тех пор, пока моя спина не уперлась в стену прихожей, а его тело не оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Наши рты были настолько близко, что, если бы я слегка наклонилась к нему, то смогла бы почувствовать губы, которые раньше всегда хотела ощущать напротив своих. Слова слетали с его языка, пронзая, словно иглы, каждым слогом. — Я не нуждаюсь в тебе, Алисса. Ты. Мне. Не. Нужна. Так что было бы здорово, если бы ты сделала одолжение и перестала вести себя так, будто мы друзья. Мы никогда не станем друзьями снова. Ты мне не нужна. И я не нуждаюсь в твоей гребаной поддержке.

Он вернулся в свою комнату и закрыл дверь. Я сделала несколько глубоких вдохов. Меня трясло нервной дрожью. Сердце в груди не переставало неистово колотиться, пока я шла к гостиной, чтобы забрать свою куртку и натянуть на ноги теннисные туфли.

Кто это был?

Это был уже не тот мальчик, которого я знала много лет назад. Не тот, кто был моим лучшим другом. Он ощущался совершенно для меня чужим.

— Ты в порядке? — спросила Эрика, взглянув на меня и нахмурившись.

Я пожала плечами.

— Ты можешь просто быть с ним немного помягче, Эрика?

— Серьезно? — фыркнула она раздраженно. — Он просто накинулся на тебя — именно накинулся — и ты просишь, чтобы я была с ним помягче? Да я в двух секундах от того, чтобы приказать ему выметаться ко всем чертям из моего дома.

— Нет, — быстро сказала я, качая головой. — Нет. Не надо. На него столько свалилось. Я имею в виду, что даже не могу себе представить... Если бы это была ты... — мои слова оборвались. Я не была уверена, как бы сама отреагировала, узнав, что у моей сестры рак. — Просто дайте ему отдохнуть.

Ее поза стала более расслабленной.

— Хорошо.

Обняв меня, она прошептала:

— Для тебя будет лучше держаться от него на расстоянии, Али. Ты ведь знаешь, что это правильно. Я знала, что новая встреча с ним причинит тебе боль.

— Все хорошо, — я обошла ее и пожала плечами. — Я справлюсь с этим.

— Да, но просто к лучшему будет держаться на безопасном расстоянии. Для обоих ваших сердец.

Я согласна. К тому же, не очень заметно, чтобы он в обозримом будущем хотел приближаться ко мне.

Глава 22

Логан

Я прижимался спиной к двери спальни, пока не услышал, что Алисса ушла. Трудно будет оттолкнуть ее, если я останусь в городе, потому что большая часть меня всегда хотела быть как можно ближе к ней.

Я сидел в спальне с открытым интернет-браузером в телефоне, разыскивая в сети всю возможную информацию о раке толстой кишки. Я просматривал информацию страницу за страницей, и меня накрывало паникой больше, чем, я думал, мог справиться. Какое-то время я читал истории выживших, но потом каким-то образом забрался в темные глубины интернета, где были рассказы о тех, кто очень быстро умер от рака кишечника.

Я находил народные средства. Я находил мифы. Мои глаза оставались открытыми, пока в окно спальни не забрезжили лучи восходящего солнца. Когда глазам стало тяжело, как и моему сердцу, я отключил телефон.

Единственное, что я узнал за эту ночь — WebMd — это дьявол, и Келлан, скорее всего, не изучал его по ночам. (Примеч.: WebMd — мобильное приложение, содержащее справочник по лекарствам, заболеваниям и способам их лечения).

Я достал сигарету и прикурил ее. Открыв окно, я положил сигарету на подоконник и позволил себе те несколько мгновений боли.

Глава 23

Логан

В офисе Джеймса Петтерсона было холодно. Холоднее, чем это было необходимо. Конечно, снаружи стояла тридцатиградусная жара, что было непривычно жарко для Висконсина, но не было никакой необходимости превращать кабинет в кусок айсберга.

Джеймс — или Зубочистка Джимми, Ти Джей, как его называли все в городе за худобу и высокий рост — был единственным врачом, которого я знал и которому доверял. (Прим.: Toothpick Jimmy — TJ — зубочистка Джимми — Ти Джей).

Тем не менее, он не был похож на обычного врача. Часто я задавался вопросом: а был ли Ти Джей настоящим врачом или просто, заскучав как-то раз субботним вечером, он купил стетоскоп, надел белый халат и больше не расставался с ним. К тому же, жил он в квартире прямо над своим кабинетом, который, кстати, выглядел так, словно в нем работал ненастоящий врач. На каминной полке за его столом была огромная голова оленя, которого, как он клялся, сам застрелил буквально с закрытыми глазами. Помимо головы оленя, здесь было то, что выдавалось за мех черного медведя, но на самом деле это был обычный ковер, купленный, скорее всего, на распродаже в «Уолмарте». Но Ти Джей настойчиво продвигал историю о том, как он убил медведя, держа в правой руке банку пива, а в левой — ружье. На углу стола, справа, стояла банка драже с лакрицей. Это взрывало мой мозг — как врач мог откровенно предлагать своим пациентам так много сладостей. Но у Ти Джея был свой умысел — он знал, что его жене Эффи, одному из немногих стоматологов в городе, требуются новые пациенты. Но Ти Джей и его жена должны были более грамотно подойти к выбору конфет, потому что никто в здравом уме не будет есть лакрицу.

Я скрестил руки на груди и прижал их к телу, чтобы согреться. Черт. Я замерз. Я перевел взгляд к стулу, на котором сидел Келлан. Когда я посмотрел на Ти Джея, то увидел, что его губы все еще быстро двигались. Он снова и снова объяснял ситуацию. По крайней мере, я думал, что это так, хотя не мог быть уверен, потому что больше не слушал. Я точно не знал, в какой момент перестал слышать слова, слетающие с его языка, но последние пять или десять минут просто наблюдал за движениями его рта. Бессмысленные звуки, слетающие с его губ.

Руками я намертво вцепился в края стула. Самой ужасной частью встречи было состояние шока, когда я не понимал, смеяться мне или плакать, услышав диагноз. Не знал, должен ли я был взбеситься и пробить стену. Я задыхался от непреодолимого желания спрятаться. Паническое сердцебиение, сотрясавшее мой организм, было ужасающим, но привычным. Страх и гнев делали каждое мгновение невыносимым.

— Логан, — сказал Ти Джей, снова втягивая меня в разговор. — Для твоего брата это не конец. С ним работают лучшие врачи штата. Он получает лучшее лечение.

Келлан потер пальцами шею и кивнул.

— Это не конец для меня, Логан. Это просто временный сбой, — покачал он головой, произнося эти слова, и это меня смутило. Если это не конец, то почему он качает головой, а не кивает?

Я потер рукой правую щеку и прочистил горло.

— Нам нужно второе мнение.

Я начал расхаживать по небольшому крыльцу внутреннего дворика, ероша волосы руками.

— А потом нам нужно будет третье мнение. И четвертое.

Ведь именно это делают все люди, не так ли? Ищут ответ, который больше устраивает. Который больше обнадеживает. Нам нужен лучший ответ.

— Логан, — Ти Джей поморщился. — Ожидание второго ответа только отнимет у нас время. Мы уже ведем активную борьбу и надеемся...

Это случилось снова. Я перестал слушать. Беседа продолжилась, но я не сказал ни

слова. Здесь больше нечего было сказать.

Весь обратный путь до дома мы с Келланом проделали в тишине, но мой мозг не затыкался, снова и снова повторяя слово «рак».

Мой брат, мой герой, мой лучший друг болен раком.

И я больше не мог дышать.

***

Когда Келлан сказал мне, что Эрика захочет кое-где остановиться, прежде чем отвезет меня к маме, я и представить себе не мог, что мы будем торчать по двадцать минут около каждого из пяти рядов магазина. Это был первый полноценный день с того момента, как Келлан сообщил мне новость о своем здоровье, и я каждую минуту только и думал о наркотиках, чтобы справиться, — это было бы лучше, чем каждая проведенная здесь секунда. У Эрики был своеобразный вид наркомании, которая помогала ей справляться со стрессом, и называлась она «Потери Барн». (Прим.: Pottery Barn — американский магазин предоставляющий эксклюзивную мебель, декор и аксессуары для дома).

— Как долго мы еще пробудем здесь? — спросил я Эрику, пока мы стояли у витрины с непомерно дорогими тарелками. Мы простояли там не меньше двадцати минут, пока она обдумывала, какой новый набор тарелок купить, ибо поняла, что расколотила в доме практически весь китайский фарфор.

— Будь любезен замолчать, — приказала она, скрестив руки и прищутив глаза. Ее рассудок, очевидно, еще не пришел в норму. — На это нужно время.

— Совсем нет, — я указал в сторону сервизов. — Смотри. Тарелки. Ой, смотри, еще тарелки! Ну и ну, а что же у нас здесь, Эрика? Почему-то мне кажется, что тарелки.

— Почему ты всегда должен быть таким невыносимым? Я действительно надеялась, что за эти пять лет ты немного повзрослел.

— Прости, что разочаровал. Но если серьезно, может, мы уже пойдем?

Она раздраженно взглянула на меня.

— Так или иначе, почему ты так торопишься увидеть свою мать? Ты отсутствовал пять лет, свалив все на плечи Келлана. Он должен был находиться там, когда она лишалась рассудка, а ты даже не находил времени провести ее. Ты никогда ей не звонил, и вообще... Так почему сейчас?

— Потому что у моего брата рак, моя мать — наркоманка, и я чувствую себя дерьмовым сыном и братом за то, что уехал и не возвращался. Ты это хотела услышать, Эрика? Я понимаю — это я все изгадил. Но если бы ты могла искренне на пару секунд перестать тыкать этим мне в лицо, это было бы действительно чертовски здорово.

Она разок фыркнула, раскачиваясь взад-вперед на своих каблуках. Ее взгляд переместился с меня к тарелкам перед нами, и мы снова вернулись к молчанию.

Пять минут. Десять минут. Пятнадцать гребаных минут.

— Этот, — кивнула она, указывая перед собой. — Я беру этот. Логан, возьми два набора, — и, развернувшись на каблуках, она отправилась в сторону кассы, оставив меня в изумлении.

— Зачем мне брать два комплекта? — крикнул я.

Она не удосужилась ответить, а просто прибавила шаг. Жонглируя двумя наборами тарелок в руках, я, шатаясь, прошел через весь магазин и поставил коробки перед кассиром. Эрика и я сохраняли молчание, пока кассир озвучивал нам итоговую цену тарелок.

— Сто восемь долларов и двадцать три цента.

— Ты издеваешься? — выдавил я. — Хочешь заплатить больше ста баксов за тарелки?

— Не твое дело, на что я трачу свои деньги.

— Да. Но перестань, Эрика. Ты легко можешь покупать дешевые тарелки в магазине, где все за доллар, зная, что вероятнее всего, ты завтра снова их разобьешь.

— Я не спрашиваю, куда Келлан тратит свои деньги. Или, скажем, кому он их отсылает. Так что я бы предпочла, чтобы ты не интересовался моими расходами.

— Ты знала, что Келлан давал мне деньги?

— Конечно знала, Логан. Дело в том, что из Келлана плохой лжец. Меня не волнует, что он давал тебе деньги, но... — она вздохнула, и ее взгляд, обратившийся ко мне, смягчился. Впервые с тех пор, как я вернулся, она выглядела так, словно сдалась. — Не подведи его, Логан. Он устал. Он уже не тот, что раньше. Он обессилен. Твое возвращение сюда сделало его счастливым. То, что ты сейчас здесь, хорошо для него. Просто будь умницей, ладно? Пожалуйста. Пожалуйста, не подведи его.

— Я клянусь, что не принимаю наркотиков, Эрика. Это не просто какая-то херня, лишь бы сказать. Я действительно чист.

Мы взяли по коробке и пошли к машине. Поставили все в багажник, сели в автомобиль и поехали в сторону маминого дома.

Она кивнула.

— Я верю тебе. Но мы собираемся проведать твою маму, и я знаю, как сильно она тебя провоцировала.

— Я уже не тот ребенок, каким был.

— Да, я услышала тебя. Но поверь мне. Твоя мать осталась такой же. Иногда я думаю, что люди, и правда, не меняются.

— Они меняются, — сказал я. — Если дать им шанс, они могут измениться.

Она с трудом сглотнула.

— Надеюсь, ты прав.

Мы добрались до маминого дома, и я спросил Эрику, зайдет ли она. Но она, оглядевшись вокруг, отказалась.

— Я останусь здесь.

— Внутри будет безопаснее.

— Нет. Все нормально. Я не очень хорошо переношу зрелище... такого образа жизни.

Я не осуждал ее.

— Я скоро спущусь.

Мой взгляд метнулся вдоль темных улиц, и я увидел несколько человек, тусующихся на углу, — точно так же, как и в моем детстве. Возможно, Эрика немного права. Возможно, некоторые люди, вещи и места никогда не изменятся. Но я должен верить, что некоторым это удалось. А иначе, что именно я сделал с собой?

— Просто не торчи там целую вечность, ладно? Концерт Келлана начинается через сорок пять минут, — сказала Эрика.

— Значит, это не мы потратили два часа, разглядывая тарелки, а?

Она показала мне средний палец. Уверен, в знак симпатии.

— Я быстро. С тобой здесь все будет в порядке?

— Со мной все хорошо. Просто поторопись.

— Эй, Эрика? — сказал я, вылезая из машины.

— Да?

Я еще раз оглядел людей на углу улицы, смотрящих в нашу сторону.

— Заблокируй двери.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

Я не знал, на что шел. Знал, что будет плохо, но, полагаю, не знал, насколько плохо мама. Келлан всегда быстро заканчивал разговоры об этом, утверждая, что я должен заботиться о собственном благополучии, а не о маминном. Настало время для него последовать собственному совету. Но это означало, что кто-то должен ходить и проверять ее, и делать это придется мне. Я не мог подвести Келлана, когда он больше всего во мне нуждался.

Входная дверь была не заперта, и это меня изрядно встревожило — внутренности стянуло узлом. В квартире был полный разгром. Повсюду валялись пивные банки, бутылки из-под водки, пустые упаковки от таблеток и грязная одежда.

— Господи, мама... — пробормотал я сам себе в некотором шоке. Тот же сломанный диван стоял рядом с тем же отвратительным журнальным столиком. Я солгал бы, сказав, что не заметил пакетик кокса на нем.

Я щелкнул своим браслетом.

Просто дыши.

— Убирайся! — услышал я крик из кухни. Мамин голос был громким и испуганным. Сердце рухнуло в живот, и я вернулся в ад. Я поспешил в кухню, готовый вырвать ее из рук моего отца, зная, что каждый раз, когда она кричала, его кулаки пробивали ее душу. Но, войдя в кухню, я нашел ее одну в состоянии панической атаки. Она упорно, до красноты, расчесывала кожу. — Отвали от меня! Отвали от меня! — кричала она все громче и громче.

Я сжал руки и пошел в ее сторону.

— Ма, что ты делаешь?

— Они на мне повсюду! — кричала она.

— Кто на тебе?

— Тараканы! Они повсюду! Они повсюду на мне! Помоги мне, Келлан! Убери с меня это дерьмо!

— Мама, это я, Логан.

Тусклыми глазами она посмотрела в мою сторону, и на долю секунды она напомнила мне трезвую маму. А потом снова начала чесаться.

— Все хорошо. Все в порядке. Давай пойдем в душ. Хорошо?

Мне не составило большого труда усадить ее в ванну и включить над ней душ. Она продолжала расчесывать кожу, а я сел на крышку унитаза.

— Мам, Келлан сказал мне, что ты собиралась меньше употреблять?

— Да, — она быстро закивала. — Разумеется. Разумеется. Келлан предложил отправить меня в реабилитационный центр, но я не знаю. Я смогу сделать это сама. Кроме того, это стоит больших денег.

Она встретилась со мной взглядом и протянула ко мне руки.

— Ты пришел домой. Я знала, что ты придешь домой. Твой отец говорил, что нет, но я знала. Он все еще продает мне иногда, — она посмотрела вниз и начала мыть ноги. От вида синяков на ее спине и ногах я подавился. Я знал, что они оставлены моим паразитом-папашей. И от того факта, что меня не было там, чтобы встать между ними, я почувствовал себя практически таким же отвратительным человеком, как и он.

— Как ты думаешь, я красивая? — прошептала она. Слезы текли по ее щекам, но, думаю, она даже не понимала, что плачет.

— Ты прекрасна, мама.

— Твой отец назвал меня уродливой сучкой.

Я сжал руки в кулаки и сделал несколько глубоких вдохов.

— Да пошел он. Тебе будет лучше без него.

— Да. Конечно. Конечно, — она снова быстро закивала. — Я просто хотела, чтобы он любил меня, вот и все.

Почему мы, люди, всегда хотим любви от тех, кто неспособен на это чувство?

— Можешь вымыть мне волосы? — спросила она.

Я согласился и слегка коснулся синяков на ее коже, но она, похоже, даже не реагировала. Некоторое время мы сидели и слушали звук воды. Я не знал, как с ней общаться. Я даже не был уверен, хотел ли, но молчание слишком затянулось и через какое-то время стало неестественным.

— Я собирался завтра сбежать для тебя в магазин, мам. Хочешь отдать мне твою продуктовую карточку?

Она закрыла глаза.

— Вот так так! Дерьмо. Кажется, я забыла ее в квартире у подруги прошлой ночью. Она живет ниже по улице. Я могу сходить забрать ее, — сказала она, пытаясь встать, но я остановил ее.

— У тебя еще мыло в волосах. Промой их, оберни полотенцем и выходи в гостиную. Мы решим вопрос с едой позже.

Я встал и вышел. Оказавшись в гостиной, я бросил взгляд на пакетик кокаина на столе.

— Блядь.... — прошептал я, щелкая браслетом.

Сфокусируйся. Это не твоя жизнь. Это не твоя история.

Доктор Кан говорила, что, когда я покину реабилитационный центр, могут возникать моменты, в которые я обнаружу себя в секундах от того, чтобы ступить в беличье колесо моего прошлого. И тогда должен сказать себе, что это больше не моя история.

Руки вспотели. Я сел на диван. Не знаю, как это получилось, но почему-то пакетик кокаина оказался в моих руках. Я закрыл глаза, глубоко вдыхая. Грудь горела в огне, разум взбесился. Вернуться в город и остаться — это для меня слишком, но бросить Келлана — тоже не вариант.

Как я собирался выжить?

— Слушай, мы опаздываем, — Эрика ворвалась в квартиру и остановилась, увидев меня с кокаином в руках. Я быстро обернулся, посмотрел на кокаин, потом на Эрику. Она вздохнула: — Картина маслом, — и, развернувшись на каблуках, быстро вышла из комнаты. Я тут же выскочил за ней, окликая ее по имени, но она игнорировала меня весь путь к машине. После того, как мы оказались внутри, она завела двигатель и отъехала от тротуара. Прошло несколько минут, в течение которых мы не обменялись ни словом.

— Слушай, то, что ты видела там... — начал я, но она покачала головой.

— Не говори.

— Эрика, это не то, о чем ты подумала.

— Я не могу этого делать, Логан. Не могу. Я не могу быть твоим водителем в этих авантюрах. Я не могу видеть, как ты разочаровываешь своего брата.

— Я не употребляю.

— Ты лжешь.

Вскинув руки в знак поражения, я вздохнул.

— Я даже приблизительно не знаю, как убедить тебя.

— Тогда не делай этого.

— Прекрасно. Не буду.

Пальцы Эрики крепко сжали рулевое колесо, а я наблюдал, как раскачивается взад-вперед висевший на зеркале заднего вида освежитель воздуха.

— Он болен и пытается не показывать, как беспокоится о тебе и о вашей матери, но ему страшно. Думаю, мы должны взглянуть в лицо реальности. А реальность в том, что я видела тебя с наркотиком в руке. Последнее, в чем нуждается Келлан, это испытывать из-за тебя дополнительный стресс.

— Что творится у тебя в голове? Ты сочиняешь эти безумные сказки и судишь о людях по тому, чего не было. Знаешь ли ты, что очень похожа на свою вечно всем недовольную мать?

Она подъехала к ресторану и припарковала машину. А потом повернулась ко мне и резким тоном сказала:

— А ты — точная копия своей!

Глава 24

Логан

— Я не похож на свою мать! — с шипением прошептал я, догоняя Эрику в ресторане Джейкоба.

— Я видела тебя! — также прошипела она шепотом, сильно толкая меня в грудь. — Я видела тебя, Логан!

— Ты думаешь, что видела нечто, но это не так. Я не собирался.

— Не ври мне, ты, придурок! Как ты мог?! Ты же обещал! Ты обещал!

Прежде чем я успел ответить, подошел Келлан.

— Ребята, почему вы так долго? — спросил он.

Хмурое выражение, приклеенное к лицу Эрики, быстро исчезло, когда она увидела беспокойство в глазах своего жениха.

— Я просто должна была сделать по пути остановку, — сказала она, целуя его в щеку. — Но мы здесь! И я не могу дождаться того, чтобы увидеть твоё выступление.

Все еще встревоженный взгляд Келлана переместился на меня. Я слегка пожал плечами, не в состоянии когда-то по-настоящему соврать своему брату. Его брови понимающе опустились. Он кивнул в сторону входной двери.

— Не хочешь пойти подышать со мной воздухом, Ло? Мое выступление не раньше, чем через пятнадцать минут.

— Да, конечно, — ответил я, засовывая в карманы джинсов руки, все еще сжатые в кулаки из-за того, что минуту назад мне сказала в машине Эрика. Хотя, в действительности, я не мог на нее злиться. Личность, которой я был до отъезда отсюда много лет тому назад — это единственный человек, каким она меня знала. В ее глазах я был мудаком-наркоманом, изгадившим собственную жизнь и разбившим сердце ее сестры, потому что ни разу не перезвонил ей. В ее глазах я был придурком, который чуть не убил Келлана и Алиссу той ночью, когда, будучи под кайфом, схватился за руль. Я был человеком, по вине которого Алисса потеряла нашего ребенка. В глазах Эрики я был обузой для Алиссы и Келлана,

которые заслуживают того, чтобы сбросить с себя это. В ее глазах я — это был тот я, которым я очень старался никогда не стать снова.

Мы с Келланом вышли на улицу, и холод осенней ночи мгновенно ударил нам в лицо. Он прислонился спиной к кирпичной стене бара, уперев левую ногу в камни, закрыв глаза и подняв голову к небу. Я полез в карман за сигаретой, но остановился.

Дерьмо.

Не курить.

Я прислонился к стене рядом с ним.

— Как ты держишься? — спросил я, доставая зажигалку и начиная щелкать ей туда-сюда.

— Честно?

— Да.

Он открыл глаза, и я увидел, как он борется со слезами.

— Я упражнялся на гитаре, и моя рука начала дрожать. На днях такое тоже было. Мои руки не перестают трястись. Думаю, это все в моей голове, потому что я боюсь химиотерапии. Я много читал в интернете про химию мозга. Это когда человек как бы теряет некоторые когнитивные функции. Так что, возможно, я даже не смогу больше играть на гитаре. Или писать тексты. Я имею в виду... — он прикусил нижнюю губу и глубоко вздохнул. Мой крепкий, всегда сильный брат медленно ломался. И я ничего не мог с этим поделать.

— Я имею в виду... музыка... это я. Это моя жизнь. Я провел так много времени, убегая от нее. А теперь, если я не смогу играть на гитаре...

— Я буду играть для тебя, — сказал я, именно это и подразумевая.

Он заржал.

— В твоем теле нет ни одной музыкальной косточки, Логан.

— Я могу научиться. И, черт, помнишь, как ты научился готовить, когда мой отец сломал мне руку?

— В тот единственный год, когда я сделал индейку на День Благодарения?

Я усмехнулся.

— И ты кричал: «Кто знал, что проклятую индейку нужно было размораживать больше четырех часов?», когда пытался ее разрезать.

— Но серьезно? Кто это знал?

— Хм, каждый, у кого есть мозги? Хотя, отдавая тебе должное, я никогда не видел индейку, полностью сгоревшую снаружи и абсолютно сырую внутри. Для этого нужен талант. Что мама сказала об этом? — спросил я, вызывая в мыслях несколько приятных совместных воспоминаний.

Мы сказали хором:

— Что это за херня? Если вы хотели моей смерти, то лучше бы воспользовались ножом. Это было бы менее болезненно, чем эта чертова индейка!

В этот раз мы с Келланом оба рассмеялись. Это было не так уж смешно, но мы хохотали от души, смеясь так сильно, что у обоих разболелись ребра. От воспоминаний слезы текли по нашим лицам.

Когда смех прекратился, пространство заполнилось холодной тишиной, но, по крайней мере, это молчание не было одиноким — со мной был мой брат.

— Как она сегодня? — спросил Келлан про маму.

— Это не твоя забота, Кел. Серьезно. Я вернулся, так что теперь она на моих руках. У тебя достаточно своих забот. Теперь моя очередь помогать.

Он склонил голову в мою сторону.

— Да, но что насчет тебя? Как ты держишься?

Я вздохнул.

Я не мог сказать ему, как близок был к тому, чтобы сорваться. Я не мог сказать, насколько разбилось мое сердце при виде мамы в таком состоянии. Я не мог сдаться, когда он нуждался во мне больше всего. Я должен быть сильным для него, потому что его жизнь была жизнью человека, который спас меня. Я не был героем и не был спасителем, но я был его братом и искренне надеялся, что этого будет достаточно.

— Со мной все хорошо, Келлан, — сказал я.

Он не поверил.

— Все хорошо, честно.

Келлан знал, что это была ложь, но не стал уличать меня в ней.

— Я действительно беспокоюсь за маму. И не знаю, как ей помочь... И если я уйду... — он сделал паузу, его внутренние демоны и страхи случайно проскользнули между его губами.

Оттолкнувшись от стены, я встал перед ним.

— Нет. Нет. Ты не должен говорить подобное, ладно? Смотри, ты здесь. Тебе сделают химиотерапию. Это поможет. Договорились?

В его взгляде отражались все его сомнения.

Я слегка толкнул его в плечо.

— Ты не умираешь, Келлан. Договорились?

Его подбородок слегка задрожал, и он кивнул.

— Договорились.

— Нет, скажи так, как будто ты в этом уверен. Ты не умираешь! — сказал я, повышая голос.

— Я не умираю.

— Еще раз!

— Я не умираю! — сказал он в холодный воздух.

— Еще раз!

— Я ни хера не умираю! — выкрикнул он в последний раз, победно вскинув руки и улыбаясь.

Я притянул его в крепкие объятия, прижимая близко к себе. Спрятав слезы, побежавшие по моему лицу, я слегка кивнул головой и прошептал:

— Ты не умираешь.

Мы вернулись в ресторан, и я увидел его выступление. Надо признать, руки у него действительно дрожали, но его музыка была лучшей из всего, что я слышал. Эрика смотрела на него так, словно видела вечность в душе этого парня. Она любила его. И это причина для меня, чтобы полюбить ее. Даже если она ненавидела меня всего с потрохами, самая большая часть меня любила ее за то, что она любит моего брата до глубины души.

— Я должна вернуться и закончить проверять свою письменную работу, — сказала Эрика после того, как Келлан закончил выступление. Мы все стояли в баре с напитками в руках, смеясь с Джейкобом и на некоторое время позабыв о реальности предстоящих дней.

— Я поеду с тобой, — сказал ей Келлан. Он сунул руку в карман и бросил мне ключи от машины. — Ты можешь вернуться на моей машине, Логан.

Возможно, для всех остальных эти слова ничего не значили, но они говорили, что он доверял мне. Он всегда доверял мне, даже когда я этого не заслуживал.

— Встретимся у твоей машины, Эрика. Я только захвачу гитару.

Она кивнула и ушла. В тот же момент Келлан наклонился к Джейкобу с совершенно искренним выражением лица.

— Эй, мужик, я просто хотел, чтобы ты знал. Если со мной что-то случится... — он сделал паузу, повернулся в мою сторону и усмехнулся, — чего не произойдет, потому что я не умираю. Но если вдруг что-то случится, мне было бы легче, если бы ты присмотрел за Эрикой. Мне так было бы лучше.

Джейкоб наклонился вперед, поставив локти на столешницу.

— И именно сейчас я скажу, чтобы ты отвалил и не смел даже думать о чем-то подобном.

Келлан ухмыльнулся.

— Нет, в самом деле. Ты позаботишься о ней?

— Мы не будем говорить об этом, — ответил Джейкоб.

— Да, Кел. Хватит драматизировать, — согласился я.

— Чувак, у меня рак.

— Не смей, блядь, шантажировать меня своим раком, — рявкнул Джейкоб, бросив в него тряпкой. — Меня это не интересует, — шутливо добавил он.

— Но пообещай мне, что позаботишься о ней, — попросил он в последний раз.

Джейкоб вздохнул, сжимая переносицу.

— Хотя с тобой НИЧЕГО не случится, но если от этого тебе станет легче спать, то да. Эрика будет окружена заботой. Я обещаю.

По виду Келлана было заметно, что ему стало легче, его плечи расслабились. Он кивнул и пошел вслед за своей невестой. Набрасывая куртку и собираясь уходить, я подозвал Джейкоба. Склонившись вплотную к нему, я схватил его за белую футболку и впился в него взглядом.

— Если когда-нибудь увижу, что ты как-то подкатываешь к Эрике, клянусь Богом, я отрежу тебе яйца и заставлю их сожрать.

Он фыркнул и засмеялся, пока не увидел, что мое лицо совершенно серьезно.

— Чувак, Эрика мне как сестра. Это отвратительно. А вот девушка Алисса, напротив... — он ухмыльнулся и пошевелил бровями.

— Ты страшный человек, — сказал я сухо.

Он рассмеялся.

— Я шучу. Брось. Это забавно. Поверь мне, девчонки Уолтэрс для меня под запретом.

— Хорошо. Я просто хотел убедиться, что мы понимаем друг друга.

— Так и есть. К тому же, Келлан не умирает.

Я кивнул в знак согласия.

Келлан не умирает.

Глава 25

Логан

Засунув руки в карманы, я раскачивался на пятках взад-вперед на крыльце Алиссы. Не знаю, как это получилось, но я обнаружил себя стоящим здесь. Я сомневался, что она вообще откроет дверь, увидев меня. Но мне больше некуда было идти. Не к кому обратиться.

Она открыла дверь, и мой взгляд заскользил по ее телу, облаченному в белую майку и узкие синие джинсы. Встретившись с ней взглядом, я чуть не заплакал. Всего лишь находясь рядом с ней, я сразу вспомнил, как это ощущается — не быть одиноким.

Она скрестила руки на груди и выгнула бровь.

— Чего ты хочешь, Логан? Снова хочешь накричать на меня? Заставить меня почувствовать себя дерьмом? Потому что сейчас почти час ночи, и я действительно не хочу это выслушивать.

Ее решительная поза почти заставила меня рассмеяться. Но, открыв рот, я ощутил ком в горле. Я видел, как ее взгляд смягчился, и она вышла на крыльцо.

— Что такое? — спросила она с тревогой и заботой, которая всегда отчетливо слышалась в ее словах. Я затряс головой. Живот скрутило.

— Он... — я откашлялся и засунул руки глубже в карманы. Мой взгляд опустился на потертые доски ее крыльца. — Он...

— Ло, поговори со мной.

В утешительном жесте она положила руку мне на грудь, над самым сердцем. И совершенно бессознательно под ее прикосновением оно начало ускоряться.

— Что случилось?

Я открыл рот, но в горле снова стоял ком. Мое тело затряслось, пока я пытался выдавить из себя слова.

— Когда мне было одиннадцать лет, мой отец заставил меня сидеть под проливным дождем за то, что я не так на него взглянул. Я находился там четыре часа, сидя на коробке от молока, а он следил из окна, чтобы я не двинулся с места. И, хм... приехал Келлан, чтобы отдать мне какие-то вещи. Ему было почти пятнадцать, но он понимал, что мама на тот момент находилась в одном из самых глубоких своих провалов, поэтому заходил, чтобы проведать меня. Приносил мне еду. Одежду, из которой он вырос. Подойдя к дому, он увидел меня, сидящего там и промокнувшего насквозь. И я увидел, как покраснело его лицо, а правая рука сжалась в кулак. Я сказал ему, что со мной все в порядке, но он не обратил на это внимания, а втащил меня в квартиру и стал кричать на моего отца. Он обзывал его то паразитом, то неудачником. Это было безумием, правда. Ведь ты знаешь моего отца. Люди не перечат ему. Люди даже не смотрят ему в глаза. Но Келлан сделал это. Он выпятил грудь и со взглядом «ты-сукин-сын» сказал ему, что если он когда-нибудь еще поднимет на меня руку или придумает очередное безумное дерьмо, вроде сидения под дождем, то Кел убьет его. Знаю, что он сказал это не всерьез. Келлан и мухи не обидит. Но он встал между мной и самым моим большим страхом. Он боролся за меня, когда я не мог. И мой отец ударил его, — я медленно перевел дух, вспоминая. — Он сильно его ударил. Но Келлан поднялся. Он поднимался снова и снова. Ради меня. Он поднимался ради меня. Он всегда заботился обо мне, понимаешь? Он мой старший брат. Он мой... — моя голова качалась взад-вперед. Внутренности стянуло узлом до боли. — Он... — я прочистил горло, засунул руки глубже в карманы и опустил взгляд на свои потрепанные шнурки. — Он умирает.

Я кивнул головой, понимая, что как только эти слова слетят с моих губ, они станут реальностью. Мой брат, мой герой, мой мир — умирает.

— Келлан болен. Он умирает, Хай. Он умирает.

Я непроизвольно пожал плечами, пытаюсь бороться с навернувшимися слезами. Я хотел замолчать, хотел перестать говорить, но не мог остановиться и повторял самые страшные слова в мире.

— Он умирает. Он умирает. Келлан умирает.

— О, Логан...

— Как давно ты узнала? Как давно ты знаешь, что он болен? Почему ты не позвонила мне? Почему не... Он умирает... — я зарыдал. Боже, я был не в себе. Я был в секундах от того, чтобы сбежать. Но потом она потянулась ко мне. Обняла меня. Просто обвила меня своими руками и молчала. Просто крепко обнимала, пока я терял себя на ее крыльце той летней ночью.

На мгновение мы снова были нами. На мгновение она стала огнем, согревающим в ночи мое остывшее сердце. На мгновение она стала моим спасителем. Моя безопасная гавань. Моя светлая, прекрасная Хай.

Но каждый взлет всегда сменяется падением.

— Что происходит? — спросил глубокий голос из-за спины Алиссы. Я открыл глаза, когда он снова спросил: — Кто это?

Он стоял, одетый в рубашку на кнопках с закатанными до локтей рукавами, брюки и дорого выглядящие ботинки. После его выхода на крыльцо я смущенно отошел от Алиссы.

— Дэн, это Логан. Мой... — она колебалась, потому что точно не знала, кто мы теперь друг другу. Правда заключалась в том, что мы были никем. Мы были мимолетными воспоминаниями о том, что было когда-то. Только и всего. — Он — мой старый друг.

Старый друг?

Я любил тебя.

Старый друг?

Ты изменила меня.

Старый друг?

Я чертовски сильно по тебе скучаю.

— Все в порядке? — спросил он. Прищурившись, Дэн подошел к Алиссе и в защитном жесте положил руку ей на плечо. И на долю секунды у меня возникло желание ударить его за то, что он касался моей девушки. Но потом я вспомнил.

Она не моя.

Она не моя уже много лет.

Алисса пожала его руку, лежащую на ее плече.

Я отвернулся.

— Я уже уйду, — засмеялся я, но ничего смешного не было. Щелкнув браслетом по запястью, я стал спускаться по ступенькам, слыша, как Алисса зовет меня.

Я проигнорировал ее.

А еще я проигнорировал пламя, охватившее мою душу.

Мир никогда не давал обещаний, но я всегда был уверен, что он обманет меня.

***

Я сидел на рекламном щите и смотрел на звезды, сияющие в небе. Глаза слипались, но я не мог вернуться в дом Келлана. Не мог его видеть. Я хотел спать и в какой-то момент решил, что просто останусь здесь под открытым небом и буду дремать, пока солнце не разбудит меня. Но закрывая глаза, я вспоминал то, что произошло несколькими часами раньше, когда Ти Джей подтвердил самую худшую новость в моей жизни. Сердце болело сильнее, чем это было позволительно.

Он мой брат.

Я не мог себе представить, что его не станет. И ненавидел себя в этот момент. Я

ненавидел себя за то, что большая часть меня хотела сбежать прочь в поисках наркотиков. Большая часть меня хотела вытащить телефон и позвонить тем людям, которых больше никогда не должен видеть, чтобы они помогли мне найти какого-нибудь дерьма. Большая часть меня хотела свалиться вниз, в кроличью наркоманскую нору, потому что внизу, в норе, не существовало чувств. Когда человек в кроличьей норе, для него по-настоящему ничего не существует, поэтому реальная боль никогда не всплывает.

Я согнул ноги и обхватил руками колени. Я не молился. Я не верил в Бога. Но на мгновение обдуманно стал лицемером. Закрыв глаза, я поднял голову к небу.

Сначала раздались тихие шаги. Затем металлическая лестница начала слегка раскачиваться взад-вперед, когда она начала подниматься вверх.

Она несла полиэтиленовый пакет. Все в тех же узких джинсах и майке, все с тем же беспокойством в глазах.

Она слегка пожала плечами — в словах не было необходимости, но я знал, что она просила разрешения присоединиться ко мне. Я пожал плечами в ответ, и она знала, что это означало «да». По мере приближения ее шагов, я почувствовал жжение в глазах. Сердце заколотилось. Она села слева от меня, согнув ноги и обхватив колени руками, как и я. Мы повернули головы друг к другу и встретились взглядами. Открыв полиэтиленовый пакет, она достала из него пачку «Орео», пластиковый контейнер малины, галлон 2 % молока и два красных одноразовых стакана. Я слушал шуршание пакета, пока она распечатывала печенье, вскрывая небольшую часть нашего прошлого. Я открутил крышку на молоке и налил в два стакана. Она разъединила половинки печенья, положила между ними малину, сложила их вместе и протянула мне.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз ел «Орео» с малиной.

Ее губы изогнулись в полуулыбке, и она кивнула.

Я кивнул ей в ответ.

— Ты в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун, — сказала она.

— Я в порядке, Алисса Мари Уолтерс, — ответил я.

Съев две упаковки печенья с малиной, мы отвернулись друг от друга и уставились на вспыхивающее огнями небо.

Когда ей стало холодно, я отдал ей свою толстовку.

Когда мое сердце разрывалось, она держала меня за руку.

Глава 26

Алисса

— Эй, проснись, — я почувствовала, как кто-то легко толкнул меня в бок, и потеряла глаза руками. Медленно разлепила веки, и мне в лицо ударил яркий солнечный свет. И Логан, стоящий рядом. — Эй, вставай.

— Господи... который час? — спросила я, зевая. У меня не было в планах заснуть здесь этой ночью. Подразумевалось, что я вернусь домой, залезу обратно в свою теплую постель и сделаю вид, что Логана больше не существует в моем мире. Но он выглядел таким разбитым прошлой ночью.

— Тебе пора уходить, — прошипел он.

Я немного растерялась от такого отношения и села. Он сбросил все, что я купила, обратно в пакет и сунул его мне.

— Не возвращайся сюда, договорились?

— Почему ты так грубишь?

— Потому что я не хочу, чтобы ты была здесь. И отдай мою толстовку.

— Ладно, — проворчала я, бросая в него толстовкой. Мое сердце колотилось, пока я двигалась в сторону лестницы, чтобы уйти. Однако, вместо того, чтобы спуститься, я развернулась к Логану. — Я не сделала ничего плохого. Ты сам пришел ко мне прошлой ночью. А не наоборот.

— Я не просил тебя приходить сюда. Я не говорил тебе приносить печенье и прочее дерьмо, как это было раньше. Важное сообщение: мы уже не те, кем были. Господи! Твой парень, наверное, даже не знает, где ты была прошлой ночью?

Потрясенная, я тихо усмехнулась.

— Так это из-за того, что у меня есть парень? Логан. Дэн не...

Он закатил глаза.

— Мне насрать, есть ли у тебя парень. Но, думаю, то, что у тебя так чертовски спокойно родилась идея провести ночь с другим мужчиной, говорит о многом. Неужели он знает, где ты сейчас находишься? Я имею в виду, Господи, Алисса. Это выставляет тебя в образе настоящей шлю...

Я оборвала его, встав напротив и прикрыв его рот своей рукой, прежде чем он смог договорить слово.

— Я понимаю, что тебе больно. Понимаю, что ты напуган и переносишь все это на меня, потому что я легкая мишень. Хорошо. Я буду твоей мишенью. Выплесни на меня всю свою ненависть. Скажи мне никогда не возвращаться сюда — в единственное место, напоминающее о тебе. Пошли меня на хер. Но у тебя не получится сказать мне этого, Логан Фрэнсис Сильверстоун. Я не та девочка, которую можно унижить, потому что я хотела здесь быть для тебя. Я не та девушка, которую ты можешь называть шлюхой.

На мгновение его лицо преобразилось, в глазах промелькнуло чувство вины, а потом его раздражение вернулось, и он вышел из себя.

— Я собираюсь на некоторое время остаться в городе, ладно? Можем ли мы сделать все возможное, чтобы избежать друг друга? Это была моя вина. Я начал это, придя к твоему дому, но теперь все закончилось. У нас действительно нет никаких причин для общения. И совершенно очевидно, что нам не о чем говорить друг с другом.

— Прошу прощения, если все тебе усложнила. Я не буду появляться на твоём пути. Но если понадобится тебе, то все еще буду здесь. Хорошо? Просто дай мне знать. И так, для справки: Дэн не мой парень. Никогда им не был и никогда не станет. Он просто друг, который помогает мне с оформлением недвижимости. Просто вчера он выпил слишком много и, в конечном итоге, вырубился у меня на диване. Я не в отношениях. И давно. Ни одни из моих прошлых отношений ни к чему не привели. И сейчас я понимаю, почему.

Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза.

— Потому что все это время я ждала парня, который, я верила, когда-то любил меня.

— Проклятье, Алисса, меня это не волнует. Меня не волнует то, что происходит в твоей жизни. И ты должна кое-что усвоить: ты и я больше никогда не будем вместе. У нас не будет долгого и счастливого будущего вместе.

Он повернулся ко мне спиной. Его слова глубоко ранили меня.

— Ты когда-нибудь думаешь о нас? Ты когда-нибудь думаешь обо мне? — прошептала я, прижимая ладонь к горлу. — Ты когда-нибудь думал о ребенке?

Логан не обернулся, чтобы взглянуть на меня, но его плечи поникли.

Он не сдвинулся ни на миллиметр.

Скажи что-нибудь. Скажи что-нибудь.

— Просто уходи, Алисса. И не возвращайся.

Я с трудом сглотнула, в горле пересохло.

Скажи что-нибудь, кроме этого.

Глава 27

Логан

Прошло несколько недель с тех пор, как я вернулся домой, чтобы быть рядом с Келланом. Он прошел два курса химиотерапии, и, казалось, снова становился самим собой, хотя временами был раздражительным. Как правило, его немного раздражало, что Эрика вмешивалась в лечение и ежедневно, каждую секунду его контролировала. Она не спускала с него глаз, и, если быть честным, я был благодарен ей за это. Я знал, что все это, дополненное ее непрекращающимся нытьем, раздражало его, но такая неустанная забота вселяла в меня некое спокойствие.

Свадьба должна была состояться в минувшие выходные, но они отложили ее до следующего месяца. Интересно, как часто они ее переносили и заново начинали подготовку. Я знал, что Келлан отодвинул ее срок, мотивируя это своей болезнью.

В четверг он дал мне денег, чтобы я купил маме кое-каких продуктов. Отправляясь к ней домой, я захватил чистящие средства. Там царил полная разруха. Мама лежала в отключке на диване, и я не стал ее будить. Раз она спала, значит, еще не употребляла. Для меня это было словно сумасшествие — насколько ангельски она выглядела во сне. Будто демоны в ее голове успокоились, уступая место истинной сущности. Я заполнил холодильник и шкафы продуктами длительного хранения. Понятия не имею, сколько она съедает, но так у нее был выбор того, что быстро не портится.

А еще я приготовил для нее лазанью. Одним из моих любимых воспоминаний о маме было то, когда она решила завязать с наркотиками и попросила приготовить праздничный ужин перед своим отъездом на реабилитацию. Мы смеялись, ели, и этот момент позволил нам представить, какой могла бы быть наша жизнь, если бы мы оба были чисты. Выйдя из дома, она столкнулась с отцом, и мысли о реабилитации стали для нее далеким воспоминанием.

Я отдраил квартиру от потолка до пола и даже, стоя на коленях, вычистил ковер. Отнес всю одежду в прачечную и, пока она стиралась, вернулся в квартиру и продолжил уборку. Она не просыпалась, пока я выходил из дома и пока, сидя на полу, складывал ее чистые вещи.

Сев на диване, она зевнула.

— Я думала, мне приснилось, что на днях ты был здесь.

Я слегка улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, потирая свои худые руки.

— Ты убрался в квартире?

— Да. Еще купил кое-какую еду и постирал твою одежду.

Ее глаза наполнились слезами, но она продолжала улыбаться.

— Ты хорошо выглядишь, мальчик мой, — она снова и снова кивала, а слезы текли по ее щекам. Она не вытирала их, и они капали с ее подбородка. — Ты очень хорошо выглядишь, — с виноватым видом она начала расчесывать кожу. — Я знала, что ты сможешь это сделать, Логан. Я знала, что ты сможешь очиститься. Иногда я хочу... — ее голос утих.

— Это никогда не поздно, ты же знаешь, мам. Мы сможем записать тебя в программу. Мы сможем и тебя избавить от этого.

Я не знал, что все это еще живет во мне — та искра надежды в отношении мамы, которой я не позволял угаснуть. Я хотел, чтобы она выбралась из этого мира. И еще где-то на задворках моей души сохранялось желание купить для нас двоих дом подальше от этого места, с которым связано столько ужасных воспоминаний.

На секунду, кажется, она тоже задумалась об этом. Но затем моргнула и снова начала чесаться.

— Я старая, Логан. Старая. Иди сюда.

Я подошел и сел на диван рядом с ней. Она взяла меня за руки и улыбнулась.

— Я так горжусь тобой.

— Спасибо, мама. Ты хочешь есть?

— Да, — сказала она. Я слегка удивился, но поставил лазанью в духовку, и, когда она была готова, мы сели за стол и ели прямо из лотка. Мне очень хотелось запечатлеть этот момент в своем сердце и никогда с ним не расставаться. Пока она ела, по ее лицу текли слезы.

— Ты плачешь, — сказал я.

— Я? — она вытерла лицо и снова улыбнулась мне. Но это была такая слабая улыбка. — Как Келлан? — спросила она.

— Ты знала о?..

Она кивнула.

— Он в порядке. Просил меня сходить с ним на терапию на следующей неделе. Знаешь, он намерен бороться до последнего. Он крутой.

— Да, — пробормотала она, съедая больше, чем я видел за все наше совместное прошлое. — Да. Он сильный. Он сильный, — слезы еще быстрее заструились по ее щекам, и я вытер их. — Знаешь, все-таки это моя вина. Я сделала это с ним... Я была дерьмовой матерью. Я не была близка с вами, мальчики.

— Мам, перестань, — я не знал, что сказать и как остановить ее слезы.

— Это правда. Ты же знаешь. Я все испортила. Я сделала это.

— Ты не заражала его раком.

— Но я и не делала вашу жизнь легче. Тебе пришлось уехать на реабилитацию, Логан. Реабилитацию. Я сидела рядом с тобой в день твоего шестнадцатилетия, и мы делали дорожки кокса. Я вскормила тебя своей зависимостью... — она покачала головой. — Мне так жаль. Мне очень жаль.

Она была совершенно разбита. Абсолютно потеряна. По правде говоря, она не была в здравом уме сколько я себя помню. И так долго я злился на нее. Так долго держал в себе горечь за сделанный ею выбор, но это была не ее вина. Она просто бежала круг за кругом в своем беличьем колесе, не в силах перестать повторять свои ошибки.

— У нас все будет хорошо, мам. Не волнуйся.

Я взял ее за руку и крепко сжал. В этот момент дверь распахнулась, и в квартиру ворвался Рики. Увидев его, я удивился, насколько все еще сильна моя ненависть к нему.

— Джули, что за херня? — прошипел он. Спустя пять лет, он стал выглядеть совершенно по-другому. Он казался... сломленным? Старым. Усталым. Модные костюмы, которые он носил раньше, сменились спортивными штанами и майкой. Вместо дорогих туфель теперь кроссовки. Некогда накачанные руки стали не такими мощными и

рельефными. Интересно, употреблял ли он то, что продавал?

— Ты должна мне пятьдесят баксов, — прокричал он и остановился, увидев меня. Склонив голову влево, он удивленно смотрел на меня. — На моем пути возник призрак?

Мою грудь сдавило, как и всегда при встрече с ним. Но всего через мгновение его замешательство переросло в зловещую ухмылку. Он, казалось, был рад моему возвращению, как будто знал, что я вернусь.

— Знаешь, — подошел он ко мне, выпятив грудь. — Ходили слухи, что ты вернулся, но я решил, что это херня. Но теперь, раз ты действительно здесь, можешь вступить в семейный бизнес.

— Я никогда не сделаю этого. И никогда больше не ступлю на этот путь.

Он прищурился, и я наблюдал за его тяжелым дыханием. А потом он рассмеялся.

— Мне это нравится. Мне нравится твоя реальная уверенность в том, что ты достаточно силен, чтобы остаться чистым.

Он приблизился и встал нос к носу со мной, и, вместо того, чтобы отступить, я выпрямился. Я больше не боялся его. Не мог бояться. Он толкнул меня в грудь, пытаясь вынудить отступить.

— Но я знаю тебя, Логан. Я вижу в твоих глазах тот же жалкий сучий взгляд, что и у твоей матери. Ты никогда не сможешь завязать.

Я видел, как при этих его словах глаза мамы начали наполняться слезами. Для нее это, должно быть, ощущалось, как удар кинжалом в душу, потому что всю жизнь она только и делала, что любила его. Она угробила годы на любовь к человеку, которому нравилось помыкать ею и унижать ее.

— Не смей так говорить о моей матери, — сказал я, вставая перед ней, потому что она не понимала, как постоять за себя.

Он ухмыльнулся.

— Я люблю твою маму. Джули, ведь я люблю тебя? Она у меня единственная. Ты у меня одна, детка.

Мама улыбалась так, словно верила ему.

Какие-то вещи я никогда не смогу понять. Меня от него тошнит.

— Ты не любишь ее. Тебе нравится управлять ею, ведь это скрывает тот факт, что ты сам не более чем гребаная крыса.

Я вздрогнул, когда его кулак встретился с моим глазом.

— Эта гребаная крыса все еще в состоянии надрать тебе задницу, маленький сосунок. Впрочем, я не собираюсь больше тратить на вас время. Джули. Давай мои деньги.

Ее голос задрожал от страха.

— Рики, у меня сейчас нет. Но они будут. Мне просто нужно... — он направился к ней, чтобы ударить, но я шагнул перед ним, на этот раз сумев заблокировать удар.

— Так что же, ты побывал в каком-то волшебном реабилитационном центре и приехал, думая, что можешь запросто вернуться сюда, Логан? — раздраженно спросил он. — Поверь, ты не захочешь, чтобы я был твоим врагом.

Я полез в карман и, выхватив бумажник, отсчитал пятьдесят баксов.

— Вот. Забирай и уходи.

Он приподнял бровь.

— Я сказал пятьдесят? Я имел в виду семьдесят.

Мудак.

Я вытащил еще двадцатку. Он охотно взял купюры и сунул их в карман. Склонившись над лазаньей, он спросил:

— Сынок, это ты приготовил? — прекрасно зная, что, когда я слышу от него «сынок», меня выворачивает наизнанку. Он взял ложку, попробовал, а потом выплюнул обратно в лоток, портя все, что оставалось. — На вкус, как дерьмо.

— Рики, — сказала мама, пытаюсь вступить за меня, но он посмотрел в нее таким взглядом, что она замолчала. Он так давно забрал ее право голоса, что она уже не имела понятия, как его вернуть.

— Ты ведешь себя так, словно я не забочусь о тебе, Джули. Вот это действительно оскорбительно. Не забывай, кто был рядом с тобой, когда этот мальчишка уехал и бросил тебя. И ты удивляешься, почему мне трудно тебя любить. Ты предаешь меня каждую секунду.

Она опустила голову.

— А этот? Принес тебе еду и продукты? Это не значит, что он заботится о тебе.

Он открыл холодильник и шкафы, вытащил все, что я купил для мамы, вскрыл каждую упаковку и свалил общей кучей на полу. Я хотел остановить его, но мама шикнула на меня. Открыв коробку хлопьев и глядя прямо мне в глаза, он медленно посыпал ими все, что валялось на полу, после чего открыл бутылку молока и сделал то же самое. Затем прошелся по всему этому кроссовками и направился к входной двери.

— Меня ждут дела, — сказал он с ухмылкой. — И, Джули?

— Да? — прошептала она, дрожа всем телом.

— Убери это дерьмо к моему возвращению.

Когда дверь захлопнулась, мой сердечный ритм начал приходить в норму.

— Мам, ты в порядке?

Ее тело напряглось, но она не взглянула на меня.

— Ты сделал это.

— Что?

— Он прав. Ты бросил меня, а он был рядом. Из-за тебя он устроил весь этот беспорядок. Тебя не было со мной. Он обо мне заботился.

— Мам...

— Убирайся! — закричала она. Слезы покатались по ее щекам. Она подошла ко мне и ударила — так же, как раньше, когда я был подростком. Она обвиняла меня в том, что этот дьявол ее не любил.

— Убирайся! Пошел вон! Это ты во всем виноват. Ты виноват, что он меня не любит. Это из-за тебя здесь весь этот беспорядок. Это ты виноват в том, что Келлан умирает. Ты уехал от нас. Ты бросил нас. Ты бросил нас. А теперь уходи, Логан. Уходи. Уходи. Уходи! — кричала она и била меня в грудь.

Ее слова сбивали с толку, причиняли боль, сжигали меня. В состоянии истерики она напомнила мне маму, которую я когда-то знал и ненавидел. Ее слова эхом отзывались у меня в мозгу.

«Это ты виноват. Из-за тебя здесь этот беспорядок. Это ты виноват, что Келлан умирает. Ты бросил нас. Ты бросил нас... Келлан умирает...»

Эти слова все выжгли в моей груди. Я моргал снова и снова, пытаюсь не развалиться на части. Как я мог вернуться сюда? Как я оказался в том же положении, что и пять лет назад? Как я снова попал в беличье колесо, от которого так долго старался убежать?

Она не переставала бить меня. Не переставала обвинять. Поэтому я собрался и ушел.

Логан. 11 лет

— Разве ты прилично выглядишь? — отец ввалился в гостиную, где я сидел на полу и смотрел мультфильмы. Я изо всех сил пытался не обращать на него внимания и продолжал есть хлопья из миски. Он курил и насмехался надо мной, а я пытался притвориться, что его здесь нет. Было всего четыре часа дня, а он уже спотыкался. Он уже был пьян.

— Ты оглох, парень? — он подошел и погладил меня по голове, прежде чем отвесить мне подзатыльник. Я вздрогнул от его прикосновения. Но продолжал игнорировать.

Келлан знал, насколько страшным мог становиться мой отец, и сказал мне, что будет лучше, если я не буду ему отвечать. Келлану сильно повезло, что у него был другой отец. Хотелось бы и мне иметь другого отца.

Я не мог дождаться, когда мама вернется домой. Ее не было уже несколько дней, но когда она звонила в минувшие выходные, то сказала, что мы скоро увидимся. Мне хотелось, чтобы отец ушел и никогда не возвращался.

Когда он опустил руку мне на спину, я снова вздрогнул и выронил миску из рук. Он злобно рассмеялся, довольный моим испугом. Замахнувшись, он ударил меня по уху.

— Подбери это дерьмо. И какого черта ты вздумал есть хлопья в четыре часа дня?

Я был голоден, а это все, что у нас было. Но я не мог ему этого сказать. Я ничего не мог ему сказать. Задрожав, я встал и начал собирать рассыпанные хлопья обратно в миску. Отец начал насвистывать мелодию из моего мультика, и у меня заколотилось сердце.

— Твою мать, шевелись, сопляк! Собирай это дерьмо! Мусоришь в моем доме, словно у тебя нет гребаных мозгов.

Мои глаза наполнились слезами, и я ненавидел себя за то, что позволяю ему издеваться надо мной. Одиннадцатилетний парень должен быть сильнее. Я чувствовал себя слабаком.

— Собери. Это. Сейчас же!

Я не мог больше терпеть его пьяную злобу, его нескрываемое недовольство мной. Я поднял миску с хлопьями и запустил в него. Она пролетела мимо его головы и ударилась в стену, разбившись на миллион осколков.

— Я ненавижу тебя! — прошипел я. Горячие слезы текли по моим щекам. — Хочу, чтобы вернулась мама! Я ненавижу тебя!

Его глаза округлились, и меня охватила паника — я уже жалел о своей несдержанности. Келлан был бы разочарован. Я не должен был спорить с ним. Не должен был отвечать. Нужно было, как всегда, запереться в своей спальне. Но в моей спальне не было мультиков. А мне просто хотелось хотя бы один день побыть ребенком.

Отец, пошатываясь, развернулся и схватил меня за руку.

— Думал, ты хитрый, а? — он потащил меня через всю комнату, заставляя спотыкаться о собственные ноги. — Ты хотел об меня разбить это дерьмо? — он притащил меня в кухню и открыл шкаф под раковиной.

— Нет! Прости, пап! Прости! — кричал я, пытаюсь вырваться из его хватки.

Он заржал и затолкал меня в шкаф.

— Вот твои чертовы хлопья, — сказал он и, схватив коробку, высыпал ее содержимое мне на голову.

Когда он закрыл дверцу, я пытался открыть ее, но она не поддавалась. Он чем-то подпер ее снаружи, чтобы она не открывалась.

— Пожалуйста, папа! Прости! — плакал я. — Не оставляй меня здесь.

Прости.

Однако он не слушал, и через некоторое время я даже не слышал его шагов.

Не знаю, сколько времени я просидел запертым в шкафу, но успел дважды уснуть и обоссаться. Когда мама нашла меня, она была под кайфом и качала головой, разочарованно глядя на меня.

— Ох, Логан, — она вздохнула, провела руками по волосам и закурила сигарету. — Что ты на этот раз натворил?

Глава 28

Алисса

— Ты хоть представляешь, что совсем запутал меня, Логан? — скрестив руки, спросила я его, появившегося на моем крыльце в черной футболке и темных джинсах. Я замерзла на холодном ветру, пробирающим до костей, поскольку из одежды на мне была только безразмерная футболка и гольфы. Он повернулся ко мне спиной, подошел к краю крыльца, обхватил пальцами перила и уставился в темноту. Я могла увидеть каждую линию его мускулистых рук, когда он вцепился в деревянные перила. В юности он был красив, но не был так сложен. Сейчас он выглядел, как греческий бог, от одного вида которого в ногах началось покалывание.

— Я знаю. Просто я... Я не знал, куда еще пойти.

Он повернулся ко мне лицом, и я ахнула, увидев его почерневший глаз. Я спешно кинулась к нему, слегка коснулась синяка и заметила, как он поежился.

— Твой отец?

Он кивнул.

— Если я вернусь в таком виде к Келлану, он распахнется.

Ох, Ло...

— Ты в порядке? Мама в порядке? — спросила я и запнулась. Это ощущалось так, словно мы переместились во времени, переживая те же самые привычные моменты. Мне хотелось, чтобы такое оставалось не более чем одним из общих воспоминаний.

— Она не в порядке. Но с ней все хорошо.

Дежавю.

— Входи, — сказала я, беря его за руку.

Он покачал головой, отдергивая свою руку.

— Во время последнего разговора ты кое о чем спросила меня, и я не ответил.

— О чем?

— Ты спросила, думаю ли я о ребенке, — он потер пальцами затылок. — Я думаю о том, что в конце лета ему или ей пришло бы время начать ходить в детский сад. Я думаю о том, что, возможно, у него были бы твои глаза и улыбка. Я думаю о том, что она, вероятно, грызла бы воротник рубашки, когда нервничала. Я думаю о том, как билось бы его сердце. Как она любила бы тебя. Как бы он ходил, говорил, улыбался и хмурился. Я думаю об этом. Больше, чем хочу. И тогда... — он прочистил горло. — Тогда я думаю о тебе. Я думаю о твоей улыбке. О том, как ты грызешь воротник рубашки, когда нервничаешь. И когда стесняешься, ты делаешь то же самое. Я думаю о том, как ты три раза икаешь, когда злишься. И что каждый раз, когда твоя мать оскорбляет тебя, это по-прежнему причиняет тебе боль. Я думаю о том, где твои мысли, когда ночью гроза. И бывает ли так, что ты когда-нибудь, хоть

на секунду, тоже думаешь обо мне.

— Ло, — вздохнула я. — Зайди.

— Не приглашай меня, — пробормотал он себе под нос.

— Что?

— Я говорю, не приглашай меня.

— Ты не хочешь поговорить?

— Нет, — он зажмурился. — Нет. Я не хочу говорить. Я хочу забыть. Хочу, чтобы мой мозг перестал вспоминать все это дерьмо. Я хочу... Хай... — его дыхание сорвалось, он запутался в словах.

Тот, кто не знал Логана, не обратил бы внимания на дрожь в его голосе. Но я слышала это. И, зная его, поняла, что его разум снова возвращается в темноту. Он подошел ближе, и я остановилась. Я хотела, чтобы он был ближе. Мне не хватало его близости. Он прикоснулся ладонью к моей щеке, и от этого нежного прикосновения я закрыла глаза.

— Я хочу поговорить с тобой, но не могу. Потому что тогда мы вернемся туда, где были много лет назад, а я не могу к этому вернуться, Алисса. Я не могу снова причинить тебе боль.

Мое сердце подпрыгнуло.

— Так ты поэтому был так холоден со мной?

Он медленно кивнул.

— Логан. Мы можем быть просто друзьями. Нам не обязательно вступать в отношения. Просто войди, и мы сможем поговорить.

— Я не могу быть твоим другом. Я не хочу с тобой разговаривать, потому что разговоры причиняют мне боль. А я больше не хочу боли. Но... я не могу держаться от тебя подальше. Я пытаюсь, но не могу. Я хочу тебя, Хай.

От его слов почувствовала дрожь, прокатившуюся по спине.

— Я хочу гладить рукой твои волосы, — прошептал он, пальцами заправляя мои локоны за ухо. — Хочу скользнуть языком по твоей шее. Хочу чувствовать тебя, — он погладил меня по щеке. — Я хочу попробовать тебя на вкус, — губами он медленно коснулся изгиба моей шеи. — Хочу поглощать тебя, — Логан обхватил мочку моего уха губами и мягко всосал. — Я хочу... Блядь... — он вздохнул, притягивая меня ближе. — Я хочу тебя, Алисса. Я так сильно хочу тебя. Я хочу тебя так жестко и глубоко, чтобы мой мозг не мог думать ни о чем другом. Поэтому, пожалуйста, чтобы избежать недоразумений между нами, — прошипел он возле мочки моего уха, после чего втянул ее в рот, — не приглашай меня.

Мое сердце колотилось, и я сделала несколько шагов назад, пока не уперлась спиной в стену дома. Он придвинулся ближе, запирая меня между своих рук. Наши взгляды встретились, и я увидела, что его глаза полны желания, потребности, надежды?.. Или, может, это моя собственная надежда, о существовании которой в его глазах я все еще молилась. Мои бедра дрожали, мысли путались. Часть меня пыталась понять, не сон ли это, ну а остальную, большую, часть это не волновало. Я хотела этого сна. Я мечтала об этом сне последние пять лет. Я хотела чувствовать его тело, прижатое к моему. Хотела почувствовать его тоску по мне. Я хотела наклониться ближе и поцеловать его.

Я хотела чувствовать его...

Пробовать его на вкус...

Поглощать его...

Ло...

— Логан, — пробормотала я, не в силах оторвать взгляда от его губ, почти касающихся моих. Он переместил свое великолепное тело ближе ко мне и приподнял мое лицо за подбородок так, чтобы мы смотрели в глаза друг другу. Его губы напомнили мне то лето, когда мы только и делали, что целовались. Напомнили мне парня, мою первую и единственную любовь, и первого и единственного парня, сумевшего разбить мне сердце.

— Ты сегодня грустный, — я склонила голову влево, изучая каждую деталь его лица. Его волосы, рот, его подбородок, его душу. Темные тени, всегда живущие в глубине его глаз. Он дышал тяжело и неровно, как и я.

— Я сегодня грустный, — согласился он. — Мне грустно каждую ночь, Алисса. Я никогда не думал ранить тебя, не отвечая на твои звонки.

— Не важно. Это было давно. Мы были детьми.

— Я уже больше не тот мальчишка, Алисса. Клянусь, что нет.

Я кивнула.

— Знаю. И я уже больше не та девчонка.

Но часть моей души вспоминала наше прошлое. Часть моей души все еще чувствовала тот огонь, который мы с Логаном зажгли много лет назад. И иногда, в моменты тишины между дневным светом и ночной тьмой, клянусь, я все еще чувствовала его тепло.

— Именно поэтому я хочу, чтобы ты зашел сегодня. Потому что мне тоже грустно. Никаких обязательств. Никаких обещаний. Всего несколько мгновений, чтобы забыться. Вместе.

Пальцами он начал поднимать мою футболку, и вместе с этими простыми движениями я закрыла глаза от удовольствия. Легкий стон вырвался из меня, когда большим пальцем Логан сначала легко скользнул по ткани моих трусиков, а потом, прижавшись сильнее, начал скользить вверх-вниз. Языком он покругил вокруг мочки моего уха, после чего втянул ее в рот. Правой рукой обхватил меня за ягодицы, а левой сдвинул трусики в сторону, пальцами скользнув глубоко в меня.

Один палец.

Два пальца.

Три пальца.

Мое дыхание стало тяжелым, а желание еще сильнее. Я выгнула бедра в его сторону, желая ощутить в себе его твердость. Я двигалась напротив его пальцев, прося о прикосновениях, которых мне так сильно не хватало.

— Зайди, — сказала я с тихим стоном, прижимая его теснее, нуждаясь в его близости.

— Не приглашай меня.

Он углубил пальцы, и мое сердцебиение ускорилося. В этот момент я чувствовала все: каждый страх, каждое желание, каждую потребность.

Ощущала.

Пробовала на вкус.

Поглощала.

О, Боже, Логан...

— Зайди, — настойчиво повторила я, оборачивая одну ногу вокруг его бедер.

— Нет, Хай.

— Да, Ло.

— Если я войду, то не буду нежным, — поклялся он. — Если я войду, мы не будем ни о чем говорить. Мы не будем вспоминать прошлое, не будем обсуждать настоящее, не будем

думать о будущем. Если я войду, то буду трахать тебя. Я буду жестко трахать тебя. Буду дико трахать тебя. Буду трахать тебя, чтобы отключить свой разум, а ты будешь трахать меня, чтобы успокоить свой. А потом я уйду.

— Логан.

— Алисса.

— Ло...

— Хай...

На мгновение я прикрыла глаза, а когда открыла их, то поклялась себе, что не отвернусь от него снова.

— Зайди.

***

Нашего терпения хватило, только чтобы дойти до пианино в гостиной. Когда его губы нашли мои, он поцеловал меня так, как никто не целовал раньше. В этом поцелуе была жесткость, грубость, угроза и отчаяние. Такое невероятное отчаяние. В груди вспыхнул огонь, и мой ответный поцелуй стал крепче. Я хотела его больше, чем он когда-либо хотел меня. Мы срывали друг с друга одежду, понимая, что сейчас наша жизнь взяла тайм-аут. Это был шанс заставить замолчать наши мысли и вытеснить нашу общую боль. Он обхватил меня руками и приподнял, усаживая на пианино. Взяв мою руку, он провел ею по своей твердой выпуклости. Я гладила ее, пока его пальцы блуждали по моему телу. Наши взгляды не отрывались друг от друга.

Ощущать.

Пробовать на вкус.

Поглощать.

Да...

Дотянувшись до кармана, он вытащил презерватив и, надев его, раздвинул мои колени. Когда он скользнул в меня, я закричала от блаженства, от удовольствия, от мучительного желания. Он впился пальцами в мои бедра, а я вцепилась ему в спину. Я с силой сжала его руками, когда он глубоко вонзился в меня, заставляя тело дрожать под его весом. Мы раскачивались на клавишах пианино, и их звуки вторили нашим желаниям, нашим потребностям, смятению и страхам. Он кончил и вышел из меня, а я умоляла его не отпускать меня.

Мы были настолько сломлены. Мы были так измучены жизнью. Но сегодня ночью мы занимались любовью на осколках. Это было глубоко. Это было сокровенно. Это разрывало сердце.

Были падения. Были взлеты.

Боже. Это казалось ошибкой, но в то же время ощущалось таким правильным.

Я скучала по нему.

Я скучала по нам.

Я так сильно скучала по нам.

Он ушел, не проронив ни слова.

Он ушел, и я надеялась, что завтра он вернется.

Глава 29

Логан

Я готовлю с пяти лет. Мама обычно не оставляла мне дома ничего, кроме супа, поэтому

я вынужден был научиться самостоятельно пользоваться консервным ножом и зажигать духовку. В девять лет я делал пиццу любых размеров на домашнем тесте с кетчупом и тертым сыром. К тринадцати годам я знал, как нафаршировать и зажарить курицу.

Поэтому у меня вызывал беспокойство хмурый взгляд сидящего напротив Джейкоба. Мы сидели в его кабинете в ресторане. И я поставил перед ним тарелку ризотто с грибами и колбасой. Ресторан был все еще закрыт, и это было второе по счету блюдо, которое я принес ему на пробу.

— Хм... — пробормотал он, взяв ложку и зачерпнув приличное количество ризотто. Я наблюдал, как он не спеша пережевывает с полным отсутствием каких-либо эмоций на лице, словно решает, достаточно ли хороша моя еда, чтобы позволить мне работать на его кухне.

— Нет, — категорично заявил он. — Это не то.

— Ты издеваешься? — оскорбленно спросил я, сбитый с толку. — Это блюдо помогло мне окончить кулинарную школу. Это моя выпускная работа.

— Что ж, значит, тебе не повезло с учителями. Не знаю как у вас в Айове, но здесь, в Висконсине, нам нравится по-настоящему вкусная еда.

— Да пошел ты, Джейкоб!

Он улыбнулся.

— На следующей неделе принеси мне другое блюдо. Посмотрим, как оно получится.

— Я не собираюсь носить тебе блюда, чтобы ты продолжал их браковать. Это смешно. Я смогу приготовить блюда из вашего меню. Просто дай мне работу.

— Логан, я люблю тебя. Это действительно так. Но нет. Мне нужно, чтобы ты готовил сердцем.

— Я готовлю руками!

— Но без души! Возвращайся, когда найдешь ее.

Я показал ему средний палец. Он снова засмеялся.

— И не забудь, ты все еще должен мне рецепт маски для волос.

***

— Как идут дела после возвращения в город? — спросил Келлан, когда мы сидели в клинике, где он проходил третий сеанс химиотерапии. Мне было ненавистно это место, потому что оно делало рак Келлана реальнее, чем я готов был принять, но старался изо всех сил скрывать свои страхи. Ему нужен брат, который поддержит его, а не слабак, каковым я начинал становиться. Мне было тяжело наблюдать, как медсестры ставят ему в руки капельницы. Видеть, как он вздрагивает от боли, было для меня смерти подобно. Но все-таки я старался вести себя, как ни в чем не бывало.

— Все хорошо. Хотя Джейкоб ведет себя, как мудака. Он сказал приготовить ему три блюда, прежде чем возьмет меня работать на кухню.

— Это вроде как справедливо, — сказал Келлан.

Я закатил глаза.

— Я отличный повар. И тебе это известно.

— Да, но Джейкоб этого не знает. Просто приготовь дома несколько блюд на пробу. Ничего сложного.

Он был прав. Здесь не было ничего сложного, но мне все еще было неприятно от того, что Джейкоб сначала предложил работу, а теперь ставил условия.

— Как это было — снова увидеть Алиссу? — спросил он, закрывая глаза. — Должно быть, странно.

— Ты имеешь в виду, увидеть ее в одежде или без?

Он в шоке распахнул глаза.

— Нет! Ты спал с Алиссой? — проговорил он громким шепотом.

Я стиснул зубы и пожал плечами.

— Я бы не назвал это словом «спать».

— Логан!

— Что?

— Зачем? Зачем ты спал с Алиссой? Это ужасная идея. Это, абсолютно ни в какие ворота не лезущая, ужасная идея. Я думал, что в твоих планах было избегать ее любой ценой, чтобы не возвращаться в прошлое. Боже. Ты серьезно с ней спал? Как это вообще случилось?

— Ну, когда двое людей сбрасывают одежду, — я начал ухмыляться.

— Заткнись. Я занимался сексом, когда ты еще носил трусы с супергероями. Но как это могло произойти с вами двумя?

Я не мог сказать ему, что пошел к ней, потому что сломался. Иначе он бы ужасно себя чувствовал из-за моей слабости. Но мне не хотелось врать. Поэтому сказал правду.

— Она всегда напоминала мне о доме.

Он усмехнулся.

— За все это время, после всего, через что вы прошли, она все еще дом для тебя, да?

— Это просто секс, Келлан. И мы сделали это только один раз. Никаких обязательств. Никакого продолжения. Просто способ освободиться.

— Нет. У вас двоих это никогда не было просто сексом. Откровенно говоря, я всегда был за то, чтобы вы были вместе. Эрике это было ненавистно, а мне нравилось.

— К слову об Эрике, давай не будем ей рассказывать. Она будет психовать.

— Психовать из-за чего? — спросила Эрика, возвращаясь в палату с кофе в левой руке и учебником в правой. Она училась на вечернем отделении, чтобы получить степень магистра, и, когда не опекала Келлана, всегда сидела, уткнувшись носом в книгу. Иногда, даже ухаживая за Келланом, она все равно утыкала нос в книгу.

— Я случайно разбил тарелку у вас дома, — соврал я.

Она оторвалась от книги.

— Что?

— Виноват.

Она начала в деталях выпрашивать у меня, что случилось с тарелкой, которую я не разбивал, и Келлан, улыбнувшись мне, закрыл глаза в ожидании окончания сеанса химиотерапии.

***

Спустя всего тридцать два часа после сеанса химиотерапии, Келлан решил сыграть концерт в баре. Мы с Эрикой пытались отговорить его от этого, но он не послушался, сказав, что не может просто так отказаться от своей мечты. Теперь каждый день он надевал на голову черную бейсболку, чтобы скрыть выпадение волос, хотя я прекрасно знал об этом. Но мы никогда не поднимали эту тему.

Пока мы дошли от дома до машины, у Келлана началась сильная одышка, словно эти несколько шагов были смертельно тяжелы для него. Меня это сильно беспокоило.

— Видите, ребята? — он глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. Эрика помогала ему устроиться на пассажирском сиденье. — Я в порядке.

На мгновение Эрика поморщилась, а потом подарила ему фальшивую улыбку.

— Ты отлично справляешься. Не могу дождаться, когда пройдут эти несколько недель, и мы узнаем, насколько помогла химиотерапия, потому что уверена в этом. У меня предчувствие. И мне нравится, что мы по-прежнему живем нормальной жизнью. Что ты по-прежнему играешь на гитаре. Врачи сказали, что очень важно придерживаться обычного распорядка. Это хорошо. Это замечательно.

Эрика продолжала повторять эти слова, а я в знак поддержки положил руку на переднее сиденье, где сидел Келлан. В зеркале заднего вида я увидел его слабую улыбку.

Проехав всего несколько кварталов, мы были вынуждены остановить машину. Келлан выскочил со своего сиденья, и его начало рвать прямо на обочине дороги. Мы с Эрикой бросились к нему, чтобы держать его и не дать упасть. Рак с каждым днем становился все реальнее. Мне было ненавистно это. Я ненавидел все, связанное с этой отвратительной болезнью. То, как она делала самых сильных людей в мире слабыми. Не просто прикасалась к вашим близким, а высушивала их.

Если бы было волшебное средство, чтобы я мог забрать всю его боль себе, то принимал бы его каждый день на протяжении всей жизни. Мой брат не заслужил того, чтобы сейчас так бороться за жизнь.

Ни один человек не заслуживает. Даже злейшему врагу я не пожелал бы заболеть раком.

Мы усадили его в машину и поехали напрямик к дому, понимая, что в таком состоянии Келлан не сможет играть. По приезду домой нам с Эрикой пришлось помогать ему дойти до спальни.

— Я в порядке, — сказал он измученным голосом. — Мне просто нужно немного поспать. Не нужно было планировать концерт сразу после химиотерапии. Это просто глупая ошибка.

— Я буду заниматься в гостиной, если вдруг тебе что-то понадобится, хорошо? — сказала Эрика, уложив и укрыв его. Она поцеловала его в нос, и он закрыл глаза.

— Хорошо.

Она вышла из комнаты, а я задержался, наблюдая за тем, как поднимается и опускается его грудь. Он выглядел настолько похудевшим, что мне стало дурно. Как я могу излечить тебя? Как я могу это исправить?

— Со мной все в порядке, Логан, — проговорил он, словно читая мои мысли.

— Я знаю, просто... я волнуюсь, вот и все.

— Не трать зря время. Потому что я в порядке.

Я пожал левым плечом. Люблю тебя, брат. Он пожал правым, как будто видел мое движение даже с закрытыми глазами.

— Я собираюсь ненадолго уйти. Скажи Эрике, чтобы звонила мне, если вам что-то понадобится.

— Пойдешь за сладким? Немного растрясись? Заняться разными взрослыми штуками с девушкой по имени Алисса? — поддразнил он.

— Заткнись, Келлан, — рассмеялся я.

Но да.

Именно туда я и собирался.

Глава 30

Алисса

Сначала он стоял на моем крыльце и, ероша руками волосы, говорил, чтобы я не

приглашала его зайти. Затем он вернулся на следующий день. И на следующий. И через день. Мне хотелось знать, о чем он каждый день думает. О чем мечтает днем, и какие кошмары преследуют его ночью. Но поскольку мы не разговаривали, мне приходилось читать это по языку его тела. Когда он злился на родителей, то был груб. Когда расстраивался из-за Келлана, его тело оставалось рядом с моим немного дольше.

Я отошла влево, открывая дверной проем. Он вошел в дом.

На этот раз мы не ушли дальше прихожей. Мы рвали одежду друг на друге. Он поднял меня, прижав к дверце шкафа, и потянул за волосы, когда мои пальцы запутались в его волосах. Я обвила ноги вокруг его талии, и он без предупреждения вошел в меня. От этого толчка во мне все запульсировало, заставляя стонать его имя, когда он начал вдавливать в меня, с каждым разом все жестче и сильнее. Я была в нескольких секундах от того, чтобы потеряться в нем. Одной рукой он подхватил меня под ягодицы, а другой сжимал мои груди, все время углубляя толчки.

Ощущал.

Пробовал на вкус.

Поглощал.

Трахал.

Постепенно эти его появления вошли в привычку, и я приглашала его. Страсть стала нашим наркотиком, и мы стали зависимы от этого кайфа.

Я выкрикнула его имя, когда он простонал мое. Толчок. Назад. Толчок. Стон.

Мы старались отдышаться, когда он опустил меня и поставил на ноги. Но в этот раз вместо того, чтобы покинуть дом, он направился в гостиную.

— Что ты делаешь? — спросила я, пока он шел по коридору в сторону моей спальни.

— Оденься.

— Что? Зачем?

— Чтобы я мог снова раздеть тебя.

Глава 31

Логан

Мой самый дьявольски сильный кайф...

Глава 32

Алисса

Ло... Моя самая сильная боль...

Глава 33

Логан

— Ее нет дома, — сообщил приятный голос. Я стоял и стучал в дверь в течение нескольких минут, ожидая, что она впустит меня, но никто не отвечал. — Сегодня вечером она работает в пиано-баре «Рэдз». И будет играть там всю неделю.

— О, хорошо. Спасибо.

Голос принадлежал женщине лет семидесяти с длинными, посеребренными сединой волосами. Она сидела в кресле-качалке на соседнем крыльце, читая роман и напевая какую-то мелодию. Когда я начал спускаться с крыльца Алиссы, женщина снова заговорила.

— Так что у тебя с Алиссой?

— Прощу прощения?

— Иди сюда, — приказала она, махнув рукой и закрывая книгу.

Я шагнул на ее крыльцо и сел рядом.

— Меня зовут Лори, и я знаю эту девушку — мою соседку — уже много лет. Мы разнесли с ней оладий больше, чем со всеми вместе взятыми, с кем я когда-либо работала. Вокруг столько парней, ежедневно буквально бросающихся ей в ноги, но она даже не смотрит в их сторону. Но потом в город приезжает этот таинственный молодой человек, и она теряет рассудок. Так кто же ты такой?

— Мы с ней были очень близки. Лет пять назад.

— О, — пробормотала она, кивая. — Ты — Логан. Парень из коробки.

— Что?

— У нее под кроватью есть коробка. Там все о тебе. Воспоминания, подарки. Единственный парень, которого она, кажется, не в силах оттолкнуть, — она прижала ладонь к медальону, висящему на ее шее. — Я знаю, каково это.

— Я уверен, она поставила точку на всем, что между нами когда-то было. Она сама сказала мне об этом.

Лори приподняла бровь и склонила голову.

— Мужчины глупы.

Я засмеялся.

— Есть парень по имени Дэн. Красивый парень. На протяжении последних нескольких лет он каждый день приходил в закусочную и пытался уговорить Али сходить с ним на свидание. И сегодня я увидела, как она официально отказала ему. Знаю, что она сделала это из-за своих чувств к тебе.

Я не знал, что на это сказать, поэтому молчал, пока Лори продолжала говорить.

— Но давай внесем ясность. Она не наркотик. Она не твой наркотик, юноша.

Я приподнял бровь, и на ее губах появилась легкая ухмылка.

— Думаешь, если ты исчез на несколько лет, то Алисса не упоминала тебя время от времени? Она рассказала мне о твоём наркоманском прошлом и о том, что ты завязал. Это хорошо. Но, голубчик, ты не можешь вернуться сюда и использовать ее таким образом. Она не для того, чтобы помочь тебе забыть о каких-то вещах в твоей жизни. Она девушка нежная и заботливая, которая до сих пор без ума от одного парня. И то, что ты делаешь, эгоистично. Но то, что делает она, тоже эгоистично. Видишь ли, ты не собираешься прекращать получать это, и она не собирается прекращать отдавать. Вы оба зависимы. Вы оба сжигаете себя в огне, словно не чувствуете ожогов. Если ты хоть немного заботаешься о ней, то немедленно прекратишь так поступать. Если тебе хоть немного дорого ее сердце, ты перестанешь снова его разбивать. Все, что вы двое делаете, может быть, для тебя и является просто развлечением, но для нее это гораздо больше. Она ни о чем больше не думала последние несколько лет. Если в итоге ты разобьешь сердце моей подруге, то лучше усвой сейчас, что я переломлю по одному все пальцы на твоих руках и ногах.

Я снова засмеялся, но на этот раз суровый взгляд Лори заставил меня замолчать. Я с трудом сглотнул.

— Хорошо.

— А сейчас тебе лучше поскорее вернуться домой, — сказала она, открывая книгу. — В ближайшие несколько часов прогнозируют сильный ураган.

Я посмотрел на небо: темные облака закрывали луну. Поднявшись, я снова засунул руки

в карманы и поблагодарил Лори за беседу.

***

На следующий день Келлан попросил меня присоединиться к ним с Эрикой для визита к его психотерапевту, и я не мог ему отказать. Я готов сделать для него все, что он попросит. Единственный психотерапевт, с которым я когда-либо общался, был в реабилитационной клинике Святого Михаила. Это были индивидуальные встречи и групповые занятия, во время которых мы краснели и чувствовали себя дерьмом. Сначала я их ненавидел, но через какое-то время они мне помогли. Но теперь я временами начинаю снова их ненавидеть.

Я сидел рядом с братом и его невестой в кабинете доктора Янга и чувствовал растущее напряжение. Перед выходом из дома Келлан и Эрика ссорились по каждой мелочи типа забытого тюбика зубной пасты, недопитого кофе или учебников Эрики на обеденном столе. Я никогда раньше не видел, чтобы они ссорились, поэтому это было немного странно.

— Спасибо, что присоединился к нам сегодня, Логан. Знаю, что твое присутствие здесь очень много значит для твоего брата.

— Да, конечно, — я похлопал Келлана по ноге, и он подарил мне натянутую улыбку. — Для этого чувака все, что угодно.

Доктор Янг довольно кивнул.

— Я думаю, важно время от времени проверять, как идут дела. Эрика обмолвилась, что ты переехал к ним в дом, и я считаю, что для Келлана это хорошо. Полезно находиться в кругу семьи. Итак, как насчет того, чтобы пообщаться и выяснить, как у каждого из вас идут дела. Келлан, начинай.

— Я в порядке.

— Он немного потерян. И в последнее время выглядит раздраженным, — вмешалась Эрика.

— В данной ситуации это совершенно нормально, — заверил ее доктор Янг.

— Я не раздраженный, — рявкнул Келлан.

Эрика нахмурилась.

— Вчера ты накричал на меня, Келлан.

— Ты мерила мне температуру в три часа ночи, пока я спал.

— Ты выглядел озябшим, — прошептала она.

— А как твои дела, Эрика? Помню, мы говорили о том, что ты справляешься со стрессом, ломая или разбивая какие-то вещи?

— Да. Но у меня все уже намного лучше.

Келлан рассмеялся.

— Прости, что?

Эрика приподняла бровь и взглянула на моего брата.

— Я сказала что-то смешное?

— У нас в шкафу семь новых ламп, потому что одна разбилась. Ты сходишь с ума.

Вау. Это было грубо.

Я увидел, как щеки Эрики покраснели от смущения, и она опустила взгляд на свои туфли. Доктор Янг что-то пометил в своем блокноте, а потом повернулся ко мне.

— А что насчет тебя, Логан? Как ты думаешь, способ Эрики справляться с мыслью о болезни Келлана нормален?

Эрика фыркнула.

— Правильно. Потому что наркоману виднее.

Это тоже было грубо.

Прежде, чем ответить, я со своего места взглянул на Келлана и Эрику. Оба выглядели такими измученными. Такими же, как и мама. Келлан впился пальцами в подлокотники кресла, а Эрика боролась с желанием расплакаться. Я откашлялся.

— Считаю ли я странным те небольшие срывы, когда Эрика сначала разбивает вещь, а потом покупает? Да. Считаю ли я, что она осуждает людей за то, что они думают и поступают не так, как она? Абсолютно, — я почти мог ощущать, как Эрика глазами мечет в меня стрелы, но продолжал говорить. — Но она любит его. Она наводит после меня порядок. Ругается, но все равно делает это. Потому что изо всех сил старается создать для него комфорт. Возможно, по вашему мнению, по мнению Келлана или по моему, у нее не очень хорошо это получается. Может быть, даже совсем не хорошо. Но она делает все возможное. Каждое утро она просыпается и пытается сделать все, что может. Не знаю, делал ли я когда-нибудь все возможное... — я бросил взгляд на браслет на моем запястье. — Но я пытаюсь. Для этих двоих я стараюсь изо всех сил. Это то, на что способен каждый. Когда я был в реабилитационной клинике в Айове, там в каждой комнате на стенах висели цитаты Рам Дасс. (Прим. Ричард Альперт (6 апреля 1931, более известен как Баба Рам Дасс, Baba Ram Dass) — американский гуру, автор вышедшего в 1971 году бестселлера «Будь здесь и сейчас» («Be Here Now»)). В вестибюле была цитата, которая гласила: «Все мы только ведем друг друга домой». До настоящего момента я никак не мог понять ее смысл. Потому что, в конце концов, мы все заблудились. Мы все имеем раны. У каждого из нас есть шрамы. Мы все надломлены. Мы все пытаемся постичь эту штуку, называемую жизнью. Понимаете? Иногда ты чувствуешь себя таким одиноким, но потом вспоминаешь, что ты часть большой семьи. Это люди, которые временами тебя ненавидят, но никогда не перестают любить. Люди, которые всегда будут рядом, независимо от того, сколько раз ты облажался, отталкивая их. Это твой клан. Эти люди, эти борцы — это мой клан. Так что, да, мы разваливаемся на части, но мы будем разваливаться вместе. И мы выстоим — вместе. И тогда, когда закончится все это дерьмо, все эти слезы, все эти обиды, мы совершим скачок вперед. И вот тогда мы вдохнем полной грудью и отведем друг друга домой.

***

Получив все предписания, Келлан с Эрикой отправились домой, чтобы немного отдохнуть, а я весь день гулял по городу, пока не наступил вечер и я не оказался перед пиано-баром «Рэдз». На доске, стоящей перед входом, я увидел имя Алиссы — главного исполнителя вечера — и волна гордости захлестнула меня. Она это сделала. Она занимается тем, что любит.

Я встал в задней части бара, вне поля зрения Алиссы. Она сидела за пианино, ее пальцы перемещались по клавишам, наполняя бар такой прекрасной музыкой, какую немногим людям в мире доводилось слышать. Я внимательно слушал мелодию за мелодией, вспоминая, какой удивительно талантливой была эта девушка. Дойдя до финальной композиции, она пересела к рядом стоящему микрофону и тихо сказала:

— Каждое свое выступление я заканчиваю этой песней, потому что она занимает очень важное место в моем сердце. Ее стихи — это часть моей души, и она напоминает мне о том времени, когда я любила молодого человека... И на несколько вдохов, несколько сказанных слов, несколько мгновений я думала, что он тоже любит меня. Это «То, что поддерживает во мне жизнь» Сэма Смита. (Примеч.: песня «Life Support» Сэма Смита, под которую герои и первый раз занимались любовью).

Мою грудь сдавило, и я выпрямился. Ее пальцы запорхали по клавишам, и я смотрел за движениями ее тела, словно она была частью инструмента. Казалось, она была ничем иным, как готовым сосудом для искусства. Я не мог себе представить, как она могла стать еще более удивительной. Я не мог понять, как ей удалось поразить меня еще сильнее.

А потом она открыла рот, и слова потекли с ее губ с удивительной легкостью. Закрыв глаза, она пела и теряла себя в стихах, в звуках, в себе, в наших воспоминаниях.

Почетно быть свидетелем такого момента. Слезы вытекали из ее закрытых глаз, пока ее плечи ритмично покачивались взад-вперед под звуки музыки, которую она создавала. Мир творческих людей — это что-то иное. Кажется, они чувствуют все по-другому, может быть, глубже. Они видят мир в цвете, в то время как большинство из нас различает только черное и белое.

Моя жизнь была черно-белой, пока в ней не появилась Алисса.

Ноги понесли меня ближе к сцене, и я встал перед ней, вслушиваясь в слова, которые сам шептал ей, когда мы были молодыми. Она была так красива, так свободна, когда играла свою музыку. Своей игрой она заставляла всех вокруг чувствовать себя тоже свободными. В те несколько мгновений, что она пела, я был убежден, что жизненные оковы пали. Рядом с ней я был свободным.

Я понимал, что Лори — настоящий друг, она как могла защищала Алиссу, но она не знала одного — что Алисса для меня значит. Она — девушка моего сердца. Даже при том, что большая часть меня пыталась отрицать чувства, сохранившиеся к ней, другая часть отчаянно нуждалась, требовала той любви, которую только она могла разбудить в моей душе.

Алисса закончила песню, поблагодарила слушателей и повернулась к публике. Я не двигался. Ее прекрасные глаза встретились с моими. Она глубоко вдохнула и, немного задрожав, выдохнула. Неуверенными шагами она приблизилась ко мне. Стоя друг напротив друга мы вроде как улыбались и хмурились одновременно.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил я.

Мы хмурились и улыбались.

— Могу я проводить тебя домой? — спросил я.

— Хорошо, — ответила она.

Когда мы вышли, на улице шел дождь. Мы делили на двоих ее зонтик в горошек до самого дома.

— Ты была там удивительна, Алисса. Это лучшее твое выступление из всех, что я слышал. На самом деле, это в принципе лучшее выступление из всех, что я слышал.

Она не ответила, но уголки ее губ приподнялись. Как только мы подошли к ее крыльцу, она открыла рот, чтобы пригласить меня зайти, но я покачал головой.

— Я больше не могу.

Боль разочарования вспыхнула в ее голубых глазах. А потом краска смущения залила щеки.

— О, да. Ничего страшного.

Я понял, что своими простыми словами причинил ей боль.

Я так устал.

Это был очень длинный день.

Длинная жизнь.

Длинная утомительная жизнь.

— Я снова болен, Алисса, — я провел пальцами по лбу.

Ее взгляд беспокойно заметался.

— Что? Что случилось? Как? Чем?

Я понизил голос и пожал плечами.

— Тобой.

— Что?

— Я вернулся, и мой мир снова рухнул. Я вернулся в свое прошлое, но на этот раз все еще хуже, потому что мой брат болен, и меня сразу потянуло к моему самому сильному кайфу, чтобы забыться. Я пошел к тебе. Ты всегда была моим убежищем, Хай. Ты была моим спасением от всего дерьма, которое меня окружало. Но это несправедливо по отношению ни к тебе, ни ко мне. Я хочу очиститься. Я хочу быть в состоянии устоять и не искать необходимости забыться, но это значит, что я не смогу снова заболеть, и мы не сможем продолжать все это. Мы не можем спать вместе. Но ты нужна мне.

— Ло...

— Подожди. Позволь мне понять это, потому что оно слишком долго крутится в моих мыслях. Я знаю, что уже не тот парень, которым был тогда, но какая-то его часть все еще сохранилась во мне. Знаю, мы решили, что секс ничего не значит, но, думаю, оба знаем, что он все решает, поэтому не можем больше так поступать. Но ты нужна мне. Мне нужно, чтобы ты была моим другом. Вся моя жизнь была жестокой. И все в этой жизни ожесточало и меня. Кроме тебя и Келлана. И знаю, просить тебя об этом сейчас эгоистично, потому что я нуждаюсь в ком-то, кто поддержит меня, пока я сам пытаюсь поддержать моего брата. Но ты нужна мне. Мне нужно, чтобы ты снова стала моим другом, но и только, потому что я не могу опять причинить тебе боль. Я не могу быть с тобой, но я нуждаюсь в тебе. Ты мне нужна. Мы не будем говорить о прошлом. Мы не будем волноваться о будущем. Но мы просто будем нами. Будем друзьями. Здесь и сейчас. Если ты не против этого? Потому что мне не хватает смеха, а с тобой я всегда смеялся. Мне не хватает общения, а с тобой я всегда мог поговорить. Мне не хватает тебя. Поэтому я спрашиваю, можем ли мы снова стать друзьями?

Она прислонилась к дверному косяку и глубоко задумалась, а потом на ее губах появилась улыбка.

— Мы никогда не переставали быть друзьями, Логан. Просто у нас был странный таймаут.

Глава 34

Алисса

Когда напряженность между мной и Логаном наконец-то поутихла, и мы нашли путь к новой дружбе, начали вылезать подводные камни в отношениях Келлана и Эрики. Однажды поздним вечером, после неприятного визита к врачу эти двое вошли в дом, ссорясь. Я сидела на диване, раскладывая лекарства Келлана, которые Эрика просила меня получить в аптеке. Я оставалась у них несколько дней в неделю, просто чтобы чем-то помочь. К тому же беспокоилась за Келлана больше, чем готова была себе признаться.

— Ты не слушаешь! — кричал Келлан.

— Нет, я слушаю. Ты говоришь, что не хочешь жениться на мне.

— Конечно, я хочу жениться на тебе, Эрика. Но сейчас это не имеет смысла. Если я

умру, ты останешься со всем моим багажом. Со всеми счетами, со всеми...

— Мне все равно!

— Ну что ж, прекрасно!

— Почему ты так себя ведешь?

Эрика повернулась ко мне.

— Алисса, ты можешь сказать Келлану, насколько он неблагоразумен?

Я приоткрыла губы, но прежде чем смогла ответить, Келлан сказал:

— Не втягивай в это свою сестру!

Я закрыла рот. Мне бы уйти домой, но они стояли прямо посреди коридора, преграждая путь. Поэтому я вжалась в диван, пытаюсь стать невидимой.

Эрика тяжело вздохнула.

— Давай не будем говорить об этом сейчас. Давай просто успокоимся. На завтра у тебя назначена химиотерапия, так что мы должны отдохнуть перед поездкой туда.

— Ты не поедешь туда, — сказал он.

— Что?

— Я сказал, что ты не поедешь. Ты завалила последний экзамен, потому что стала уделять учебе меньше времени. Ты не должна ее забрасывать. Со мной поедет Логан.

— Почему ты отгораживаешься от меня? — Эрика снова повернулась ко мне. — Почему он отталкивает меня?

Я открыла рот, но Келлан снова опередил меня.

— Перестань втягивать ее! Ты не поедешь со мной на химиотерапию, ясно?

— Почему нет?

— Потому что ты не даешь мне вздохнуть! — закричал он еще громче. Я никогда не слышала, чтобы он так кричал. — Ты достаешь меня своими вопросами, деньгами, лекарствами, своим чертовым планированием свадьбы и своими проклятыми лампами! Я не могу свободно вдохнуть, Эрика! — он раздраженно взмахнул руками, сбив лампу с прикроватного столика. Она разбилась, и в комнате воцарилась тишина. В глазах Келлана отразилось чувство вины, когда по щекам Эрики потекли слезы.

Келлан понизил голос и подошел к моей сестре.

— Прости, я просто...

Она пожала плечами.

— Знаю.

И тут неожиданно из ванной выскочил Логан — совершенно мокрый, с полотенцем вокруг бедер. С волос стекала какая-то странная зеленая жижа. В глазах паника.

— Что случилось? — спросил он взволнованно, практически поскользываясь в луже воды, стекающей с него. Он выглядел так серьезно, но настолько смешно, что мы втроем не удержались и истерически захохотали.

— Что за хрень у тебя на голове? — воскликнула я.

Он прищурился, сбитый с толку нашим хохотом.

— Сегодня третий понедельник месяца. Это питательная маска для волос из яйца и авокадо.

Мы засмеялись еще громче, отчего гнев и волнение, совсем недавно заполнявшие комнату, сменились весельем и согласием.

— Знаете, что нам нужно? — спросил Келлан, оставляя легкий поцелуй на щеке Эрики.

— Что?

— Музыкально-танцевальная пауза.

— Что такое музыкально-танцевальная пауза? — хором спросили мы с Логаном.

Они не обратили на нас внимания.

— Келлан, нет. Это был длинный день, — возразила Эрика. — И, как ты сказал, мне нужно заняться учебой...

— Нет. Сейчас будет музыкально-танцевальная пауза.

— Но... — застонала она.

— У меня рак, — сказал он.

У нее отвисла челюсть, и она ударила его по руке.

— Ты только что шантажировал меня раком?

Его улыбка стала шире.

— Да.

Я ожидала, что Эрика накричит на него, скажет, что его слова причиняют ей боль, но вместо этого она улыбнулась. Они обменялись только им двоим понятными взглядами, и она кивнула.

— Хорошо. Одна песня. Одна, Келлан.

Я никогда не видела, чтобы он так улыбался.

— Одну песню!

— Нашу песню! — потребовала она.

Он быстро вышел из комнаты, оставив совершенно сбитую с толку меня и стоящего там же мокрого Логана. Вскоре Кел вернулся с двумя конга-барабанами и двумя рейнстиками, вручив один из них мне, а другой Логану. (Прим.: Рейнстик — ударный музыкальный инструмент, представляющий из себя полую трубу с внутренними перегородками, частично заполненную сыпучим наполнителем. При вертикальном переворачивании наполнитель пересыпается в трубе и производит шум, напоминающий шум дождя).

— Что происходит? — спросил Логан. — Какого черта я должен с этим делать?

Эрика уставилась на Логана, как на полного бабуина. Она вырвала трубку у него из рук и перевернула, чтобы та издала шум дождя, после чего отдала обратно Логану.

— И всего делов, Логан, — усмехнулась я.

Он показал мне средний палец.

Запорхали бабочки.

В этом нет ничего нового.

Келлан сел перед барабанами и начал играть. В течение секунды я пыталась понять, что это за мелодия, а когда в моем мозгу щелкнуло, и я узнала ее, то сердце буквально растаяло от того, насколько Келлан и Эрика любят друг друга. Он играл песню Ингрид Майклсон «Я такая, как есть».

Их песня.

Келлан начал петь Эрике первый куплет, и она улыбалась, покачиваясь из стороны в сторону. Мы с Логаном присоединились с рейнстиком, и оба начали танцевать с Эрикой под аккомпанемент барабанов Келлана. Второй куплет пела Эрика, и слетающие с ее губ слова песни наполнили дом светом их с Келланом любви. Слова о любви друг к другу, невзирая на боль. Слова о том, чтобы быть рядом друг с другом, даже походя сквозь жизненный огонь.

Это было прекрасно.

Когда мы дошли до долгого проигрыша без слов, Логан взял нас с Эрикой за руки и

начал кружить — все еще в одном полотенце и с капающей с волос зеленой жижей. Когда Эрика начала петь последний куплет, комната погрузилась в тишину. Куплет, от которого глаза наполнялись слезами. Она пела слова о том, что будет любить его, даже когда он уже лишится волос, и гладила пальцами его челку, склоняясь лбом к его губам. Келлан нежно поцеловал ее, и они дуэтом допели песню.

Рейнстик Логана издал финальный звук.

— Вау, — сказал он, прикрывая рот ладонью и глядя на брата и Эрику. — Вы двое до чертиков совершенны.

Эрика издала легкий смешок и взглянула на Келлана.

— Я не хочу за тебя замуж.

Он вздохнул.

— Хочешь.

— Нет. Ну... да. Но только когда тебе станет лучше. Когда ты выздоровеешь. Мы подождем. И дадим раку пинка под задницу. Тогда ты женишься на мне.

Он прижал ее к себе и крепко поцеловал.

— Черт возьми, я женюсь на тебе.

— Черт возьми, да.

— О, Боже мой. Снимите себе номер, — простонал Логан, закатывая глаза. — Я пойду, смою это дерьмо со своих волос.

— Кстати... — Келлан откашлялся и прищурился. — Знаете, ребята, что вы можете сделать для меня?

***

Логан с отвращением покачал головой.

— Это ужасная идея.

— Впервые мы с Логаном в чем-то сходимся, — сказала Эрика, изумленно всплеснув руками.

— Ты должна просто решиться, — сказала я.

Мы вчетвером топтались в ванной, в моих руках была машинка для стрижки волос.

— Спасибо, Алисса. Наконец-то хоть кто-то на моей стороне. Кроме того, детка, — Келлан с широкой улыбкой повернулся к Эрике, — сейчас многие люди бреют головы.

— Ну, тут он прав, — согласился Логан. — В Голливуде на это настоящий бум. Бритая голова — это новый тренд.

— Тогда обрей свою, — вызывающим тоном сказала Эрика, беря машинку и протягивая ее Логану.

Его глаза в ужасе округлились, и он, ткнув пальцем в ее сторону, сказал:

— Думай, что говоришь.

— Но Логан прав. Многие знаменитости сбрасывали волосы для роли, — Келлан пытался убедить свою паникующую невесту.

— Назови нескольких.

— Брайан Крэнстон, — сказала я. — Для фильма «Во все тяжкие».

— Джозеф Гордон-Левитт сделал это наполовину, — добавил Логан.

— Прошу прощения, давайте не называть актеров, которые брили головы для роли смертельно больных, — попросила Эрика.

Справедливо.

— Крис Рок!

— Хью Джекман!

— Мэтт Дэймон!

— Джейк Джилленхол дважды! — воскликнул Логан.

— Правда? — спросил Келлан. — Дважды?

— «Морпехи» и «Патруль».

— Крутой чувак, — кивнул Келлан, ударяясь с Логаном кулаками.

— Абсолютно крутой.

Какой отстой.

— Эй, ребята, — я выпрямилась и включила машинку. — Час пробил.

Эрика задержала дыхание и закрыла глаза.

— Сделай это! Сделай это! — скандировал Логан.

И я сделала.

Глава 35

Логан

— Что ты здесь делаешь? — спросила Алисса, открыв входную дверь и обнаружив меня, стоящего с новой дверью и набором инструментов.

— Побывав несколько раз в твоём доме, я не мог не заметить, что здесь требуется кое-что сделать.

— О чем ты говоришь? — она улыбнулась. — Этот дом — совершенство.

Я приподнял бровь и, подойдя к перилам крыльца, просто вытащил их, доказывая, что они ничем не закреплены. Она хихикнула.

— Ладно, это единственное не идеально. Но чинить их — не твоя работа, — она прикусила нижнюю губу. — На тебе надет пояс для инструментов?

— На мне действительно пояс для инструментов, который подтверждает, что чинить — это моя работа. Так что, если бы ты отошла в сторону и позволила мне установить дверь в туалете, это было бы здорово.

Следующие шесть часов я занимался починкой ее дома, и она сама помогла мне кое-что прибить на свои места. Последнее, что я сделал, это поднялся на крышу и попытался залатать несколько дыр.

— Ты знаешь, что делаешь? — крикнула мне Алисса. Она отказалась подниматься на крышу, потому что здесь, в отличие от нашего рекламного щита, не было ограждения.

— Конечно, я знаю, что делаю, — крикнул я.

— Но откуда?

Я повернулся к ней с хитрой улыбкой.

— Однажды я смотрел документальный фильм о кровельных работах.

Она вытаращила глаза и замахала руками.

— Нет. Нет. Логан Фрэнсис Сильверстоун, слезай сейчас же! Просмотр документального фильма не делает тебя специалистом.

— Он — нет, а пояс для инструментов — да!

— Логан.

— Алисса.

— Ло.

— Хай.

— Слезай сейчас же. Она протекает совсем немного. Просто... Я найму человека, чтобы

он починил крышу, хорошо? Тогда ты не будешь чувствовать себя обязанным ее ремонтировать.

Я усмехнулся и начал спускаться по лестнице.

— Хорошо. Потому что я понятия не имел, что нужно делать.

Как только мои ноги коснулись земли, она сильно толкнула меня и прищурилась.

— Больше не будь таким идиотом, ладно?

— Ладно.

— Мизинец? — спросила она.

Я сплел наши мизинцы и притянул ее к себе. Сердце забилося сильнее от нашего легкого соприкосновения, и я заметил, как дрогнули ее губы, когда она взглянула на мой рот.

— Мизинец.

Мы и так стояли вплотную друг к другу, но каждое пролетающее мгновение сближало нас еще больше. Я почувствовал легкое прикосновение ее губ к моим, но мы не поцеловались. Мы просто были своеобразным соединением двух людей, ловящих каждый вдох друг друга.

— Ло? — прошептала она, ее дыхание коснулось моей кожи.

— Да?

— Мы немедленно должны прекратить стоять так близко.

— Хорошо.

Она кивнула и сделала шаг назад.

— Хорошо.

Проведя рукой по волосам, она подарила мне натянутую улыбку.

— Тебе нужно хотя бы попить воды. Ты работал, как сумасшедший. Я только зайду в спальню минут на пять, чтобы перевести дух.

Я согласился и отправился на кухню взять стакан воды. Интересно, чувствует ли она то же, что всегда ощущаю я рядом с ней. Интересно, она так же, как и я, борется с желанием?

Открыв холодильник, я помедлил в нерешительности, разглядывая имеющиеся у нее продукты.

— Ты недавно ходила в магазин? — крикнул я в сторону спальни.

— Да, вчера.

Мысли заметались в моей голове при виде овощей и свежих сосисок. Открыв дверцу, я изучил содержимое шкафчика.

— Не возражаешь, если я приготовлю кое-что на скорую руку.

— Нет. Дерзай. Бери все, что нужно.

Классно.

Я начал перемещаться по кухне, хватая кастрюли и сковородки. Через несколько минут на плите варился куриный бульон, и я приступил к нарезке грибов и свежего чеснока.

— Должна сказать, когда ты крикнул, что приготовишь что-то на скорую руку, я подумала, что ты имел в виду разогретые пирожки, — улыбнулась Алисса.

— Прости, — вздохнул я, стоя у плиты и обжаривая на сковороде сосиски. — Джейкоб предложил мне поработать в его ресторане. Но поставил условие: прежде чем он даст мне эту работу, я должен приготовить три идеальных блюда. И вел себя, как полный мудака, забрав все, что я ему приносил. Поэтому я решил кое-что протестировать на тебе, если ты не против.

Ее глаза распахнулись в предвкушении.

— О, Боже, я целую вечность не ела кулинарных шедевров от Логана. С радостью побуду твоей морской свинкой. Что мы готовим?

— Ризотто, — ответил я.

— Это быстро?

— Ага.

Она улыбнулась, не зная, что я наблюдал за ней краем глаза. В ответ на ее улыбку я тоже улыбнулся.

Пока я стоял у плиты, помешивая рис в бульоне, мы болтали обо всем подряд.

— Так ты собираешься открыть пиано-бар?

— Да, я серьезно подумываю об этом. Помнишь, в юности мы говорили об этом?

— «ЛоАли»?

— «АлиЛо», — поправила она с улыбкой. — Да. Конечно, это немного не то, что мы себе представляли, но... не знаю. Это просто мечта. Вот и все.

— Хорошая мечта, которую ты должна воплотить в реальности.

Она пожала плечами и опустила голову на сложенные на столе руки.

— Возможно. Посмотрим. Мой друг Дэн показал мне несколько разных помещений, которые можно приспособить под это. Понимаю, что сейчас еще слишком рано смотреть помещения и все такое, но это просто весело. Смотришь здание, и мечта начинает казаться немного ближе.

Когда ризотто было готово, я выложил его на тарелку и поставил перед Алиссой. По ее лицу расплылась широченная улыбка, и она как сумасшедшая захлопала в ладоши.

— Боже, это свершилось! Я знала, что скучала по тебе, Логан. Но, думаю, по твоей еде я скучала еще больше.

— Логично. А прямо сейчас, — я вручил ей ложку, — ешь.

Она быстро зачерпнула ризотто, но, засунув еду в рот и начав жевать, нахмурилась.

— Что? Что такое? — спросил я, повышая голос.

— Ничего, просто это не... восхитительно.

— Что? С блюдом что-то не так?

Приоткрыв губы, она кивнула.

— Да.

— Нет. Все в порядке. Смотри. Сосиски приготовлены безупречно. Грибы идеальной обжарки. Безукоризненная смесь потрясающих специй. Это блюдо — чертово совершенство.

Она нахмурилась и пожала плечами.

— Я имею в виду, все нормально. Уж как получилось.

Я вышел из себя. Как получилось?

Какая наглость со стороны Алиссы.

— С блюдом все нормально.

— Нет, не все.

— Да, все.

— Оно... — она прикусила нижнюю губу и, сделав перед собой неопределенный жест руками, снова пожала плечами, — пресное.

— Пресное?

— Пресное.

— Ты только... — я сделал глубокий вдох и напряженно выдохнул. — Ты только что назвала мою еду пресной?

— Да, назвала. Потому что это так.

Я уперся руками в край стола и, раздраженный до крайности, наклонился к ней.

— Я готовлю с детства. Три года я готовлю это блюдо, еще со времен кулинарной школы. Я могу приготовить это чертово блюдо даже во сне, и оно получится достойным президента. Моя еда не пресная. Моя еда ароматная и очень вкусная. А ты просто спятила, — проорал я.

— Почему ты кричишь? — прошептала она.

— Я не знаю!

Она засмеялась, и мне захотелось ее поцеловать.

— Логан... Попробуй сам.

Я выхватил ложку у нее из руки. Зачерпнув еще теплый ризотто, я запихнул его в рот. И тут же выплюнул на тарелку.

— Черт, на вкус полное дерьмо.

Она сконфуженно кивнула.

— Но из вежливости я назвала это пресным.

Мои плечи опустились, и я упал с небес на землю.

— Когда я стал отстойным кулинаром? Это было единственным, что я умел.

— Ты не отстойный кулинар. Скорее всего, у тебя пропало вдохновение. Не волнуйся, мы вернем его. Если ты придешь завтра, я помогу тебе попробовать приготовить что-то еще. Мы будем пытаться до тех пор, пока не доведем до совершенства твои три блюда, чтобы Джейкоб был не в силах их отклонить.

— Ты сделаешь это для меня?

— Конечно.

Этой ночью мы не спали, а доедали отвратительное ризотто и вспоминали, каково это — быть счастливыми друг с другом. В последующие две недели я появлялся в ее доме, и мы готовили и готовили, пока не сотворили три блюда с поистине райским вкусом. Находиться рядом с ней было так хорошо, так свободно. Мы болтали, смеялись и дурачились. Это было, как раньше, когда мы смеялись надо всем, что делали. Алисса наставляла меня, усовершенствовав каждое из моих блюд, и я был так благодарен ей за это. В финале я поставил перед ней шоколадный торт, и она застонала раньше, чем коснулась его губами.

— Ты стонешь от моего торта, даже не попробовав его?

— Я определенно стону от твоего торта, даже не попробовав его.

Она приоткрыла губы, и я, схватив вилку, отломил кусочек торта и положил ей в рот. Начав жевать, она застонала еще громче.

— О, мой Бог, Логан!

Я светился от гордости.

— Если бы я получал доллар за каждый раз, когда слышал это.

— У тебя было бы ноль долларов и ноль центов, — издевалась она. — Нет. Seriously, ты должен попробовать это, — сказала она. Но вместо того, чтобы взять у меня вилку, она схватила торт рукой и размазала мне по лицу. — Разве он не прекрасен?

Она хихикала, как пятилетка, пока я выковыривал шоколад из глаз, носа и рта.

— О, да. Он замечателен. Готов поспорить, ты хочешь добавки, — сказал я. И в тот самый момент, когда она собралась отскочить в сторону, я обнял ее за талию и притянул к себе. Свободной рукой я зачерпнул торта и запихнул ей в рот. Она взвизгнула.

— Логан, я не могу поверить! — засмеялась она, вытирая свой подбородок о мой,

втирая торт в мою легкую щетину. — Он теперь у меня в волосах!

— Он у меня в ноздрях! — ответил я, пытаюсь, как мог, смахнуть торт со своего лица и смеюсь от звука ее хохота.

Некоторое время мы продолжали смеяться, пока прелесть момента не сошла на нет. Я по-прежнему обнимал ее одной рукой, и, когда звуки смеха стихли, наше сердцебиение ускорило.

Я влюбляюсь в тебя.

Все эти годы мои мысли были настолько полны тоской по Алиссе, что я даже забыл, почему должен скучать по ней. Потому что любить меня опасно.

Сменим тему.

Я сделал шаг назад, освобождая Алиссу от своей хватки.

— Алисса?

— Да?

— У тебя в спальне есть гитара. Ты играешь?

Она сделала неопределенный жест руками.

— Вроде того. Это помогает сохранить творческий настрой. Играю я неплохо, но не так хорошо, как на фортепиано.

— Келлан не может играть. У него стали дрожать руки, иногда он забывает тексты. Могу сказать, что это гложет его.

Она нахмурилась.

— Могу только догадываться, каково это — не иметь возможности заниматься любимым делом.

— Да. Знаю, ты сказала, что не очень хорошо играешь, но мне интересно, можешь ли ты научить меня? Можешь ли научить всему тому, что умеешь, чтобы я мог играть для него?

— Вот опять.

— Что?

— Маленький намек на мальчика, которого я любила.

Глава 36

Логан

На следующей неделе я взял Алиссу с собой в ресторан Джейкоба для финальной дегустации блюд. Зная, что именно она вдохновила меня на это блюдо, я посчитал уместным ее присутствие рядом, когда Джейкоб скажет мне проваливать и искать другую работу.

Запеченная утка с хрустящей корочкой под соусом из малины и розмарина, жареный молодой картофель, политый оливковым маслом со специями, и брюссельская капуста с чесноком.

Сердце неистово колотилось в груди, пока мой взгляд неотрывно следил за жующим Джейкобом и его равнодушным выражением лица. Рядом со мной Алисса нервно постукивала ножкой и жевала воротник рубашки, что вызвало у меня улыбку. Не знаю, кто из нас больше волновался о том, что утка не удовлетворит кулинарных пристрастий Джейкоба — Алисса или я.

— Ты должен обмакнуть утку в соус, — вмешалась Алисса, после чего продолжила жевать воротник. — Ой! И брюссельскую капусту. Окуни соцветие капусты в малиновый соус.

Он сделал, как она сказала, и я, съездившись, наблюдал. Опустив вилку, он откинулся на

спинку стула, и легкая улыбка тронула его губы.

— Что ж, мать твою, это хорошо.

Меня немного отпустило.

— Да?

— Нет. Не просто хорошо. А так хорошо, что это самое лучшее из всего, что я когда-либо пробовал. Вот так хорошо, — он вернулся к утке, чтобы положить в рот еще кусок. — Черт возьми. Что бы ты ни засунул в это блюдо, когда выйдешь на работу, я хочу его в моем меню каждый день.

— Значит... я получил работу?

— Продолжай готовить в том же духе, и ты сможешь заполучить весь ресторан, — засмеялся он. Потом, снова став серьезным, ткнул пальцем в мою сторону. — Это была шутка. Ресторан не продается.

Я рассмеялся.

— Ну, пока мне вполне достаточно работы.

Я чуть не лопался от переполнявшей меня гордости. С совершенно сияющим лицом Алисса протянула ко мне руки и крепко обняла.

— Я знала это! — шепнула она мне на ухо. — Знала, что у тебя получится.

Я вдохнул запах ее персикового шампуня.

— Ладно, детишки, отлепитесь друг от друга. Выметайтесь и вечером отпразднуйте это событие. Логан, с понедельника ты приступаешь.

Мы все поднялись, и Джейкоб протянул мне руку, но я сгреб его в свои медвежьи объятия и закружил, после чего поцеловал в лоб.

— Спасибо, Джейкоб!

— В любое время, дружище!

Мы с Алиссой направились к выходу, но я остановился.

— Кстати, Джейкоб, подожди, — я потянулся к заднему карману и вытащил листок бумаги с рецептом моей маски для волос.

Он заржал.

— Ты до последнего не хотел давать мне рецепт? Пока я не дам тебе работу?

— Кажется, была такая маленькая вероятность, что я совсем не дал бы его тебе, если бы ты не взял меня на работу.

Он самодовольно кивнул.

— Я сделал бы то же самое.

***

Остаток вечера мы с Алиссой провели в городе, отмечая получение моей первой официальной работы повара. Закончили мы в дешевой закусочной, разложив перед собой гамбургеры и картофель-фри, соревнуясь, кто сможет съесть больше, чтобы не затошнило. Я чувствовал себя снова счастливым, как раньше.

Но мне следовало знать, что долго это не продлится. Потому что за взлетом всегда следует падение.

— Ты тоже здесь кушаешь, сынок? — раздалось за спиной, и я сжал челюсть. Я повернулся и увидел своего отца, улыбающегося мне, как мудаку, кем он, собственно, и являлся. Он стоял в обнимку с девушкой, и, встретившись с ней взглядом, я увидел в ее глазах страх. Мои мысли вернулись в ту ночь, когда я впервые увидел эти глаза.

— Ты знаешь, что у тебя прекрасные глаза? — спросил я, меняя тему. Я начал целовать

ее шею, слушая, как она стонет.

— Они просто зеленые.

Она ошибалась. Они были уникального оттенка морской волны с небольшими вкраплениями серого по всей зеленой радужке.

— Несколько лет назад я смотрел документальный фильм о китайской и корейской керамике. Твои глаза цвета глазури, которой покрывают фарфор.

— Эй, — я с трудом сглотнул, отрывая взгляд от Сэди. — В чем дело?

— В чем дело? — эхом отозвался он. — Ты спрашиваешь, в чем дело, как будто в последний раз, когда мы виделись, это не ты пытался начать драку.

Алисса прижала к себе сумочку, и я не мог смотреть на панику в ее глазах. Она была в ужасе, как и Сэди. Как и большинство женщин, находясь рядом с моим отцом.

— Послушай, я не хочу никаких проблем, — сказал я, понизив голос.

— О, так теперь я проблема? — он ухмыльнулся, стараясь говорить громче, чтобы привлечь всеобщее внимание к нашему диалогу. Этот человек всегда был таким. Стремился произвести эффект. Я продолжал сидеть, и он подошел ближе, нависнув в нескольких сантиметрах надо мной. — Не забывай, кто все прошлые годы возился с тобой и твоей матерью, Логан, — прорычал он с некоторой угрозой. Несколько секунд он смотрел на меня ненавидящим взглядом, а потом, усмехнувшись, похлопал меня по спине. — Я просто дразню тебя, чувак. Можно мы присядем? Можно к вам присоединиться? — и, не дожидаясь ответа, скользнул в кабинку рядом с Алиссой. Она напряглась и, казалось, находилась на грани того, чтобы закричать. Я взял ее руку и слегка сжал пальцы, притягивая ее ближе к себе. Мне хотелось убраться отсюда и отвести Алиссу домой. Я ненавидел то, как мой отец заставлял кожу женщин покрываться мурашками от страха.

— Это моя девушка Сэди, — сказал он, крепко обвивая рукой ее талию и притягивая к себе.

Я съежился, чувствуя растущее раздражение, но старался не поддаваться этому порыву и протянул Сэди руку для рукопожатия.

— Приятно познакомиться, — сказал я.

Она не протянула руки и не подняла глаз. Рики ответил за нее:

— О, нет, нет. Никаких прикосновений, — его голос был полон той же угрозы, что и всегда, когда он разговаривал с мамой. Для него было важно производить впечатление большого властного мудака, поэтому он унижал женщин, чтобы почувствовать себя сильным. Но для меня он тем самым подтверждал свою слабость.

— Сэди не любит, когда к ней прикасаются чужие мужчины. Не так ли, Сэди? — спросил отец.

Она не ответила, потому что он все равно не позволил бы ей. Если бы я не общался с ней той ночью, то решил бы, что она немая, потому что с момента появления в закуской не произнесла ни слова.

— Тебе что-то нужно, Рики? — спросил я его, все больше и больше выходя из себя.

Он поднял руки в защитном жесте.

— Эй, чудак, притормози. Я просто хотел сказать «привет».

Его телефон зазвонил, и он взглянул на Сэди.

— Мне нужно разобраться с этим. Не двигайся, — он встал и направился к выходу.

Мой взгляд метнулся к Сэди.

— Какого черта ты делаешь рядом с ним? Это тот самый твой парень, о котором ты

рассказывала?

— Я... я не знала... — ее голос дрожал. — Я увидела тебя на вокзале как раз тогда, когда хотела уйти от него. И я хотела рассказать тебе это, но поняла, что это только усложнит ситуацию. Я хочу уйти от него, но каждый раз он посылает людей, чтобы найти меня. Я не могу...

— Он бьет тебя? — спросил я.

Она опустила взгляд.

Из заднего кармана я вытащил кошелек и быстро достал деньги.

— Вот. Возьми. Садись на ближайший автобус и сматывайся от него подальше.

Алисса изучающе смотрела на меня, но не задавала вопросов по поводу происходящего. Все это время ее рука покоилась на моей ноге в знак поддержки.

— Я не могу уйти. Не могу, — сказала Сэди. Ее глаза наполнились слезами.

— Почему нет?

— Я беременна, — прошептала она. — Я беременна, и мне некуда бежать. Он оторвал меня от моей семьи. Он уничтожил все мои связи. И сейчас у меня никого нет, кроме него.

— Сэди, послушай меня. Самое лучшее, что ты можешь сделать для своего ребенка, это сесть в автобус и никогда не возвращаться. Ты не можешь хотеть иметь ребенка с этим человеком. Я был этим ребенком. Поверь мне, это не закончится ничем хорошим.

Она слегка задрожала и опустила взгляд.

— Хорошо, — прошептала она.

Алисса казалась сбитой с толку, но нацарапала свой номер телефона на салфетке.

— Если тебе что-то понадобится, можешь позвонить мне или Логану. Здесь оба наших номера.

Сэди вытерла заплаканные глаза.

— Почему ты такой добрый? Вы оба меня почти не знаете.

— Как это? Конечно, я тебя знаю. Ты учила меня испанскому, — пошутил я, пытаюсь разрядить обстановку.

Она слабо улыбнулась и взяла деньги.

— Уходи через заднюю дверь в кухне. Если хочешь, я провожу тебя.

Я встал, взял ее за руку и подтолкнул в спину. Нам почти удалось это сделать, когда я почувствовал, что ее отдергивают от меня.

— Что, черт возьми, по-твоему, означает «не двигайся», женщина? — прошипел ей мой отец. Он с такой силой обхватил ее за талию, что в глазах девушки отразилась боль. — Нам пора.

Сэди посмотрела на меня умоляющим взглядом, и я шагнул вперед.

— Не думаю, что она хочет с тобой идти.

— Прошу прощения? — спросил он и, проведя пальцами по волосам Сэди, притянул ее еще ближе и жестче. — Ты не хочешь со мной идти?

Она ничего не ответила.

Отец продолжил:

— Я столько для тебя делаю, Сэди, и вот так ты платишь мне за это? Я люблю тебя. Разве ты не знаешь? — он наклонился и поцеловал ее так же, как обычно целовал маму, когда кормил своими лживыми сказками о заботе и помощи. Она поцеловала его в ответ так же, как делала мама. И я сразу понял, что Сэди не сможет уйти. Она слишком сильно опутана его сетями.

— Мы присоединимся к вам в другой раз, Логан, — сказал он мне. Это прозвучало скорее как угроза, нежели обещание счастливой встречи.

Тем не менее, меня это не удивило. Мой отец ничего не знал о счастье, но он был мастером организации бедствий. Когда они ушли, я почувствовал отвращение. Не произнося ни слова, я вцепился в браслет на запястье.

Алисса подошла ко мне.

— Ты в порядке?

Я покачал головой.

— Если хочешь, пойдём на воздух.

— Да, хочу.

Мне было нужно больше, чем воздух. Мне было нужно, чтобы мой отец сгинул, позволив тем, чьи пути хоть раз пересекались с ним, наконец-то скинуть с себя его цепи.

Глава 37

Алисса

Когда мы с Логаном вышли на улицу, он сжал кулаки от злости на отца. Не знаю, что было между Логаном и Сэди, но понимаю, что он тревожился о ее благополучии. Так и должно быть. Находиться рядом с отцом Логана — это ужас. Я не могла даже просто представить себя на месте Сэди, без малейшей возможности выпутаться из его сетей.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Просто дай мне минутку, — он сжал ладонями затылок и начал ходить кругами по стоянке. Здесь было полно машин. Погода хорошая, поэтому на улице было много людей, которые общались и смеялись. Но Логан являл собой их полную противоположность. Он имел дело с теми самыми демонами, которым нравилось преследовать его.

Он заслужил перерыв.

Прислонившись к стене, я ждала, когда он успокоится. Шагая взад-вперед, он пинал ногами высокие стебли травы.

— Ты думаешь о наркотиках? — спросила я.

— Ага, — пробормотал он, закрывая глаза и шагая по кругу.

Бедный парень.

— Знаешь, что может улучшить эту ситуацию? — спросила я, держа руки на бедрах и упираясь в стену левой ногой.

— Что?

— Знаешь, что нам надо сделать, чтобы тебе стало лучше?

— Ммм, нет. Но, полагаю, у тебя есть идея?

— Да, отличная! — я зажмурилась. — Ты слушаешь?

Он засмеялся. Это хорошо. Я была счастлива, что он смеется. Я тоже рассмеялась, потому что он был таким красивым. Я рассмеялась, потому что он снова был моим другом. Я рассмеялась, потому что мое сердце знало — этого никогда не будет достаточно для меня.

— Да, я слушаю.

Я выпрямилась, выпятила грудь и сказала:

— Караоке.

— О, Боже, нет.

— Что? Да ладно тебе! Неужели не помнишь, как мы ходили в юности в караоке? И ты пел «Билли Джин» Майкла Джексона, делая его фирменные движения бедрами и все

такое? — я воспроизвела его движения с того события.

Он хохотнул.

— Да. А еще я помню, что был совершенно обдолбан, когда в тот раз двигал тазом.

Мое лицо ошеломленно вытянулось.

— Ты был тогда под кайфом?

— Да, иначе я никогда бы не согласился на караоке, поверь мне.

— О. А я просто думала, что ты был в восторге от их сборников Майкла Джексона и Джастина Бибера. Но, как бы то ни было, сегодня мы отправимся в караоке-бар «О`Райли».

— Ни за что.

Я кивнула и взяла его за руки.

— Это не обсуждается.

— Алисса, я ценю то, что ты стараешься улучшить мое самочувствие и все такое, но, серьезно, ты не обязана. Мне уже лучше. Благодаря тебе мне лучше. Плюс ко всему, нет ни одного чертова шанса, чтобы я снова согласился на караоке.

Глава 38

Логан

Я снова оказался в караоке.

Алиссе каким-то образом удалось вытащить меня на сцену и вложить в мою руку микрофон. Она пообещала, что мы споем дуэтом, потому что один я ни за что бы не вышел. Но все равно чувствовалось, как у меня в животе все нервно сжимается. Она выбрала песню «Мне нравится, как ты лжешь» Рианны и Эминема.

— Ты знаешь слова? — спросила она меня. — Я все время пою ее в машине, поэтому знаю наизусть.

— Я могу читать с экрана.

Она широко улыбнулась. Я улыбнулся еще шире.

Мой самый сильный кайф.

Когда заиграла музыка, и первые строки песни появились на экране, ни я, ни Алисса не издали ни звука. Люди в баре начали кричать, чтобы мы пели, но ни один из нас не начал. Ди-джей выключил трек и начал жестикулировать в нашем направлении.

— Хм, ты ведь знаешь, чтобы петь, нужно открывать рот, верно?

Я в недоумении посмотрел на Алиссу.

— На экране написано, что это партия Рианны. Почему ты не поешь?

— Ой. Я не пою ее партию. Мне нравится часть, где Эминем читает рэп.

— Что? — прошипел я, приближаясь к ней. — Я не буду петь партию Рианны.

— Почему нет?

— Потому что я не баба.

— Но у тебя такой красивый высокий голос, Ло. Я думаю, из тебя получится замечательная Рианна, — издевалась она.

— Я последний раз нажимаю повтор, ребята. Сейчас или никогда, — сказал ди-джей.

— Я не стану этого делать, Хай, — сказал я, пока мы стояли нос к носу и сопели.

— О, ты справишься с этим.

— Нет.

— Да.

Я покачал головой.

— Нет.

Она кивнула.

— Да.

— Алисса.

— Логан.

— Хай.

— Ло.

Заиграло вступление, а я продолжал качать головой, показывая ей, что не собираюсь этого делать. Но когда началась партия Рианны, я поднял микрофон к своим губам и начал исполнять песню от лица женщины — адски высоким голосом.

Алисса прикрыла рот, чтобы не рассмеяться. Я бросил на нее уничтожающий взгляд и, повернувшись лицом к зрителям, попытался максимально перевоплотиться в женщину. Думаю, у меня отлично получилось. И, думаю, именно я сделаю наше выступление волшебным.

Но потом кое-что произошло.

Началась партия Эминема, и Алисса перевоплотилась настолько, что подобного раньше я никогда не видел. Она стянула с ди-джея бейсболку, одела ее козырьком назад и начала расхаживать по сцене взад-вперед, вовлекая зрителей в свое выступление, побуждая их размахивать руками в такт рэпу.

Алисса Мари Уолтерс превратилась в рэпера Эминема. И это было настолько потрясающе. Она вложила туда все: жесты, мимику, она выкладывалась по полной. В тот момент она была такой безбашенной и прекрасной. Свободной.

Когда начался припев, она посмотрела на меня, и я снова запел ужасным высоким голосом. Потом она снова читала рэп, чеканя каждое слово.

Когда дело дошло до последнего куплета — самого сложного — который ей предстояло читать, она сделала глубокий вдох, зажмурилась и, прежде чем начать, пожевала губами воротник рубашки.

Она кивнула. Я кивнул. Она выпустила изо рта воротник и начала читать последний куплет непосредственно мне.

И это было чертовски сексуально.

Ее тело раскачивалось взад-вперед, она растворилась в словах, а слова наполнились ею, и как только она закончила и опустила микрофон, толпа словно с цепи сорвалась, а я пел последний припев Рианны только для нее.

Закончив петь, мы не могли сдержать смех и крепко обнялись, а люди в зале аплодировали нам, уговаривая выступить на бис.

Мы исполнили еще пять песен, после чего удалились в кабинку в дальней части бара, чтобы отпраздновать все это несколькими напитками. Мы пробыли там большую часть ночи, болтая обо всем подряд и смеясь так много, как не удавалось уже долгое время. Какое-то время все ощущалось, как раньше. Ее смех был моим дыханием. Ее улыбка была биением моего сердца. Я наблюдал, как двигаются ее губы, пока она рассказывала какую-то длинную историю. Честно говоря, я не слушал. Я перестал слушать давно, потому что мои мысли были о чем-то другом.

Я хотел сказать о моих чувствах к ней. Снова. Хотел сказать, что опять влюбился в нее. Хотел сказать, как я по-прежнему люблю ее дикие волосы, по-прежнему люблю ее рот, всегда болтающий о том, о сем.

Я хотел...

— Логан, — прошептала она, застыв.

Мои руки каким-то образом оказались на ее поясице, и я придвинул ее ближе ко мне. Мои губы находились в миллиметрах от ее рта. Ее тяжелые выдохи смешивались с моими глубокими вдохами, пока оба наших тела дрожали, прижатые друг к другу.

— Что ты делаешь?

Что я делаю? Почему наши губы так близко? Почему наши тела прижимаются друг к другу? Почему я не могу отвести свой взгляд? Почему я снова влюбился в своего лучшего друга?

— Правда или ложь? — спросил я.

— Ложь.

— Я не впал в зависимость от твоей улыбки. Твои глаза не заставляют мое сердце биться быстрее. Озноб не пробегает по моей спине от звука твоего смеха. Твой персиковый шампунь не сводит меня с ума. И, когда ты жуешь воротник своей рубашки, я не влюбляюсь в тебя еще сильнее. Потому что нет. Я не люблю тебя.

Ее дыхание стало тяжелее.

— А правда?

— Правда в том, что я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты вернулась в мою жизнь во всех возможных смыслах этого слова, и даже больше. Я не могу перестать думать о тебе, Хай. Хочу не сбегать от реальности, а принять ее. Ты мое сердце. Ты моя душа. Я хочу тебя. Всю тебя. И сейчас больше всего на свете я хочу поцеловать тебя.

— Ло... — ее голос дрожал. — Ты по-прежнему первый человек, о котором я думаю, едва проснусь. Все еще тот, о ком я скучаю, когда мы не рядом. Ты по-прежнему единственное из того, что я считаю для себя правильным. И, искренности ради, скажу: я хочу, чтобы ты поцеловал меня. Хочу, чтобы ты целовал меня всю жизнь.

Я сплел наши пальцы.

— Нервничаешь? — спросил я.

— Нервничаю, — ответила она.

Я пожал плечом.

Она пожала плечом.

Я улыбнулся.

Она улыбнулась.

Я приоткрыл губы.

Она приоткрыла губы.

Я наклонился.

Она наклонилась.

И мне вспомнился тот день, когда мой мир вспыхнул огнем.

Мы долго целовались в этой кабинке, вспоминая все ошибки прошлого и прощая друг другу ошибки будущего.

Это было прекрасно. Это было правильно. Это было нашим.

Но, естественно, за каждым взлетом следует падение.

Телефон Алиссы зазвонил, и мы отстранились друг от друга. Когда она ответила, я понял — что-то не так.

— В чем дело, Эрика?

Затем последовала пауза.

— Он в порядке?

Мои внутренности светло, и я выпрямился.

— Мы скоро будем. Ладно. Пока.

— Что? — спросил я, когда она опустила телефон.

— Келлан. Он в больнице. Мы должны идти. Немедленно.

Глава 39

Логан

— Что случилось? — спросил я, влетая в палату Келлана. Он лежал на кровати, к венам тянулись трубки капельниц. — Кел, ты в порядке?

— Я в порядке. Не знаю, зачем она вызвала вас, ребята. Ничего страшного не случилось.

— Он пошел в ванную и в коридоре потерял сознание, — сказала Эрика, нервно покачиваясь в кресле взад-вперед.

— Я практически сразу пришел в себя, — возразил он. — Со мной все хорошо.

— Келлан, ты не мог идти и не мог вспомнить, как меня зовут.

Келлан открыл рот, чтобы возразить, но вместо этого просто вздохнул и закрыл глаза. Он устал. С каждым днем он сдавал все сильнее и сильнее, и я не мог не задаваться вопросом, когда же начнет помогать химиотерапия. Казалось, от нее становилось только хуже.

Эрика встала, отозвав Алиссу и меня в угол комнаты для разговора, пока Келлан засыпал. Она обняла себя руками и прислонилась к ближайшей стене.

— Врачи делают дополнительные обследования. Просто он так устал и ослаб. Медсестра сказала, что они могут выписать ему инвалидное кресло, которое поможет ему передвигаться, но он сказал, что не хочет этого. Он такой гордый. Но ему нужно... — она вытерла глаза, после чего схватилась за голову. — Нам просто нужно ему помочь. Он не из тех, кто будет просить кого-то о помощи. Он всегда сам помогал другим. Но сейчас наша помощь нужна ему. Даже если он будет пытаться нас оттолкнуть.

— Все, что тебе потребуется, — сказал я. — Все, что потребуется ему.

Эрика напряженно улыбнулась. Ее глаза тоже были усталыми. Она не высыпалась. Я был почти уверен, что каждую ночь, когда Келлан закрывал глаза, она не спала.

— Тебе тоже нужна помощь, Эрика. Ты не должна делать все. Для этого здесь я.

— Просто... — ее голос дрогнул, когда она снова взглянула на Келлана. — Пришло время понять, что может стать намного хуже до того, как наступит улучшение. Это меня пугает. Я в ужасе. Логан, если что-то случится... если с ним что-нибудь случится... — она заплакала, и я вытащил ее из палаты в больничный коридор и крепко обнял. — Я не могу потерять его. Не могу.

Я никогда не видел, чтобы Эрика расклеивалась. Она единственная из всех всегда была собранной. Такое разбитое ее состояние говорило о том, насколько серьезным стало нынешнее положение вещей.

Взяв себя в руки, она сделала шаг назад и вытерла слезы.

— Со мной все хорошо. Я в порядке. Все нормально, — сказала она, успокаивая больше себя, чем нас. — Они планируют оставить его на ночь. Я останусь здесь с ним.

— Я могу остаться, — предложил я. — Знаю, тебе надо заниматься учебой

— Нет, все нормально. Я в порядке. Со мной все хорошо.

— Сестренка, — прошептала Алисса, вытирая слезы с глаз сестры.

— Я в порядке. Правда. Вы двое возвращайтесь домой. Если что-то изменится, я тебе напишу.

Я посмотрел в сторону палаты.

— Могу я просто посидеть с ним секундочку?

Она кивнула.

— Да. Разумеется. Алисса, хочешь пойти со мной поискать кофе?

Они обе ушли, и я, войдя в палату, приставил стул к кровати Келлана. Аппараты, к которым он был подключен, пищали и гудели, пока я наблюдал, как поднимается и опадает его грудь. В последнее время даже дышать ему было трудно.

— Ты спишь? — прошептал я.

— Нет, — ответил он. — Просто дремлю.

Я прижал большие пальцы к глазам, чтобы сдержать эмоции.

— Какого черта ты здесь делаешь, Кел? Такие места всегда были больше по моей части, помнишь? Не по твоей.

Он слабо улыбнулся.

— Я помню, ладно?

— Ты в порядке?

Один глубокий вдох. Один хриплый выдох.

— Да. Я в порядке, — он повернул голову в мою сторону, и в его всегда добрых глазах мелькнула улыбка. — Я убиваю ее, — прошептал он, говоря об Эрике.

— Что? Нет...

Келлан отвернулся, пытаясь скрыть слезы, побежавшие по его щекам.

— Да. Наблюдение за тем, как я медленно умираю, убивает ее.

— Ты не умираешь, Келлан.

Он не ответил.

— Эй! Ты слышишь меня? Я сказал, что ты не умираешь. Повтори это.

Брат посмотрел в потолок и закрыл глаза. Слезы все еще катились по его щекам.

— Я не умираю.

— Еще раз.

— Я не умираю.

— Еще раз, старший брат.

— Я не умираю!

— Отлично. И не забывай об этом. Все в порядке. Мы все вместе пройдем через это, — я взял его за руку и слегка сжал ее, пытаясь немного успокоить.

— Все хорошо. Ты прав. Прости, я просто...

— Устал?

— Устал.

Я пробыл с ним дольше, чем предполагал. Эрика вернулась в палату, но я попросил у нее разрешения остаться с Келланом в эту ночь. Она согласилась, и Алисса решила ночевать у нее, чтобы Эрика не чувствовала себя одиноко.

В эту ночь я не спал. Оставшись, я наблюдал за аппаратурой и дыханием моего брата. Когда наступило утро, он открыл глаза и улыбнулся мне уголком губ.

— Иди домой, — сказал он.

— Нет.

— Иди. Иди и живи своей жизнью, Логан. Разве тебе некого любить?

— Как ты думаешь, что я делаю прямо сейчас? — ответил я, положив голову на его кровать.

Он улыбнулся и пожал правым плечом

Я улыбнулся и пожал левым.

***

Мне хотелось бы сказать, что у Келлана все налаживалось, но на деле оказалось, что становилось только хуже. Если он был не в больнице, то большую часть времени проводил в постели. Когда-то улыбчивый, мой брат медленно превращался в человека, практически лишённого каких-либо эмоций. Обычно всегда ласковый Келлан все чаще и чаще придирался к Эрике по любому поводу, и от этого она становилась еще более нервной.

Это было невыносимо, потому что она действительно делала все, что могла. Он никогда не кричал на меня, но лучше бы делал это. Эрика выглядела так, словно находилась на грани срыва. Начинался новый учебный год, и она казалась выбитой из колеи расписанием своих занятий и тем фактом, что провалила летом экзамен на степень магистра. Уровень ее нервного напряжения был запредельным.

— Увези ее отсюда, — вздохнул Келлан, когда я усадил его на диван в гостиной. Он сказал, что ему надоело видеть только стены спальни и что от этого у него развивается клаустрофобия.

— Увезти кого?

Он наградил меня «ты-знаешь-о ком-я-говорю» взглядом.

— Алиссу. На кофейном столике два билета на сегодняшний вечер в Чикагскую оперу. Номер в отеле тоже оплачен. Думаю, ей должно понравиться. Мы с Эрикой планировали эту поездку на свой медовый месяц, но... — его голос иссяк, и он закрыл глаза. — Свози ее туда.

— Я не поеду в Чикаго и не останусь на ночь в отеле, когда твои дела идут не очень хорошо.

— Поедешь.

— Нет. Вчера у тебя была химиотерапия. Тебе всегда после нее еще несколько дней плохо.

— Я в порядке. Кроме того, Эрика поможет мне.

— Келлан.

— Логан, — он приподнялся и сел ровнее на диване. — Ты заслуживаешь счастья.

— Я счастлив.

— Нет. Ты просто существуешь. Проживаешь жизнь. Это бессмысленно. Все, через что ты прошел и с чем сталкивался, должно было превратиться для тебя в некое гнилое болото, из которого невозможно выбраться. Но единственный раз, когда я видел тебя счастливым — и я имею в виду, по-настоящему счастливым — это когда вы с Алиссой были вместе.

— Келлан, прекрати.

— Помнишь, когда ты пришел просить у меня денег, чтобы купить подходящий костюм и пригласить ее на фортепианный концерт в Чикаго? Ты светился надеждой. А я никогда не замечал в тебе проблесков надежды.

— Совершенно обоснованно. Надежда — пустая трата времени. Вспомни, ведь мы с ней так и не попали в Чикаго, потому что Рики довел меня до того, что я снова скатился под откос.

Он закатил глаза.

— Ты больше не такой. Увези ее.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— У меня рак.

— Чувак, это удар ниже пояса. Как долго ты еще планируешь играть на этом?

Он улыбнулся, вытянул руку и похлопал меня по плечу.

— Свози ее туда, ладно?

Я кивнул.

— Ладно.

Глава 40

Алисса

— Привет, — сказала я, и у меня перехватило дыхание от вида Логана, стоящего на крыльце в костюме и бабочке. Волосы зачесаны назад. Сам просто лучится.

— Ты потрясающе выглядишь, — сказал он, оглядывая мое длинное черное платье. — Просто великолепно.

Я покраснела.

— Ты тоже. Я имею в виду, солидно. Ты выглядишь солидно.

Он потянулся к моему локтю, и я взяла его под руку. Проводив меня к машине, он открыл пассажирскую дверь и помог мне сесть. Сердце ударилось о ребра, а порхающие в животе бабочки каким-то образом превратились в огнедышащих драконов, сжигающих меня изнутри. Я так сильно нервничала.

Когда он спросил, поеду ли я с ним в Чикаго в оперу, мне хотелось убедиться, что это не сон. Много лет назад у нас не было возможностей воплотить в жизнь какие-то фантазии. Мы никогда не могли любить друг друга так, как действительно того заслуживали. Поэтому то, что сегодня на Логане костюм, который ему не велик, а на мне платье, чересчур изысканное для меня, было потрясающе.

Я все еще люблю тебя...

— Ты волнуешься? — спросил он, когда мы выехали на шоссе.

— Да.

Я все еще люблю тебя...

— Знаю, я никогда не делал ничего подобного. Никогда не был в опере. Я имею в виду, что был на твоих фортепианных концертах, и они были потрясающими, но никогда не видел ничего подобного.

— Тебе понравится, — сказала я. — Когда я училась в колледже, по одному из музыкальных предметов мы были обязаны посещать такие мероприятия. Опера — это реальные переживания.

Он улыбнулся.

— Спасибо, что поехала со мной, Хай.

Каждый раз, когда он называл меня Хай, я чувствовала, будто мне снова восемнадцать.

Я все еще люблю тебя...

Постановка была потрясающей, и, пока мы, сидя в угловой ложе, смотрели на сцену, я заметила, что на глазах Логана выступили слезы. Его взгляд не отрывался от актеров на

сцене, а мой — от него. То, что происходит — это безумие. Как одному-единственному парню после стольких лет все еще удастся управлять ударами моего сердца?

После спектакля мы вышли на прохладную улицу осеннего Чикаго. Мы стояли так близко друг к другу, что время от времени наши руки соприкасались. Отель, в котором мы остановились, был на одной улице с Оперным театром, и это было чудесно.

— Отношения Келлана и Эрики стали очень напряженными, — сказал Логан, прерывая поток моих мыслей.

— Да. Чрезвычайно напряженные. Эрика звонила мне прошлой ночью. Она сидела в машине и плакала. Ей кажется, что она в безысходности и что Келлан отстраняется от нее.

— Ты думаешь, он отстраняется?

— Не знаю. Думаю, он просто напуган.

— Да. Я тоже. Я думал... Мы должны что-то сделать для них. Не знаю что, но хочу сделать что-то, от чего им станет лучше.

— Это отличная идея, — согласилась я, открывая дверь в фойе отеля. — И я думаю...

— Я все еще люблю тебя.

Что? Я только что вслух произнесла слова, вертевшиеся весь вечер у меня в голове? Слова, преследующие меня последние пять лет?

Нет. Они слетели не с моих губ.

Медленно повернувшись, я уставилась на Логана, который стоял на тротуаре, засунув руки в карманы. Он качнулся взад-вперед.

— Что? — спросила я, мое сердце бешено колотилось.

— Я все еще люблю тебя, — повторил он, подходя ближе. — Я пытался прекратить это. Пытался игнорировать. Я пытался прогнать это чувство, но оно не уходит. Когда ты рядом, я хочу тебя еще ближе. Каждый раз, когда ты смеешься, я хочу, чтобы этот звук никогда не стихал. Когда тебе грустно, я хочу поцелуями собрать твои слезы. Я знаю все причины, по которым не должен хотеть быть с тобой. Знаю, мне нет прощения за все то, что тогда произошло. Но я знаю, что все еще люблю тебя. Ты по-прежнему тот огонь, который согревает меня, когда в душе появляется холод. Ты по-прежнему голос, отпугивающий темноту. Ты по-прежнему для моего сердца единственный повод, чтобы продолжать биться. Ты по-прежнему воздух для моих легких. По-прежнему мой самый сильный кайф. И я по-прежнему искренне, до безумия, до боли люблю тебя. И не думаю, что когда-нибудь смогу перестать.

— Логан...

Он продолжал приближаться ко мне, и мое сердце продолжало ускоряться до тех пор, пока я не почувствовала слабость.

— Алисса...

— Ло.

Медленно мы переплели наши пальцы вместе.

— Хай.

Он.

Я.

Мы.

Мы подошли ближе. Наши тела прижались друг к другу, и я почувствовала, как он задрожал, когда кончики моих пальцев коснулись его груди.

— Нервничаешь? — спросила я.

— Нервничаю, — ответил он.

Мои губы были в миллиметре от его рта. Его дыхание стало моим, а мое принадлежало только ему. Он помогал мне жить, заставляя снова и снова сокращаться мышцы моего сердца.

Я пожала плечом.

Он пожал плечом.

Я улыбнулась.

Он улыбнулся.

Я приоткрыла губы.

Он приоткрыл губы.

Я наклонилась.

Он наклонился.

И мы оба были так сильно влюблены.

***

На несколько мгновений он впустил меня в свое сердце, а я позволила ему войти в мое. Его кожа соприкоснулась с моей. Его губы встретились с моими. В ту ночь мы держались друг за друга. Мы не позволяли нашим мыслям заблудиться где-то. Мы не говорили о прошлом и отказались от разговоров о будущем.

Но мы действительно вспоминали, и мы действительно мечтали.

Мы вспоминали, кем были, и мечтали, кем могли бы стать. Каждый раз, когда он входил в меня, я шептала его имя. Каждый раз, выскальзывая из меня, он шептал мое.

— Я люблю тебя, — тихо говорила я ему на ухо.

— Я люблю тебя, — нежно отвечал он, целуя меня в шею.

Этой ночью мы любили друг друга. Мы любили друг друга без стеснения, без ограничений, без страха. Мы любили друг друга каждым поцелуем, каждым прикосновением, каждым оргазмом. Мы любили боль, мы любили раны, мы любили наш неистовый огонь, который никогда не угасал.

Этой ночью мы любили.

Да...

Любили так неспешно.

***

Когда я проснулась, мне все еще казалось, что я сплю, потому что лежала в его объятиях. Его глаза были открыты, и он нежно поцеловал меня в лоб.

— Привет, — я зевнула, протирая глаза.

— Привет, — ответил Логан.

— Пора вставать?

— Нет, — он покачал головой. — Сейчас только три часа ночи.

Я немного приподнялась, внутри зашевелилось беспокойство.

— Что не так?

— Ничего.

— Логан. Скажи мне.

— Я просто беспокоюсь, вот и все. Вчера у Келлана была химиотерапия. С тех пор, как я вернулся, всегда был там с ним. Иногда ему бывает плохо посреди ночи, и я волнуюсь, вот и все.

Я поднялась с кровати и начала собирать его вещи, а затем подобрала свою одежду.

— Что ты делаешь? — спросил он.

В его сторону полетели брошенные мной брюки.

— Одевайся. Мы едем домой.

Обратно мы ехали в тишине, но он всю дорогу держал меня за руку. Знаю, это покажется глупым, но пока мы ехали в машине, я почувствовала, что влюбилась в него еще сильнее. Он подвез меня к моему дому и наклонился, чтобы поцеловать.

О, как же я любила его поцелуи.

— Позвони, если что-нибудь понадобится, — сказала я.

Небо было темным, солнце еще не взошло. Он согласился держать меня в курсе.

— О, и у меня кое-что есть для тебя, — я потянулась к своей сумке и достала пачку DVD-дисков. — Я собирала их все прошлые годы, думая, что на них могут быть интересные для тебя фильмы. Некоторые я посмотрела, и они мне понравились. Тот, что о фениксе, был моим любимым и напоминал о тебе.

— Почему ты никогда не переставала верить в меня? — спросил он дрогнувшим голосом.

Я пожала плечами.

— Потому что за некоторые вещи — за самые лучшие — всегда стоит бороться.

Я поцеловала его в губы и начала вылезать из машины.

— О, и, Хай? — он потянулся к бардачку машины и достал DVD-диск. — Это тебе.

— Что это?

— Я снял фильм, когда был в Айове.

— Что? — спросила я. — О чем он?

— О нас, — ответил он немного застенчиво. — Он называется «Взлеты и падения». На каждое оставленное тобой сообщение там есть ответ. Тысяча девяносто ответов. Плюс, несколько промежуточных моментов.

— Ло...

— Он не очень хорош, но правдив. Он еще сырой. Но я подумал, ты должна знать, что я отвечал. На каждое сообщение. И хочу, чтобы тебе стало известно — именно ты помогла мне пройти сквозь каждую секунду борьбы с зависимостью. Твой голос спас меня.

Едва войдя в дом, я вставила диск в ноутбук и в течение часа практически не дышала. В каких-то ответах он разговаривал со мной, в каких-то просто говорил в камеру, словно это был некий дневник. Каждый ответ рассказывал мне о том, чего я, к сожалению, не могла услышать тогда. Каждый ответ точно совпадал с тем, из-за чего обливалось кровью мое сердце пять лет подряд.

Ответ 1

Мне жаль. Мне жаль. Мне так жаль. Мне так чертовски жаль, Хай...

Ответ 56

Это мой пятьдесят шестой день в клинике, и мне одиноко. Я все еще не понимаю, что все это значит. Быть живым. Быть мертвым. Вдыхать и выдыхать. Простая идея существования всегда была запутанной для меня. Но однажды в мою жизнь вошла ты, и все стало немного понятнее.

Возможно, смысл жизни — это понять, что мы не всегда будем состоять из своих прошлых ошибок. Возможно, смысл жизни в том, чтобы открыться навстречу тому, чего

больше всего боимся, — например, любви. Возможно, смыслом моей жизни было просто найти тебя, даже если это не навсегда.

И одной этой мысли достаточно, чтобы пережить каждую одинокую ночь.

Ответ 232

В этом месяце родился бы наш ребенок. Ты оставила мне сообщение, напоминающее об этом, но я и так знаю. Я не могу спать. Я не могу есть. Я не могу перестать думать о том, чтобы лежать с тобой рядом, прижимая тебя близко-близко. Но мне еще не лучше. Я все еще блуждаю. И я не настолько силен, чтобы любить тебя так, как ты того заслуживаешь. Так вот, я подожду. Пока еще мне нечем гордиться.

Ответ 435

Итак, это моя квартира. Не знаю, показывал ли я тебе ее раньше, но вот она. У меня есть все необходимое. Келлан помог мне. Где-то здесь прячется мышонок Джорди. Время от времени он выбегает поиграть. И это довольно значимо. Он маленький, но зато мой, как мне кажется.

Я знаю, что ты злишься на меня.

Но я так сильно по тебе скучаю, что иногда по ночам мне больно дышать.

Ты спрашивала, что я делаю, когда идет дождь? Я лежу в кровати и думаю о тебе.

Ответ 1090

Ты сказала, что прекращаешь звонить мне. Я рад это слышать, но в то же время я сломлен. Хочу, чтобы ты была счастлива. Хочу, чтобы ты встретила кого-то, кто достоин твоей любви. Хочу, чтобы ты влюбилась в сердце, которое билось бы только для тебя, как бьется мое. Хочу, чтобы ты громко смеялась, и чтобы кто-то настолько же полюбил звук твоего смеха, насколько люблю его я. Я хочу, чтобы в конце тебя ждало счастье.

Хочу, чтобы ты двигалась вперед.

Каждый день я твержу себе, что больше не люблю тебя, что делаю шаги вперед.

Но почему-то это не так.

Это происходит со мной каждый день: прямо перед тем, как заснуть, я закрываю глаза и вижу твое лицо, твою улыбку, твою душу. И в тихом шепоте ночи я снова влюбляюсь в тебя.

Надеюсь, это не изменится никогда.

И пусть это эгоистично, но я надеюсь, что маленькая часть тебя тоже всегда будет любить меня.

Глава 41

Логан

Придя в дом Келлана, я остановился на мгновение, услышав характерные звуки рвоты. Бросившись к ванной, откуда доносился звук, я обнаружил там Келлана, сидевшего на полу со склоненной над унитазом головой. Его выворачивало наизнанку.

— Господи, Кел, — пробормотал я, беря полотенце и приседая рядом с братом. Он прикрыл рот, не в силах ничего больше из себя выдавить, потому что внутри у него ничего не осталось.

— Я в порядке, — пробормотал он, после чего очередной приступ пустой рвоты скрутил его.

Я положил руку ему на спину, потому что больше ничем не мог помочь, кроме как быть здесь, рядом с ним, в этой боли.

— Что происходит? — взволнованно спросила Эрика, просовывая голову в ванную. Ее глаза округлились, пока она решала, как ей лучше поступить — остаться в ванной с Келланом или вернуться в гостиную. — Почему ты меня не разбудил? — спросила она меня.

— Я только что вернулся домой.

Она пригладила волосы руками.

— Ладно. Ему нужна таблетка от тошноты.

Шлепая босыми ногами по деревянному полу, она поспешила прочь и вернулась со стаканом воды и маленькими розовыми пилюлями.

— Давай-ка, Келлан.

— Нет, — прошептал он. — Я не хочу.

— Это поможет от тошноты.

— Не хочу.

Подбородок Эрики задрожал, она подтолкнула в его сторону стакан и таблетку.

— Кел, давай. Это поможет...

— Просто оставь меня в покое! — выкрикнул он, отталкивая от себя стакан, в результате чего тот полетел на пол и разбился.

Эрика отшатнулась назад и поморщилась. Ее губы задрожали, дыхание сорвалось. Она положила таблетку на раковину.

— Я оставлю ее здесь на случай, если понадобится.

Я помог Келлану вернуться в спальню, и он взял у меня таблетку. Я сделал несколько неуверенных шагов в сторону кухни и увидел Эрику, копошащуюся возле шкафа. Она выгружала новые стаканы из стоящей перед ней коробки.

— Эрика, он просто устал.

Она несколько раз кивнула, взъерошив рукой свои волосы.

— Да, знаю. Я знаю. Все нормально. Я просто хотела до завтрака достать эти стаканы. Так здорово, что я их купила. Знала, что они пригодятся, и еще они намного лучше тех, что были. Прочнее. Не знаю, почему я не заменила их раньше.

Заменив все стаканы, она закрыла коробку и направилась в гостиную, где с безучастным взглядом встала, уперев руки в боки.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Я думаю, если передвинуть диван к восточной стене, то телевизор будет видно большему количеству людей. Да, думаю, это хорошая идея.

— Эрика.

— Или, может, мне стоит купить новый телевизор. Я видела в газете объявление о распродаже и...

— Эрика, перестань. Иди в кровать.

— Нет. Нет, все хорошо. Нужно убрать осколки стакана в ванной. Большая удача, что у меня были стаканы на замену.

— Эрика.

Она всхлипнула и закрыла лицо руками.

Господи.

— Почему с тобой он так себя не ведет, а? Почему не кричит... Почему он не...

— Я уехал тогда и не собирался возвращаться. Может, он думает, что я снова уеду. Или,

что еще хуже, снова подсяду на наркотики.

— Я разбита. Я совершенно разбита. Я не готова начать учебу. Я провалила экзамен на вечернем отделении. И теперь эти придирки Келлана. Обиды. Келлан никогда никого не обижал. Не знаю, сколько еще смогу выдержать.

Она продолжала всхлипывать, и я обнял ее. Я не знал, что сказать и как успокоить ее. Она была права. День ото дня Келлан становился все мрачнее и мрачнее по отношению к ней. Он отталкивал ее.

— Хочешь немного покурить травки?

Она отстранилась от меня и резко покачала головой.

— Нет, Логан. Я не хочу курить травку.

— Ладно.

Мы немного помолчали.

— Хочешь выпить? — спросил я.

Она в некотором колебании прищурила на меня глаза и с сомнением прикусила нижнюю губу.

***

Мы сидели в их внутреннем дворике уже сорок пять минут, и я впервые в жизни видел пьяную Эрику. Ее смех эхом разносился по двору, и время от времени она затягивалась моим косяком, после чего делала глоток виски из бутылки. Сам я курил травку, от которой немного забалдел.

— Ты лучший, — сказала она, хлопнув меня по коленке.

— Ты меня на дух не переносишь.

— Да. Я тебя ненавижу, — она потянулась к самокрутке, зажатой между моих губ, но я сжал их, не позволяя ей взять косяк снова. — Я думаю, тебе стоит ограничиться исключительно виски.

— Я думаю, тебе следует ограничиться исключительно виски, — передразнила она меня и снова рассмеялась. — Знаешь, за что я больше всего тебя ненавижу?

— И за что же?

— За то, что все тебя любят, что бы ты ни натворил.

— Чушь.

— Нет, — она покачала головой. — На самом деле. Особенно Келлан и моя сестра. Они считают тебя каким-то богом. Логан Сильверстоун не может поступить плохо. Они оба любят тебя больше, чем когда-нибудь смогли бы полюбить меня.

Я нахмурился.

— Это неправда.

— Нет, так и есть. Я предлагаю взглянуть правде в глаза. Ты разбил машину Келлана. Ты чуть не сжег мою первую квартиру. Врезавшись в здание на машине, ты сломал жизнь моей сестре. Ты сбежал, годами игнорировал ее, и все равно... она бы хоть завтра пошла за тебя замуж, если бы ты предложил. Что касается Келлана, то не проходит и дня, чтобы он не упомянул твоего имени. Твоя мама каждый день плакала, когда ты уехал. И даже смогла на короткое время завязать, потому что хотела, чтобы ты ею гордился. Пока твой ненормальный папаша снова не втянул ее обратно в это дерьмо и не упрятал в больницу. Зато было сделано все возможное, чтобы ты отправился на реабилитацию. По правде говоря, самый большой наркотик для этого узкого круга людей — ты. Они зависимы от тебя и не могут от этого избавиться.

У меня пересохло в горле, стало больно глотать.

— Что ты только что сказала?

— Ммм, я много чего наговорила. Хочешь, чтобы я повторила все?

— Нет, — я покачал головой. — Только часть о моей маме. Мой отец довел ее до больницы?

Эрика быстро подняла глаза, встречаясь со мной взглядом.

— О, черт, — она вытаращила глаза и покачала головой. — Не говори им, что я рассказала тебе об этом. Пожалуйста. Они не хотели, чтобы ты знал. Не хотели, чтобы ты чувствовал себя виноватым из-за того, что не был там. Пожалуйста, ничего им не рассказывай.

Я выбросил самокрутку и направился в дом.

— Ложись спать, Эрика.

Глава 42

Алисса

На следующий день Логан попросил меня сходить вместе с ним навестить его маму. Сначала мы остановились у Bro's Bistro, чтобы купить ей немного готовой еды, и, пока он был в ресторане, я ждала его снаружи в машине. Взглядом я осматривала улицу, когда из переулка в нескольких шагах от машины раздался крик.

Открыв дверь, я пошла в направлении звука, и сердце практически выпрыгнуло у меня из груди, когда увидела отца Логана, возвышающегося над Сэди и орущего на нее. Она тряслась, прижатая к бетонной стене соседнего магазина.

— Прости! — заплакала она, когда он замахнулся и с силой ударил ее по лицу. Я услышала всхлипы, а затем она соскользнула вдоль стены и упала на землю, свернувшись в позу зародыша.

— Эй! — закричала я, вбегая в темный переулок и направляясь в их сторону. — Отойди! — крикнула я ему.

Он сжал Сэди руками и взглянул в мою сторону. Его глаза были налиты кровью, холодные и злобные.

— Отвали! — приказал он.

Я встретила взглядом с Сэди. В ее глазах не было ничего, кроме страха. Мои внутренности свело при виде синяка, расплывающегося по ее лицу. Я не знала, что еще сделать, поскольку видела, как он наклонился и что-то прошептал ей на ухо, отчего она в страхе съежилась.

— Оставь ее в покое, придурок! — крикнула я.

Вцепившись руками в запястья Сэди, он потащил ее в противоположную от меня сторону.

— Ты, тупая сучка, — бормотал он ей, волоча следом за собой.

Недолго думая, я бросилась вдоль переулка и толкнула его в спину.

— Отпусти ее! — закричала я, стуча кулаком по его спине.

Он отпустил ее руку и, развернувшись, без колебаний ударил меня прямо в глаз, отчего я потеряла равновесие и сползла вниз. Прежде, чем успела подняться, я увидела, как Логан вбегает в переулок и ударом в челюсть сбивает с ног своего отца. Сэди бросилась ко мне, чтобы помочь встать.

— Ты в порядке? — спросила она в панике, но со мной было все нормально, исключая

нервное потрясение от ситуации в целом.

— Я в порядке. В порядке, — ответила я. Мой взгляд переместился на Логана. Он сидел верхом на Рики, снова и снова нанося ему удары в лицо. Глаза жесткие, взгляд холодный. И он снова замахнулся. — Логан, нет! — закричала я, повиснув на его руке. У него был совершенно дикий взгляд, внутренний огонь сжигал его дотла.

Логан.

Ло.

Моя самая болезненная слабость.

— Логан, хватит. Он в отключке. Все в порядке, — я говорила спокойным голосом, стараясь не показывать, насколько напугана. Он снова повернулся к отцу, но я взяла его за руку. — Посмотри на меня, Ло. Пожалуйста, — упрашивала я. — Логан, ты не опустишься до его уровня, — убеждала его я, заставляя остановиться. — Не будь таким, как он. Ты не такой, как твой отец.

Он остановился.

— Ты в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун, — убеждала я его, и слезы катились по моим щекам. — Ты в порядке. Дай мне свою руку, — попросила я.

Он подчинился.

Я помогла ему подняться и наблюдала, как его дыхание замедлилось, когда он слез с Рики и уставился на окровавленные костяшки своих пальцев. Я потянулась к его рукам, но он отдернул их. Его взгляд переместился на лицо Сэди — оно было почти в таком же ужасном состоянии, как и лицо его отца.

— Черт, — выдохнул он. — Идемте, — приказал он нам, развернувшись. Мы с Сэди последовали за ним, и он привел нас к доктору Ти Джею.

Мы постучали. Дверь открыл Ти Джей, одетый в пижаму.

— Какого хрена, Логан? Сегодня воскресенье. Воскресенье — это выходной.

Логан ничего не сказал, а лишь шагнул в сторону, открывая обзор на меня и Сэди.

— Черт, — пробормотал Ти Джей. — Заходите.

Мы оставались там до тех пор, пока нас всех не привели в порядок. Ти Джей проверил ребенка Сэди, с которым, к счастью, было все в порядке. Уходя, я сказала Сэди, что она может остаться у меня, но прежде, чем она смогла ответить, ей пришло сообщение от Рики.

Рики: Скажи своему герою, что он заплатит за это. Начнем с его матери.

— О, нет, — пробормотала я, когда глаза Логана округлились от страха. — Вызывай копов.

Глава 43

Логан

Домчавшись до маминой квартиры со вздымающейся грудью, я рывком распахнул дверь.

— Мам! Он здесь? — выкрикнул я. Мое сердце практически остановилось, когда я увидел маму на полу, а этот дьявол во плоти бил ее в живот. Я бросился на него и швырнул что было сил через всю комнату. Пospешив к маме, я попытался привести ее в чувство.

За спиной я услышал, как он усмехнулся, поднимаясь на ноги.

— Ну, разве это не чудесное воссоединение семьи? Не обращай внимания на маму. Она просто задремала.

Я вскочил на ноги и бросился на него, желая сравнять с землей, но остановился,

услышав звучащие в голове слова Алиссы. Не будь, как твой отец.

— Просто оставь нас в покое, Рики.

Он жутко выглядел, словно перебрал наркотиков.

— Нет, пока я не верну Сэди. Ты повеселился. Теперь верни ее мне, — выкрикнул он, подходя ко мне.

— Рики... тебе нужна помощь, мужик.

— Пошел на хер, мудака. Отдай мне Сэди.

— Она не твоя собственность и не пойдет с тобой.

Он запустил пальцы в волосы, в бешенстве вырывая их.

— Я был рядом с тобой, парень! Когда у тебя не было никого, я взял тебя под свое крыло.

— Подсадив меня на наркотики? Да, какая забота с твоей стороны!

Он бросился ко мне и обхватил руками за шею, прижимаясь к моему лбу своим.

— Проклятье, не смей разговаривать со мной неуважительно, сын.

Хотя я уже не был маленьким мальчиком, как раньше, Рики все еще был намного крупнее меня. А под кайфом — еще страшнее. Он не говорил, что собирается сделать, но я был твердо уверен в одном: пусть лучше он сделает это со мной, чем с теми девушками, сидящими внизу в машине.

— Уходи домой, Рики. Все кончено.

— Все кончено? — он оттолкнул меня и ударил кулаком в глаз. Последовала страшная боль. Я отлетел назад и, пытаясь не упасть, ухватился за просиженный диван.

— Я не собираюсь драться с тобой, Рики, — пробормотал я, ощупывая пальцами глаз.

— Ты будешь, — прорычал он, замахиваясь и ударяя меня кулаком в живот.

Я почувствовал поднимающуюся рвоту и, стараясь ее сдержать, сказал:

— Нет.

— Почему нет? — спросил он, опрокидывая меня на пол и пиная ногой в живот. — Почему нет? Потому что ты слабак? Потому что ты не можешь быть настоящим мужиком? — орал он, продолжая меня пинать.

— Нет, — прохрипел я, выплевывая скопившуюся во рту кровь. — Потому что если я так сделаю, то стану таким же, как ты.

— Я так устал от тебя, — проворчал он, вытирая рукой губы, после чего достал из заднего кармана пистолет. — Я устал от твоего вмешательства в мою жизнь. Я устал от того, что ты влезаешь в мои дела. Я устал от твоей физиономии. Так что сейчас мы просто закончим это, — он направил пистолет на меня, и я закрыл глаза. Но, услышав звук выстрела, ничего не почувствовал.

Открыв глаза, я увидел полицейских, стоящих позади меня, и Рики, лежащего на полу с простреленным плечом. На место происшествия устремились копы и медики. Словно в тумане, я видел, как они подбежали к маме, потом к Рики. Алисса и Сэди разговаривали с офицерами, давая объяснения по поводу произошедшего.

Я попытался открыть рот, но челюсть настолько опухла, что говорить было больно. Подошел фельдшер, чтобы осмотреть мое лицо, но я отмахнулся от него.

— Я в порядке, — выдохнул я, в горле все горело. Он проигнорировал мои слова и начал обрабатывать ссадины, говоря, что нос и подбородок надо зашивать.

— У нас будут еще вопросы в больнице, — сказал офицер Алиссе. — Мы поедем следом за вами.

Она кивнула и направилась ко мне. Поморщившись, она слегка коснулась пальцами моего лица.

— Ох, Ло... — прошептала она.

Я нервно хихикнул:

— Т-т-ты... — и остановился, сжавшись от боли в челюсти. — Ты считаешь, что мне плохо, а видела бы ты второго чувака.

Она не рассмеялась.

Думаю, потому что это было не смешно.

— Давай, — сказала она. — Пойдем, приведем тебя в порядок.

Мне хотелось сказать что-то шутливое. Мне хотелось, чтобы она почувствовала себя лучше, потому что с уверенностью мог сказать — она находилась в полуобморочном состоянии. Но слова не шли с языка. Мои мысли крутились вокруг мамы — только бы с ней все было в порядке. Я не мог перестать думать о том, как часто после моего отъезда он избивал ее. Не мог перестать думать о том, что должен был быть здесь и защищать ее. Не мог перестать думать о том, что сколько бы раз я ни клялся, что ненавижу ее, но, на самом деле, любил ее.

Я так сильно любил ее. И подвел. Когда уехал и оставил одну.

Логан. 13 лет.

На мой день рождения дедушка прислал мне документальный фильм о гамбургерах. Я пересмотрел его три раза, но снова засунул диск в проигрыватель. Он был довольно интересным, к тому же, мне было скучно, потому что большинство фильмов из библиотеки я давно пересмотрел.

— Чем занимаешься? — спросила мама, появляясь в дверях моей комнаты.

— Ничем, — ответил я.

— Можно мы вместе будем заниматься ничем?

Я поднял взгляд и открыл рот. Мама выглядела прекрасно. Волосы зачесаны в высокий хвост, перевязанный красной лентой. На лице макияж, чего обычно никогда не было. Она надела симпатичный черный сарафан, который обычно висел в глубине ее шкафа.

— Ты потрясающе выглядишь, — выдохнул я.

Ее мышцы слегка подергивались, но для мамы это было нормальное состояние. Она всегда беспокойно двигалась и подергивалась, но спустя какое-то время меня перестало это беспокоить. Это просто стало частью ее.

— Правда? Не знаю. Я иду сегодня на это собрание, — она улыбнулась и сделала реверанс. — Это встреча для помощи людям, которые хотят избавиться от зависимости, понимаешь? Я хочу завязать, Логан. Хочу стать лучшей мамой для тебя.

Мои глаза распахнулись. Я чувствовал себя словно в свободном падении, в животе все дрожало.

— Правда?

Мама никогда не говорила, что ей нужна помощь. Она всегда считала, что никто не сможет ей помочь.

— Да, — она пересела на мой матрас. — Тебе придется на время остаться с Келланом и его отцом. Я хочу поехать на реабилитацию. Я действительно хочу сделать так, чтобы у нас все стало лучше.

— Ты уезжаешь от меня? — спросил я, мои ладони вспотели.

— Совсем ненадолго. Потом я вернусь и буду лучше, чем когда-либо.

— Ты вернешься ко мне?

— Я вернусь к тебе.

Я вздохнул с облегчением.

— Как думаешь, сможешь ли ты сделать перерыв в просмотре фильма и приготовить лазанью? Мы должны отпраздновать это, пока я не уехала.

Мои глаза засияли, и я кивнул головой.

— Да!

Мы готовили вместе. Я сделал соус, а мама выкладывала слоями пасту и сыр. Когда все было готово, она заставила перенести маленький телевизор из моей комнаты в гостиную. Мы сидели на диване, смотрели фильм о гамбургерах и ели горячую лазанью прямо из лотка.

— Мам?

— Да, Логан?

— Почему ты плачешь? — спросил я.

Она натянуто улыбнулась и пожала плечами.

— Просто от счастья, милый, вот и все.

Я тоже улыбнулся и вернулся к еде. Лазанья обжигала мне нёбо, но я не обращал внимания, ведь мама собиралась на реабилитацию. Потом она вернется ко мне, и мы вместе начнем жить по-настоящему. У нас все наладится. Скоро это станет нашей обычной жизнью — вместе обедать и смотреть документальные фильмы. Она будет ходить ко мне на родительские собрания, придет на мой выпускной. Мы с ней станцуем медленный танец на моей свадьбе. Она будет читать сказки моим будущим детям.

У нас появится совместное будущее, и оно будет прекрасным.

Я улыбался, улыбался и улыбался.

Потому что никогда не был так счастлив.

Глава 44

Алисса

Логан обошелся сломанным носом, двумя заплывшими черными глазами и переломом запястья. Ему повезло, потому что повреждения на его лице выглядели в пятьдесят раз хуже, чем оказались на самом деле. Мы сидели в холле, ожидая заключения о состоянии его матери. Закрыв глаза, я молилась, чтобы с ней все было в порядке. Мне известно, сколько боли Джули вносила в жизнь Логана, но я не сомневалась, что она желала ему добра.

Подожли полицейские, чтобы пообщаться с нами.

— Простите, что отвлекаем, ребята, но мы просто хотели сообщить вам последние новости. После всего того, о чем мы разговаривали, был получен ордер на обыск в доме твоего отца. Пистолетом он владел незаконно, а на месте происшествия были обнаружены наркотики. Это не первые его проблемы с законом, поэтому, я думаю, на этот раз мы действительно сможем посадить его. На данный момент он взят под стражу за нападение на твою мать. Это дает нам достаточно мотивов для получения санкции суда. Мы собираемся надолго засадить этого парня.

Логан кивнул. Я поблагодарила офицеров, и они, пожелав нам всего хорошего, ушли, пообещав держать нас в курсе.

— Какое облегчение, — вздохнула я.

Логан подпер голову ладонями и кивнул.

— Да.

Я погладила его по спине, когда к нам подошел врач.

— Приветствую. Итак, последние новости.

— Сегодня чересчур много новостей, — пробормотал Логан.

Доктор натянуто улыбнулся.

— Да. Итак, состояние вашей матери улучшается, но уровень содержания наркотиков в ее организме очень тревожит нас. Следующие несколько дней мы подержим ее здесь, чтобы помочь ее организму очиститься. У нее сломаны два ребра от ударов ногами, но мы не можем давать ей много обезболивающих из-за наркотиков в ее крови. Здесь мы будем руководствоваться интуицией. Если у вас есть какие-то вопросы, то, пожалуйста, не стесняйтесь к нам обращаться.

Я поблагодарила врача, но Логан по-прежнему сидел, подперев голову руками.

— Видишь, Логан? Все хорошо. Все будет в порядке. Хочешь, я позвоню Келлану, чтобы он был в курсе?

Его брата не поставили в известность относительно произошедшего. Логан не хотел его беспокоить, пока не выяснит все детали.

Он застонал, поднимая взгляд.

— Нет. Я должен быть рядом, чтобы сказать ему лично. На всякий случай, если он плохо отреагирует. Не хочу рассказывать ему по телефону.

— Это разумно. Это хорошая идея.

— Хай?

— Да?

— Я просто хочу, чтобы ты знала. Ты вправе отказаться прямо сейчас. От всего этого.

— О чем ты говоришь?

— О моей жизни, — сказал он с явным напряжением в голосе из-за боли в челюсти. Поежившись, он потер ее. — Моя жизнь — это хаос. Так было всегда, и я даю тебе бесплатный билет на выход из ада! Я люблю тебя и именно поэтому предлагаю тебе выход. Ты заслуживаешь большего, чем эта изгаженная жизнь.

— Эй, — прошептала я, придвигаясь к нему. Я прижалась губами к его уху и откинула его волосы назад. Жизнь, которой он жил, была жестоким разочарованием. — Я никуда не уйду.

С остекленевшим взглядом он покачивал головой и сжимал руки.

— От меня одни беды, Хай. Я хаос. Я всегда все портил. И всегда буду все портить.

— Логан, прекрати. Ты не тот, кем был когда-то. Понял? Ты не продукт своего прошлого.

— Но ты заслуживаешь целого мира. Ты достойна лучшего. Ты заслуживаешь большего.

— Я могла бы построить нормальную жизнь с кем-нибудь еще, — сказала я. — Я могла бы иметь домик и дворик за белым заборчиком, нормальную работу, нормальных детей, нормального мужа. Я могла бы иметь удобную жизнь с кем-то, кем была бы довольна, но кого никогда не смогла бы до конца полюбить. Но я не хочу этого, Логан. Я хочу тебя. Я хочу шрамов. Хочу ожогов. Я хочу твой хаос. Твои шрамы, твои ожоги, твой хаос — это моя душа. Ты все, чего я когда-либо желала, и все, чего когда-нибудь смогу еще пожелать. Твоя боль — это моя боль. Твоя сила — это моя сила. Твое сердце заставляет биться мое. Так что нет, я не собираюсь отказываться. Я не хочу убегать из-за того, что временами будет трудно. Я хочу

тебя. Всего тебя — хорошего, плохого, измученного, злого. Если тебе придется пройти сквозь ад, я буду держать тебя за руку на протяжении всего пути до самого конца. Если в жизни твоей снова вспыхнет пожар, мы будем гореть как единое целое. Ты мой, Логан. Вчера, сегодня, завтра — я твоя. Ты мой негасимый огонь.

Он повернулся ко мне и поцеловал. Мой ответный поцелуй получился немного сильнее, и он заскулил от моего прикосновения.

— Прости, — тихо засмеялась я, целуя его в лоб. — Пойдем. Поехали ко мне, вернем тебе божеский вид, и потом я отвезу тебя к Келлану, чтобы вы, ребята, могли поговорить.

***

Приехав домой, я включила душ, раздела Логана и помогла ему забраться внутрь. Струи теплой воды ударили по его телу, и он, глубоко вдохнув, закрыл глаза.

— Я буду снаружи. У меня осталось кое-что из твоей старой одежды. Я принесу тебе ее, когда ты закончишь.

— Нет. Выключи свет и иди сюда, — сказал он, по-прежнему не открывая глаз.

Я сделала, как он сказал. Сняла с себя одежду и забралась к нему под душ. Он притянул меня ближе и обнял. Его кожа касалась моей кожи. Его лоб был прижат к моему лбу. Единственные звуки, которые можно было услышать, — это плеск падающей сверху воды и наше дыхание.

Мы стояли там долго, пока вода не остыла, но мы не спешили выходить.

— Навсегда, Хай?

— Навсегда, Ло.

Глава 45

Логан

Высадив у дома Келлана, Алисса оставила меня с чувством некоторого умиротворения. Отец заключен под стражу. Маму не выпустили из больницы, а это значит, что какое-то время у нее не будет доступа к наркотикам. Возможно, все потихоньку наладится.

Возможно.

Я вошел в неосвященный дом. Келлан сидел на диване.

— Что происходит? — спросил я, ударяя по выключателю.

От резкого потока света он поморщился, но ничего не сказал. Слезы катились по его лицу, руки дрожали, и он пытался открыть пузырек с обезболивающими таблетками. Когда ничего не получилось, он швырнул пузырек через всю комнату.

— Аaaa! — закричал он и начал бить себя по голове.

— Что происходит, Кел? Где Эрика?

— Она ушла домой к матери, — он медленно поднялся на дрожащие ноги и споткнулся о пузырек с таблетками. Подняв его, он снова попытался открыть, но ему это никак не удавалось. Тяжело дыша, он прислонился к стене и продолжил свои попытки.

— Так, дай-ка мне, — сказал я и потянулся за таблетками, но он оттолкнул меня.

— Оставь меня в покое!

— Нет.

— Да.

Я вступил с ним в борьбу и вырвал пузырек у него из рук. Открыв, я положил одну таблетку ему на ладонь. Он съехал вниз по стене и сел на пол.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы ты и Эрика нянчились со мной и открывали проклятые

пузырьки с таблетками.

— Да, нуждаешься.

— Нет, не нуждаюсь.

— Кел, да, нуждаешься.

— Нет, не нуждаюсь, — крикнул он надтреснутым голосом, готовый расплакаться. Он обнял себя и отвернулся от меня в сторону, пытаясь сдержать свои слезы. — Я умираю, Логан. Умираю.

Я соскользнул на пол и сел рядом с ним, прислонившись спиной к стене.

— Не говори так.

— Это правда.

— Будь здесь и сейчас, — сказал я, цитируя Рам Дасс. — В реабилитационной клинике эта цитата висела прямо над входом в каждую спальню. Нам говорили, чтобы мы не винили себя за прошлое и перестали беспокоиться об этом, когда покинем клинику. Просто в данный конкретный момент мы должны быть там, где находимся. Будь здесь и сейчас, Келлан. А прямо сейчас ты здесь. Ты такой же живой, как Эрика, Алисса и я.

— Да, но я буду мертв намного раньше, чем вы все.

— Это спорный вопрос. Я могу довольно-таки по-крупному облажаться.

Келлан рассмеялся и слегка толкнул меня. Это хорошо. Смех — это хорошо. Мы прислонились спиной к стене.

— Быть здесь и сейчас, — пробормотал он себе под нос.

— Итак, когда вернется Эрика? — спросил я.

— Она не вернется. Я сказал ей уйти.

— Что?

— Я не могу заставлять ее проходить через это, Логан. Каждый раз, когда у меня кашель, она думает, что я умираю. Она заслуживает нормальной жизни.

— Ты так и сказал ей?

Он поморщился.

— Не совсем.

— Что ты ей сказал?

— Я сказал, что никогда не хотел на ней жениться. Сказал, что между нами все кончено, а все мои болезни от ее нытья. Я сказал ей, чтобы она уходила и не возвращалась.

— Ты выгнал ее, находясь в раздражении?

Он кивнул, всхлипывая.

— Это был единственный способ, чтобы она поняла. Я не могу продолжать разбивать ей сердце.

— Поверь мне, старший брат, именно сейчас ее сердце и разбилось.

Он нахмурился, понимая, что я прав.

— Давай представим, что роли поменялись. Скажем, Эрика больна раком, а ты единственный, кто заботится о ней. Как бы ты себя почувствовал, если бы она сказала тебе те же самые слова?

Он безостановочно тер лицо руками.

— Я знаю. Знаю. Мне уже ее не хватает. Но я не знаю, как это исправить. Не знаю, как сделать все это легче для нее.

— Она не подписывалась на легкость, Келлан. Она подписывалась на тебя. Несмотря на все это, ей нужен ты. Но не волнуйся. Мы это исправим.

— Когда это ты стал таким мудрым?

Я ухмыльнулся.

— Когда Алисса выдала мне точно такую же речь о том, что она согласна на меня любого, включая весь мой прошлый багаж.

Он засмеялся.

— Я должен был понять, что это не ты такой мудрый.

— Да, но я работаю над этим.

В течение нескольких минут мы сидели молча.

— Э-э-э, Логан?

— Да?

— Какого черта произошло с твоим лицом?

Я усмехнулся и начал рассказывать ему о маме и моем отце. Он отреагировал гораздо лучше, чем я ожидал, и подумал о том же, о чем и я.

— Ну, по крайней мере, пока она находится в больнице, то не сможет достать никаких наркотиков.

Ах, мой брат. Мой лучший друг.

***

Алисса: Ты в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун.

Я: Я в порядке, Алисса Мари Уолтерс.

Она писала мне эти слова каждые несколько часов. Когда Келлан был готов, мы пошли с ним в больницу повидаться с мамой. Она все еще немного испытывала боль, потому что врачи не могли увеличить ей дозу обезболивающих из-за ее зависимости. Было тяжело видеть ее в таком состоянии, но и в обычные свои дни она выглядела не лучше.

Келлан сидел в инвалидном кресле, и я подвез его к ее кровати. Он взял ее руку в свою и слегка улыбнулся, а я стоял и смотрел.

— Мне так жаль, малыш, — заплакала она. Он погладил своими ладонями ее щеки и покачал головой. — Мне очень жаль, что я так сильно все испортила. Я все променяла на кайф.

— Будь здесь и сейчас, мам, — ответил он. — Все хорошо.

Взглянув на свой больничный халат и на все трубки и провода, прикрепленные к ее телу, она прикусила губу.

— Я хочу поехать в реабилитационную клинику, — тихо проговорила она.

Мы с Келланом кивнули в знак согласия.

— Я тоже, — сказал другой голос.

Я повернулся к Сэди. Глаза у нее были остекленевшие, она беспокойно двигалась, но улыбалась мне.

— Правильно, — сказал я.

Она кивнула.

— Правильно. Правда, не знаю, как смогу сделать это. Растить ребенка в одиночку. У меня ведь никого нет.

Я слегка подтолкнул ее локтем.

— Все нормально. Этот парень будет моим братом. А там, откуда я родом, для своего брата человек делает все. Я помогу тебе. Теперь у тебя есть семья, Сэди. Тебе не придется больше справляться со всем этим в одиночку. Обещаю.

Глава 46

Алисса

После происшествия с родителями Логана минуло две недели. Джули приняли в реабилитационную клинику, и первые несколько дней она изо всех сил боролась за жизнь. Сэди, почувствовав опору для себя, тоже отказалась от наркотиков. Жизнь возвращалась в нормальное русло. За исключением того, что Эрика все еще жила у матери, а это было далеко от нормы. И немного пугало.

В субботу днем я подошла к дому мамы, держа в руках коробку, и постучала. Дверь открыла Эрика, приподняв бровь при виде меня.

— Привет, Али. Что случилось?

— Хм, случилось то, что ты продолжаешь жить у мамы. Ты знаешь, что это бессмысленно. Собирай вещи. Пора уходить.

— О чем ты говоришь?

— Помнишь свою жизнь? Своего жениха? Тебе пора вернуться домой. Келлан...

— Не хочет меня. Он не хочет, чтобы я была там, Алисса.

— Ты нужна ему.

В дверях показалась мама и прищурила глаза.

— О чем ты говоришь? Эрика наконец-то пришла в чувство. Она вернула себя к жизни после того, как совершила огромную ошибку. Я так горжусь, что она смогла это понять.

— Мам, ты можешь кое-что сделать для меня? — спросила я.

— Что?

— Просто займись своими собственными проклятыми делами. Хотя бы раз в жизни не суйся в чужие.

Она фыркнула, но прежде, чем успела ответить, я выдернула Эрику из дома и захлопнула дверь. Эрика нахмурилась.

— Послушай, Алисса. Я перепробовала все в отношении Келлана. Я действительно старалась. Но он четко и ясно сказал мне, что не хочет меня там видеть. Так что, назад я не пойду.

— Вернись домой, Эрика. Сейчас же.

— Нет.

— Отлично, — я открыла коробку и выгнула бровь. — Но я пыталась тебя предупредить.

Ее глаза округлились, когда в коробке она увидела свою коллекцию тарелок.

— Что ты делаешь, Алисса?

Я начала опрокидывать коробку, и она подпрыгнула, когда все тарелки рухнули на землю.

— Боже мой!

— Логан! Иди сюда, — позвала я, и он выскочил из машины с еще одной коробкой в руках. — Скажи Эрике, чтобы она возвращалась домой.

Эрика дрожала, прикусив нижнюю губу. Логан подошел к ней, пристально посмотрел в глаза и улыбнулся.

— Ты моя сестра.

— Стоп. Нет.

— Ты орешь на меня. Ты на дух меня не переносишь. Ты обращаешься со мной, как с дерьмом. Ты обзываешь меня тупицей. Ты моя сестра, Эрика. И сейчас Келлану без тебя

крышка. Мне нужно, чтобы ты как можно скорее вернулась домой. Я не смогу один, без тебя, помочь ему.

— Я не могу, — сказала она. — Я не могу этого сделать.

Логан кивнул и открыл коробку с любимым фарфором Эрики.

— Вернись домой.

— Я дома.

— Хорошо, — он начал переворачивать коробку, и Эрика съежилась.

— Нет, Логан! Я только что купила...

ХРЯСЬ!

По земле разлетелись осколки.

— Боже мой! Что с вами двумя случилось?

— Мы хотим, чтобы ты вернулась домой, вот и все, — объяснила я.

— Я не могу продолжать это. Не могу больше делать все не так.

Я жестом указала на окно дома, из которого мама наблюдала за каждым нашим движением, стучала в стекло и кричала, чтобы Эрика зашла внутрь.

— И вот это ты считаешь нормальным?

— Вы, двое, уходите. Пожалуйста. Келлан не нуждается во мне.

— Нуждаюсь.

Мы все повернулись и увидели Келлана, идущего в нашу сторону со своей собственной коробкой. Он встал у края подъездной дорожки и уверенно посмотрел в глаза Эрики.

— Мне не хватает тебя. Я хочу тебя. Ты нужна мне, Эрика.

Он высыпал на землю содержимое своей коробки.

— Вернись домой.

Эрика рассмеялась, и мы тоже вслед за ней. Мама, открыв входную дверь, выбежала наружу, чтобы приказать Эрике зайти внутрь, но та отказалась слушать.

Мы все вместе возвращались к машинам, оставляя свою боль в виде осколков стекла, рассыпанных по земле, и начиная все сначала — вместе.

Келлан поехал домой вместе с Эрикой на его машине, а Логан со мной.

— Эй, я подумал... Не устроить ли нам сеанс дикого сумасшедшего секса перед мероприятием в ресторане Джейкоба?

Не отвлекаясь от дороги, я пожала плечами.

— Думаю, можно. Или посмотреть новый документальный фильм про Майкла Джексона, который я вчера купила, и доесть остатки пиццы и малиновый «Орео».

Его глаза заблестели.

— О, мой Бог! Я люблю, как ты меня обламываешь.

Он поцеловал меня, и я поняла, что именно в эту минуту началось наше «навсегда».

***

— Значит, план такой. Я иду в ресторан Джейкоба и окончательно утрясаю все детали. Ты идешь к Келлану и Эрике, вытаскиваешь их из дома и предлагаешь прогуляться куда-нибудь выпить. Келлан согласится, а Эрика будет против, но, в итоге, все равно уступит, потому что любит Келлана и готова сделать все, лишь бы он был счастлив, — объяснял Логан, вставая и собираясь уходить после нашего совместного просмотра документального фильма.

— Правильно.

— Господи, я нервничаю, а ведь это даже не моя вечеринка, — усмехнулся он. Я

подарила ему поцелуй, и он поспешил из дома. — Уверена, что не хочешь прокатиться до Джейкоба?

— Нет, я в порядке. Это здорово. Скоро увидимся.

Когда он ушел, я отправилась напрямик к дому своей сестры, и она поступила именно так, как предупреждал Логан — отказалась идти.

— Не думаю, что сходить куда-то выпить — это хорошая идея, Алисса. Мы оба очень устали, — нахмурилась Эрика. — Может, на следующей неделе.

— Ой, да ладно тебе! Это будет весело. К тому же сегодня вечером Логан работает у Джейкоба, так что мы сможем пораздражать его, бесконечно заказывая еду и отказываясь ее есть. Это будет грандиозно!

Келлан улыбнулся.

— Звучит весело. А мне не хватает развлечений.

Эрика прищурилась.

— Ты хочешь пойти?

Келлан быстро кивнул.

— Серьезно? Ты не устал?

Он быстро покачал головой.

На мгновение она погрузилась в глубокую задумчивость, а мы с Келланом смотрели на нее такими жалобными щенячьими глазами, какие она вряд ли когда-то видела. Когда она, наконец, сдалась, мы возбужденно зааплодировали.

— Одно блюдо и один напиток! Для этого чувака — вода, кивнула она с улыбкой в сторону Келлана.

— Просто, чтобы ты знала, я собираюсь пить свою воду очень-очень медленно.

Эрика нахмурилась, когда мы подъехали к ресторану Джейкоба.

— Почему на двери написано «закрыто»? Сейчас же только шесть часов вечера.

— Не знаю. Странно.

Я схватилась за ручку двери и, открыв ее, повернулась к ним.

— Здесь открыто. Пойдем, посмотрим, здесь ли Джейкоб.

Как только мы вошли внутрь, Эрика открыла рот, увидев повсюду свадебные украшения. Зал был забит до отказа, и все их друзья хором воскликнули:

— Сюрприз!

— Что происходит? — спросила Эрика. Ее взгляд метался туда-сюда.

Подошедший Джейкоб положил руку на плечо Келлана.

— Я позабочусь об этом парне, а ты, Алисса, помоги своей сестре. Дамскую комнату освободили специально для вас.

— Для чего? — все еще взволнованно спросила Эрика, но я схватила ее за руку и потащила за собой. Войдя в дамскую комнату, она прикрыла рот руками. — Али, почему здесь мое свадебное платье?

Я улыбнулась, практически ощущая ее потрясение.

— Я думаю, ты догадываешься? Сегодня ты выходишь замуж.

— Что?

— Я говорю, что сегодня ты выходишь замуж.

Ее глаза наполнились слезами, и я покачала головой.

— О, нет. Не плачь. Через несколько минут здесь будет визажист. Мы должны подготовить тебя.

— Ты имеешь в виду... Эта свадьба там... Эти украшения, люди... Это моя свадьба?

Я кивнула.

Она шумно вдохнула, не веря своим ушам.

— Ты сделала это для меня?

— Это была идея Логана.

Она прикусила нижнюю губу и задрожала.

— Ой, дорогая, не плачь.

— Я не плачу, — всхлипнула она, закрывая лицо руками. — Просто это самое-пресамое приятное из всего, что он мог сделать.

Мы поспешно приступили к подготовке. Надели на нее прекрасное свадебное платье. Уложили волосы в изящный пучок. Мы улыбались и смеялись, выпивая по бокалу шампанского.

— Ты готова, сестренка? — спросила я, стоя за ее спиной в платье подружки невесты.

— Да, просто я хотела, чтобы мама...

Я нахмурилась.

— Знаю.

— Но это не имеет значения. Сегодняшний вечер мой и Келлана. Этот вечер — наш.

Когда мы вошли в зал, Джейкоб уже стоял на сцене, готовый начать церемонию. Слева от него стоял Келлан в костюме и галстуке, а рядом с Келланом Логан. Я пробежалась взглядом по его лицу, охватывая каждую деталь. Его широко открытые глаза улыбались. Однако его великолепные волосы отсутствовали. На голове не осталось ни волоска — он их сбрил, чтобы соответствовать брату. Не только Эрика готова была разреветься, но и из моих глаз потекли слезы.

Я любила его.

Навсегда. Навсегда. Навсегда.

— Ты стой здесь, — сказала я сестре. — И не двигайся, пока не услышишь, как я заиграю, а потом медленно иди навстречу жениху.

Все еще находясь в шоке, Эрика кивнула. Я подошла к пианино и начала играть, наблюдая, как моя сестра идет по проходу навстречу любви всей ее жизни. Слезы струились по ее щекам. Мои щеки тоже были мокрыми от слез.

Они заслужили этот момент. Они заслужили это больше, чем кто-либо в мире. Джейкоб зачитал свидетельство о браке, и оба влюбленных обменялись клятвами, пообещав быть друг с другом в болезни и здравии, в горе и в радости. Отныне и навсегда. Когда они поцеловались, все в зале почувствовали их любовь. А потом они выбежали из зала — смеющиеся, плачущие, влюбленные.

Логан забрал у Джейкоба микрофон и подождал несколько минут, пока я не подала ему знак, что Эрика и Келлан готовы к их главному выходу. Улыбаясь, Логан объявил:

— Дамы и господа, я рад первым представить вам миссис и мистера Келлан Эванс! Он указал на Эрику, выходящую из левой части зала, а затем жестом на Келлана, появившегося справа. Они вышли и встретились на середине танцпола.

— Прежде, чем мы окунемся в ночь веселья, я решил, что самое время для тоста шафера. Поэтому, где бы вы ни находились, поднимите свои напитки и слушайте.

Он напряженно улыбнулся, и я заметила в его глазах слезы, которые он изо всех сил пытался сморгнуть.

— Мой брат Келлан — супергерой. Пусть он не носит геройский плащ. Пусть он не

спасает города. Но он может изменять жизнь. Каждый день он проживает так, словно тот полон волшебства. Он улыбается, даже когда ему больно. Он верит в любовь, в жизнь и в счастливый финал. Он верит в семью. Знаю, он верил в меня даже тогда, когда я, вероятнее всего, этого не заслуживал. Мы с ним росли по-разному. Когда он верил в счастье, я тонул в бедствиях. Но он все равно любил меня. Он любил меня. Невзирая на мои падения, невзирая на мой внутренний огонь и мою боль. Он любил меня безоговорочно. Безгранично любил. И благодаря этой любви я знал, что никогда не останусь один.

— И он, и Эрика любят одинаково. Эрика любит моего брата до самой глубины души. Она пройдет через ад и обратно только ради того, чтобы он продолжал улыбаться. Даже если ей самой будет больно. Она заботливая, умная, нежная. Хотя я и оставляю бардак в каждой комнате, но она приняла меня в своем доме, потому что любит Келлана. Она любит его всего, со всем тем тяжелым багажом его прошлого, включая меня. Она любила Келлана до его болезни, любит во время болезни и, клянусь Богом, будет любить его после победы над раком. Потому что ее любовь безоговорочна.

— Эти двое — супергерои любви. Они доказывают, что даже когда дела идут плохо, всегда можно найти в себе силы улыбаться. Они жертвуют собой друг для друга, потому что знают — их любовь настоящая. Даже когда темно, эта любовь светит им. Эти двое научили меня открывать себя для любви. Верить в счастливое завтра. Отдавать всего себя. Безоговорочно. Итак, я поднимаю свой бокал за них.

Он поднял бокал и посмотрел на брата и Эрику.

— За ту безоговорочную любовь в горе и в радости, в которую эти двое научили меня верить. Чтобы мы все искали такую любовь, и чтобы все нашли ее, — его взгляд переместился ко мне, и по его щеке скатилась слеза, а в тот же самый момент такая же слеза скатилась и по моей щеке. — И чтобы, найдя ее, мы старались удержать ее навсегда, навсегда, навсегда.

Я послала ему воздушный поцелуй, и он «поймал» его, прижав к сердцу. А потом повернулся к молодоженам.

— За Келлана и Эрику, и их вечную любовь!

Все зааплодировали и выпили. Все были во власти любви. Логан вытер глаза и засмеялся.

— А теперь, пожалуйста, освободите танцпол, потому что прекрасная супружеская пара дарит нам свой первый танец.

Я поднялась на сцену к Логану и забрала микрофон из его руки.

— Ты без волос, — прошептала я, проводя ладонями по его лысой голове.

Он пожал плечами.

— Это всего лишь стрижка.

Я поцеловала его в лоб.

— Это гораздо больше, чем просто стрижка.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я люблю тебя, — ответила я.

Он подошел туда, где стояла гитара, и, подняв ее, сел на высокий стул. Я села за пианино и, положив рядом с собой микрофон, стала ждать, когда он начнет играть. Услышав аккорды, которые он совсем недавно научился играть, я улыбнулась и присоединилась к нему, коснувшись клавиш и начав вступление к песне Ингрид Майклсон «Я такая, как есть».

Их песне.

Келлан и Эрика медленно покачивались на танцполе, с каждой минутой все глубже погружаясь в свою любовь. Во время гитарного соло открылась парадная дверь ресторана, и Логан произнес в микрофон:

— Пожалуйста, поприветствуйте на празднике матерей жениха и невесты.

Все удивленно распахнули глаза и зааплодировали, когда Джули и моя мама вошли в зал вместе. Мое сердце колотилось о ребра, и я ошарашенно повернулась к Логану.

— Как?

Он пожал плечами.

— Я сделал пару остановок, прежде чем приехать сюда.

Ты — мой мир. Мой огромный, необъятный мир.

***

Свадьба прошла на удивление хорошо. Столько смеха и счастливых слез я не видела очень давно. Когда праздник закончился, мы вышли на стоянку перед рестораном — Келлан и Логан по-прежнему в своих костюмах, а мы с Эрикой все еще в наших платьях.

— Логан и Алисса, еще раз спасибо вам. За все. Сегодня вечером было все, о чем я когда-либо мечтала, — сказала Эрика. То, как она смотрела на Келлана и как он смотрел на нее — так и выглядит настоящая любовь.

— Нет проблем, Келлан. Знаю, что на завтра у тебя назначена встреча с врачом. Я буду там. Но сегодня, думаю, останусь у Алиссы, так что молодожены смогут провести ночь у себя дома только вдвоем, — сказал Логан.

Келлан улыбнулся и согласился, но Эрика рывкнула:

— Нет!

— Что? — спросила я.

— Мы должны сделать одну остановку, прежде чем разъедемся по своим домам, — пояснила она.

— Ладно. Где? — спросил Логан мою сестру.

Эрика коварно улыбнулась, и эта улыбка точно объяснила, куда мы поедем.

***

Мы вчетвером стояли между рядами в «Потери Барн», разглядывая разные наборы тарелок — Эрика в глубокой задумчивости и прищурившись, остальные же покачиваясь взад-вперед.

— Тебе действительно так уж нужно было разбить всю мою посуду? — спросила она, склоняя голову влево и разглядывая нечто, стоящее дороже моего платья подружки невесты.

— Это была идея Логана, — сказал Келлан, бросая брата на амбразуру.

— Алисса согласилась с этим, — ответил Логан.

— Келлан сказал, что ты не будешь против, — вмешалась я.

— Без разницы. Вы все виноваты.

— Ты не можешь обвинять меня, — защищался Келлан. — У меня...

— Рак! Мы это знаем! — простонали хором Логан, Эрика и я.

Он засмеялся.

— Хорошо. На счет три каждый показывает мне набор, который я куплю, прежде чем мы перейдем к бокалам. Один, два, три!

— Вот этот! — хором закричали мы, указывая на разные наборы, после чего начали спорить, кричать, улыбаться и смеяться.

Когда, наконец, тарелки были выбраны, в нашем беспокойном пятом ряду воцарилось

спокойствие. Я оглядела этих людей, которые знали друг о друге все: что для них хорошо, что плохо и что их губит. Я видела ее. Она все еще была здесь. Через всю боль, слезы, через все катастрофы наша любовь друг к другу каким-то образом выжила. Каким-то образом мы по-прежнему были связаны друг с другом.

Мои люди.

Моя семья.

Мой клан.

Каким-то образом мы остались нерушимыми.

Глава 47

Логан

В офисе Ти Джея было холодно. Холоднее, чем нужно. Но я уже привык к этому. Я не пропускал ни одной его встречи с Келланом с тех пор, как вернулся в Тру-Фолс.

На левом углу стола стояла баночка драже, на правом — с красной лакрицей.

По крайней мере, он избавился от черной.

Я скрестил руки на груди и прижал их к телу, чтобы согреться. Черт. Я замерз. Я перевел взгляд к стулу, на котором сидел Келлан.

Взглянув на Ти Джея, я увидел, что его губы двигались довольно быстро. Он снова и снова объяснял ситуацию. Хотя я не мог быть в этом уверен, потому что больше не слушал.

Я не помнил, в какой именно момент я перестал вслушиваться в слетающие с его губ слова, но последние пять или десять минут я просто наблюдал за движениями его рта.

Я вцепился руками в края стула.

Эрика сидела по другую сторону от Келлана, по ее щекам катились слезы.

— Это помогает? — спросила она, вырвав меня из оцепенения.

— Это помогает, — голос Ти Джея был полон надежды, и он даже улыбнулся. — Химиотерапия помогает. Мы еще не победили, но движемся в правильном направлении.

От ошеломительно-переполняющего ощущения надежды у меня остановилось дыхание, а сердце испуганно забило с ужасающей скоростью, сотрясая все тело.

— Я... — мой голос оборвался. Я чувствовал, что должен что-то сказать, потому что Келлан вообще молчал. Но я не знал, какие слова будут правильными в этой ситуации. Я крепче вцепился пальцами в стул. Потерев правой рукой щеку, я прокашлялся. — Это помогает? — спросил я.

Ти Джей начал говорить, но я снова перестал слушать. Я сжал левую руку Келлана, а Эрика — правую

Мой брат, мой герой, мой лучший друг борется с раком.

Он победит рак.

И я, наконец, смог дышать.

***

В ту ночь мы с Алиссой поднялись на рекламный щит и всматривались в рассыпанные по небу звезды. Мы ели малиновые «Орео» и целовались до тех пор, пока не начали задыхаться. Мы вспоминали все, через что прошли, и мечтали о том, что нас ожидает.

— Мне понравился фильм про греческий миф о фениксе, который ты мне подарила, — сказал я. Мы сидели у края рекламного щита, свесив ноги. — Мне очень нравится легенда об этой птице, которая, сгорая, умирает, но потом вновь возрождается из пепла и получает в жизни новый шанс.

Она улыбнулась.

— Да. Ты и есть феникс, Логан. Ты зашел так далеко, столько всего перенес, но смог возродиться.

Я покачал головой.

— Я копался в разных мифах и легендах о фениксе и о том, что он символизирует. И хотя я высоко ценю миф, сложенный греками, но китайский вариант мне гораздо ближе.

— Как они это представляли?

— Фениксов обычно было два: мужчина и женщина. Два феникса вместе олицетворяли инь и янь. Это две части целого. Феникс-женщина олицетворяла покорность, нежность, интуицию. А мужчина-феникс — настойчивость и решительность. Вместе они олицетворяли вечную гармонию. В некоторых странах фигурки двух фениксов дарят на свадьбу, они символизируют постоянство и счастье.

— Как прекрасно, — сказала она.

— Я тоже так считаю.

Какое-то время мы молча смотрели на небо.

— Хай?

— Да?

Мои ладони вспотели, когда я полез в карман и достал маленькую коробочку. Алисса коротко вздохнула, взглянув на нее, а потом наши взгляды встретились.

— Что ты делаешь, Ло?

— Правда или ложь?

— Ложь.

— Я абсолютно ничего не делаю.

Ее нижняя губа задрожала.

— А правда?

— Я начинаю возрождаться из пепла. Это только самое начало пути, но когда это произойдет, я хочу, чтобы ты всегда была со мной.

Открыв маленькую коробочку, я достал обручальное кольцо. Оно было сделано в виде двух фениксов, с бриллиантом на месте соединения их крыльев.

— Ты мой целитель. Ты моя сила. Ты моя вечность. И если ты не против, если ты согласна, я буду счастлив сделать тебя моей женой.

— Правда? — проговорила она еле слышно.

— Правда, — ответил я.

Она придвинулась ближе ко мне, коснулась своими губами моих и дрожащим голосом произнесла:

— Навсегда, Ло?

Я взял ее руки, надел ей на палец кольцо и, нежно поцеловав, ответил:

— Навсегда, Хай.

Эпилог

Логан

Семь лет, одна свадьба, одно полное выздоровление, двое детей и самая сильная любовь на все времена.

Я счастлив.

У меня нет известного имени и великих достижений, чтобы передать это своим детям. Я не гений-миллионер. У меня нет трех научных степеней. Скорее всего, я всю жизнь буду работать, чтобы сводить концы с концами, но они всегда будут сходиться, потому что у меня есть любовь. У меня есть три человека, поддержка которых помогла мне сделать шаг вперед в самые трудные времена. У меня есть три человека, которые верили в меня и мои далекие мечты.

Мы с Алиссой смогли реализовать одну из наших фантазий: «АлиЛо» — ресторан и пиано-бар. Мы управляем им уже два года, и это самое мое большое достижение — после детей. Но я продолжаю стремиться к большему. Однажды я подарю моим детям и моей прекрасной жене целый мир.

Мои дети никогда не узнают, что значит быть нелюбимыми. Они были желанными еще до прихода в этот мир.

Алисса — моя прекрасная любовь. Она спасла мне жизнь. Она дала мне стимул жить дальше, и для меня большая честь любить ее. Она отдавала мне все, когда я ничего не мог дать взамен. Она убедила меня, что я не являюсь продуктом своего прошлого. Она дала веру в то, что мне предначертано удивительное будущее. И я пообещал ее сердцу, что никогда не забуду этого. Она всегда была огнем, согревающим мою душу холодными ночами.

— Это очень высоко! — крикнул мой пятилетний сын Келлан, когда мы подошли к лестнице у рекламного щита. Его назвали в честь дяди, который по-прежнему стремится к своей мечте стать успешным музыкантом, и с каждым днем эта мечта становится все ближе.

Его младшая сестра Джули, посмотрела вверх, сидя на моих плечах.

— Да, папочка! Очень высоко!

Ее назвали в честь бабушки — женщины, познавшей больше мрака, чем света. Но теперь она научилась видеть солнце и последние семь лет держит своих демонов в страхе.

Не каждый день был легким, но каждый день дарил счастье.

Я улыбнулся Алиссе, которая предупреждала меня, что дети могут испугаться высоты. Но мне хотелось, чтобы этой ночью они увидели звезды с того самого места, где я впервые почувствовал любовь.

— У нас есть одеяла, — сказала Алисса. — Мы всегда можем лечь на них и просто смотреть вверх.

— Так можно, папа? Можно мы просто будем смотреть вверх, и не будем подниматься туда? — спросил Келлан.

— Конечно, так даже лучше.

В эту ночь мы молчали, глядя в звездное небо, которое постепенно исчезало во тьме. Я обнял Алиссу за талию, и она прислонилась ко мне спиной, позволяя быть ее опорой. Каждый вечер, где бы мы ни были, мы смотрели, как садится солнце. И каждое утро просыпались рано, чтобы увидеть его восход. Это как в жизни: даже когда день угасает, вам всегда дается еще один шанс, вторая попытка, чтобы попробовать снова возродиться из пепла.

Дети носились вокруг, играя, а мы с Алиссой смотрели на созданные нами новые жизни. Они были нашим счастливым «навсегда», дарами, приносящими столько радости.

Боже, я счастлив.

Я так невероятно счастлив, спокоен и любим.

Когда небо стало черным и нас коснулся прохладный ветерок, я притянул Алиссу ближе и шепнул ей на ухо:

— Навсегда, Хай?

— Навсегда, Ло.

Я пожал плечом.

Она пожала плечом.

Я улыбнулся.

Она улыбнулась.

Я приоткрыл губы.

Она приоткрыла губы.

Я наклонился.

Она наклонилась.

Наши губы соединились.

И хотя я уверенно стоял ногами на твердой земле, я никогда в жизни не чувствовал себя парящим так высоко.

* КОНЕЦ *

Больше книг на сайте - Knigolub.net